

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

ISSN 2949-1819 (Online)

№ 1(10) – 2025

7

Диалог
как механизм
разрешения
юридических
конфликтов

16

Медиация в Китае:
идеологическое
обоснование
и современная
ситуация

84

Ценностное значение
исторической памяти
и исторической
правды в контексте
государственной
молодежной
политики

Corrige praetertum

Praesens rege

Cerne futurum

12+

Praesens rege
Cerne futurum

Praesens rege

Corrige praetertum

Praesens rege

Praesens rege

Cerne futurum

Corrige praetertum

Cerne futurum

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

JOURNAL OF LEGAL ANTHROPOLOGY AND CONFLICTOLOGY

Сетевое научно-практическое издание

Основан в 2022 году

Выходит 4 раза в год

№ 1(10) – 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

FOUNDER AND PUBLISHER:
Federal State Budgetary Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»

Сетевое научно-практическое издание
«Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

Рецензируемый научный журнал
Издается с декабря 2022 года
Выпускается 4 раза в год

Публикует научные работы на русском и английском языках по актуальным проблемам юридической науки.
Приоритетными направлениями исследований для Журнала являются вопросы юридической антропологии и конфликтологии, теории, истории и философии права, сравнительного правоведения, методологии правовых исследований.
Редакция Журнала высоко ценит и поддерживает юридико-антропологические и конфликтологические исследования в области различных отраслевых юридических наук, а также междисциплинарные работы по изучению государственно-правовой реальности.

Журнал принимает к публикации: обзоры, оригинальные статьи, краткие сообщения от ведущих ученых России, зарубежных исследователей, преподавателей, аспирантов, соискателей, адъюнктов.

Миссия журнала – обеспечение открытого доступа к результатам оригинальных научных работ в области юриспруденции, а также междисциплинарных исследований в различных сферах взаимодействия общества, государства и права; развитие широкой научной дискуссии, направленной на формирование соответствующих современным реалиям концептов правовой теории.

Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации серия Эл № ФС77-83459 от 15 июня 2022 г.

Адрес Редакции и Учредителя:
394018 Воронеж, Университетская пл., 1
Тел.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Дата выхода в свет номера: 19.06.2025

При использовании материалов Журнала ссылка на Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» обязательна

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
© Воронежский государственный университет, 2025

Networking scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology"

Reviewed scientific journal
Published since December, 2022
4 issues released per year

Publishes scientific issues in Russian and English languages on the current problems of the juridical science.

The priority areas of research for the Journal are the issues of legal anthropology and conflictology, theory, history and philosophy of law, comparative law, juridical methodology.

The editorial board of the Journal highly appreciates and supports the legal-anthropological and conflictological research in various fields of legal sciences, as well as multidisciplinary works on the study of governmental and legal reality.

The Journal accepts for publication: reviews, original articles, brief messages from the leading Russian scientists, foreign researchers, lecturers, graduate students, applicants, adjuncts.

The mission of the Journal is to provide open access to the results of the original researches in the sphere of jurisprudence, as well as the multidisciplinary works in different areas of interaction between society, state and law; developing the broad scientific discussion aimed at the formation of the concepts of legal theory, corresponding to the modern realities.

Network scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Registration certificate Эл № ФС77-83459 of 15.06.2022

Editorial committee and founder address:
394018 Russia, Voronezh, Universitetskaya square, 1
Tel.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Issue publication date: 19.06.2025

When using the materials of the Journal the reference to the networking scientific and practical edition "Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is required

The materials of the Journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International
© Voronezh State University, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Махина С. Н.**, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Заместители главного редактора: **Малиновская Н. В.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Завьялова И. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Ответственный секретарь – **Шелестов Д. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Члены редакционной коллегии: **Алексеева Т. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Архипов В. В.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург); **Баев М. О.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Баулин О. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Бирюков П. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Васильев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Россия, г. Барнаул); **Власенко Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский университет дружбы народов (Россия, г. Москва); **Гамбарян А. С.**, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет (Армения, г. Ереван); **Демичев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России (Россия, г. Нижний Новгород); **Дорская А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (Россия, г. Санкт-Петербург); **Зражевская Т. Д.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Ломакина И. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Малько А. В.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, г. Саратов); **Михайлов А. М.**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва); **Носырева Е. И.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Павлов В. И.**, кандидат юридических наук, профессор, Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск); **Панько К. К.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Сазонникова Е. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Раззоков Б. Х.**, доктор юридических наук, профессор, Таджикский государственный университет коммерции (Республика Таджикистан, г. Душанбе); **Романовская В. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород); **Сорокина Ю. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Старилов Ю. Н.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Честнов И. Л.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Шеменева О. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж).

EDITORIAL COMMITTEE OF JOURNAL

Chief editor – **Makhina S. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of VSU Law Faculty, Voronezh State University (Russia, Voronezh). Executive editors: **Malinovskaya N. V.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Zavyalova I. S.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh). Executive secretary – **Shelestov D. S.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh). Members of editorial committee: **Alexeeva T. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, The North-West Institute of Management of the RANEPA (Russia, Saint-Petersburg); **Arkhipov V. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg); **Baev M. O.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Baulin O. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Birukov P. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Vasiliev A. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Altai State University (Russia, Barnaul); **Vlasenko N. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow); **Gambaryan A. S.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Russian-Armenian (Slavic) University (Armenia, Yerevan); **Demichev A. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod); **Dorskaya A. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, The Northwestern Branch of Russian State University of Justice (Russia, Saint-Petersburg); **Zrazhevskaya T. D.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Lomakina I. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg); **Malko A. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Povolzhsky Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russia, Saratov); **Mikhailov A. M.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Russia, Moscow); **Nosyreva E. I.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Pavlov V. I.**, Candidate of Legal Sciences, Professor, Academy of Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk); **Panko K. K.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Sazonnikova E. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Razzokov B. H.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Tajik State University of Commerce (Republic of Tajikistan, Dushanbe); **Romanovskaya V. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod); **Sorokina Yu. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Starilov Yu. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Chestnov I. L.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg); **Shemeneva O. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh).

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Честнов И. Л.</i> Диалог как механизм разрешения юридических конфликтов.....	7
<i>Сорокина Ю. В.</i> Медиация в Китае: идеологическое обоснование и современная ситуация	16

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Павлов В. И.</i> Антрополого-правовые и текстологические особенности рецепции норм византийского права в праве Древней Руси (на примере византийского источника права «Эклога»).....	31
<i>Иванов Ю. А.</i> Особенности источников права средневековой Чехии и формирование гражданского права и процесса	64
<i>Аламов Х. Н.</i> Отражение прав человека в Декларации Великого Кира.....	77
<i>Борисов А. М.</i> Ценностное значение исторической памяти и исторической правды в контексте государственной молодежной политики	84
<i>Жданов П. С.</i> Понятие правосознания в ценностно-идеологическом контексте русской теории права XIX–XX веков	96

ОСОБЫЕ ПРАВОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТЕХНИКИ

<i>Василевич С. Г.</i> Экстраординарные и иные юридические меры по разрешению конфликта между высшими органами государственной власти Российской Федерации и Республики Беларусь.....	109
<i>Ситников К. А.</i> Специфика нормотворчества органов внутренних дел как фактор, обуславливающий особенности языка ведомственных нормативных правовых актов	118
<i>Шкаревский Д. Н.</i> Регламентация деятельности дознавателей советских вооруженных сил в 1930-е годы	125

СТРАНИЧКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Козлова А. А.</i> Законы Хаммурапи как инструмент защиты духовно-нравственных ценностей	133
---	-----

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

<i>Малиновская Н. В.</i> Обзор Третьей ежегодной осенней научной сессии «Правовые ценности в условиях многополярного мира» (Воронеж, 12 ноября – 10 декабря 2024 г.) (Часть I).....	141
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	157
-------------------------------------	-----

CONTENTS

CONFLICTOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Chestnov I. L.</i> Dialogue as a mechanism for resolving legal conflicts.....	7
<i>Sorokina Yu. V.</i> Mediation in China: ideological justification and current situation	16

ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Pavlov V. I.</i> Anthropological, legal and textual features of the reception of the norms of Byzantine law in the law of Ancient Rus (on the example of the Byzantine source of law "Eclogue").....	31
<i>Ivanov Yu. A.</i> Features of the sources of law of the medieval Czechia and the formation of civil law and procedure	64
<i>Alamov Kh. N.</i> Reflection of human rights in the Declaration of Cyrus the Great.....	77
<i>Borisov A. M.</i> The value significance of historical memory and historical truth in the context of state youth policy	84
<i>Zhdanov P. S.</i> The concept of legal consciousness in the value-ideological context of the Russian theory of law of the XIX–XX centuries.....	96

SPECIAL LEGAL TECHNOLOGIES AND TECHNIQUES

<i>Vasilevich S. G.</i> Extraordinary and other legal measures to resolve the conflict between the supreme authorities of state power of the Russian Federation and the Republic of Belarus.....	109
<i>Sitnikov K. A.</i> The specifics of the rule-making of internal affairs bodies as a factor determining the peculiarities of the language of departmental normative legal acts.....	118
<i>Shkarevsky D. N.</i> The regulation of the activities of investigators of the Soviet armed forces in the 1930th	125

YOUNG SCIENTISTS' PAGE

<i>Kozlova A. A.</i> Hammurabi's laws as a tool for protecting spiritual and moral values.....	133
--	-----

REVIEWS, CRITIQUES

<i>Malinovskaya N. V.</i> Review of the Third Annual Autumn Scientific Session "Legal Values in a Multipolar World" (Voronezh, November 12 – December 10, 2024) (Part I)	141
--	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	157
--------------------------------------	-----

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

УДК 340.01

ДИАЛОГ КАК МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

И. Л. Честнов

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

Поступила в редакцию 4 февраля 2025 г.

Аннотация: показаны перспективы диалога в разрешении юридических конфликтов. Утверждается необходимость операционализации диалогизма как философского направления в инструментальную программу. В статье рассматриваются процедуры делиберативной аргументации, выражающие диалогизм, позволяющие достичь консенсус в правовых конфликтах.

Ключевые слова: диалог, юридический конфликт, делиберация, аргументативный дискурс.

DIALOGUE AS A MECHANISM FOR RESOLVING LEGAL CONFLICTS

I. L. Chestnov

*St.-Petersburg Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*

Abstract: the prospects for dialogue in resolving legal conflicts are shown. The necessity of operationalizing dialogism as a philosophical trend into an instrumental program is argued. The article discusses the procedures of deliberative argumentation, expressing dialogism, allowing to reach consensus in legal conflicts.

Key words: dialogue, legal conflict, deliberation, argumentative discourse.

Диалог – сложное явление. Некогда популярная в филологии и философии тема диалога, получившая некоторое развитие в других общественных дисциплинах, сегодня редко востребуется в научных исследованиях (приятное исключение составляют последние публикации А. В. По-

© Честнов И. Л., 2025

лякова). Однако диалог – это ни много ни мало основание социальности, единственно возможный способ совместной жизнедеятельности людей.

Энтузиазм, с которым идеи диалогизма были восприняты, например, в социологии, политологии, юриспруденции, значительно поубавился, возможно, потому, что чрезвычайно сложно операционализировать (использовать) диалогическую методологию в практике, в том числе юридической. Если диалог определить как взаимопонимание (а именно так его трактуют и в философии, и в лингвистике), то возникает вопрос: имеет ли место диалог на поле боя, когда один военачальник мысленно понимает тактику противника и оба они используют ее в своих целях (в данном случае – разгромить противника)? Можно ли говорить о диалоге между лицом, совершившим преступление, и представителем государства, задачей которого является изобличение правонарушителя, принимая во внимание, что и тот, и другой стремятся понять противоположную сторону? Даже если диалог определить как такое взаимопонимание, которое предполагает сотрудничество сторон, то критерии такового – сотрудничества – также можно интерпретировать по-разному (например: можно ли считать внешним проявлением диалога ненападение на другого; является ли диалогом «миссия белого человека», к которой многие традиционные общества отнеслись негативно; можно ли считать диалогом вынужденное сотрудничество?).

Всё это говорит о том, что одним из важнейших направлений развития философии и теории диалогизма является выяснение того, как диалогическая методология трансформируется в методику, например, разрешения юридических конфликтов. Об этом и пойдет речь ниже.

Сегодня уместно говорить о том, что отличительной особенностью постсовременного общества является рост его конфликтогенности или агональности: хотя это свойственно любому социуму, однако именно сегодня количество и интенсивность конфликтов резко возросло. При этом критерии конфликтности не менее проблематичны, чем признаки диалогичности: высказывание иной точки зрения в научной полемике – это конфликт? А если противоположная позиция заявляется в политическом собрании? Следует ли к конфликтам относить только военное противостояние или ненасильственное сопротивление – это тоже разновидность конфликта?

Эта сложность в квалификации (с политико-юридической точки зрения) усугубляется тем, что современные конфликты приобрели информационную форму, вне которой они, по большому счету, не существуют. Более того, виртуализация постсовременного общества приводит к тому, что любой конфликт всегда включает борьбу за информационный ресурс – навязать другой (другим) стороне свое «видение и делание со-

циального мира» (по терминологии П. Бурдьё). Как утверждается в неомарксистских постструктуралистских исследованиях власти, поздний капитализм стал использовать мягкие, но всепроникающие механизмы воздействия на умы и поведение подвластных как раз с помощью власти-знания. Информация стала новой производительной силой и значительно изменила социальную структуру, по сравнению с классическим капитализмом (с моей точки зрения, это основание именовать такое общество информационным или постиндустриальным). На смену классам и классовой стратификации приходит разделение людей по принципу включенные/исключенные. В результате основное разделение на конфликтующие сегменты проходит не по классовой дифференциации, а по основаниям включенности/исключенности. Этот вопрос, несомненно, требует специального осмысления. Сейчас же можно констатировать: сегодня стало очевидным, что актуальнейшей и одновременно сложнейшей задачей социальных наук (и правоведения) является выработка адекватных способов разрешения или регулирования конфликтов, включая юридические.

Пожалуй, следует согласиться с мнением Р. Дарендорфа, классика конфликтологии, утверждавшего, что конфликты имманентны социальной системе¹ и потому «окончательно разрешить их» в ее – системе – рамках невозможно, для этого необходимо революционное ее изменение. Но возможно и необходимо регулировать конфликты, снижая их интенсивность (степень значимости, важности для их акторов)². Одним из перспективных вариантов таковых является диалогическая методология.

Однако, повторюсь, весьма непростым является «перевод» диалогизма как оригинального направления философской мысли в методолого-методическую плоскость для того, чтобы использовать таковую в качестве операциональной программы разрешения конфликтов. Полагаю, что из существующих на сегодняшний день такого рода программ ближе всего к идеям диалога примыкает делиберативная теория достижения согласия по вопросам истины, нормативной значимости и уместности (понятности), разработанная Ю. Хабермасом³. Она дополняет и конкретизирует общие принципы регулирования конфликтов, сформулированные в со-

¹ Это же утверждает другой классик современной социологии Р. Коллинз, заявляя, что люди – общественные, но склонные к конфликтам животные. Конфликты, сопровождаемые насилием, – это, по его мнению, потенциальный ресурс с нулевой суммой. См.: *Collins R. Conflict sociology: toward an explanatory science. N.Y., 1975. P. 58.*

² См.: *Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Западная социология: современные парадигмы : антология / сост. Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко. Минск, 2015. С. 180.*

³ См.: *Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем А. К. Судакова. М., 2022.*

временной конфликтологии, например, Р. Дарендорфом. К ним относятся манифестирование конфликта, т.е. признание того, что конфликт реально существует, и согласие участников конфликта на известные «правила игры» – способы разрешения противоречий (такowymi являются переговоры, посредничество, арбитраж и др.)⁴.

Делиберативная теория или программа, ко всему прочему, уточняет важные практические проблемы так называемой со-общественной теории и практики, разработанные в 70-е гг. XX в. американским политологом нидерландского происхождения А. Лейпхартом. Этот подход был разработан и апробирован специально для разрешения конфликтов в многосоставных обществах⁵. К многосоставным обществам относятся такие, в которых существует четкая граница между конфликтующими сегментами и сами они обладают явно и ясно выраженной политико-правовой идентичностью. Правила разрешения конфликтов, доказавшие свою работоспособность, следующие:

1) большая коалиция: власть в таком государстве осуществляется коалицией лидеров конфликтующих сегментов. Это может быть кабинет большой коалиции в парламентской республике; комитет с широкими полномочиями с участием президента и представителей сторон в президентской республике;

2) правило взаимного вето при принятии решений, обеспечивающее обязательный учет мнения каждой из сторон;

3) пропорциональность при формировании органов государственной власти и распределения ресурсов;

4) широкая автономия всем сегментам такого многосоставного общества⁶.

При всех достоинствах этой теории и практики в ней не разработан (или не получил четкой детализации, кроме правила отлагательного вето) механизм или процедура того, как следует вести переговоры конфликтующим сегментам, как должны вырабатываться решения и нормы. Представляется, что делиберативная концепция как механизм обсуждения дает ответ на этот вопрос и направлена на то, чтобы обеспечить диалог как взаимное согласие. Такое согласие предполагает формальное равенство и свободу волеизъявления потенциально неограниченной аудитории, которая по правилам аргументации вырабатывает, например, социальные нормы (включая нормы права)⁷, притязающие

⁴ См.: Дарендорф Р. Указ. соч. С. 180–181.

⁵ См.: Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. под ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской. М., 1997.

⁶ См.: Там же. С. 60–88.

⁷ Делиберация успешно работает, прежде всего, при выработке политических решений.

на универсальную значимость – распространяющиеся на всех, кого они затрагивают, и являющиеся легитимными, так как выработаны на основе взаимного согласия. Важно то, что консенсус, который после появления критических теорий всегда «под подозрением», не является заранее заданным, предсуществующим, но конструируется рациональной аргументацией. Такой подход разрабатывает К.-О. Апель, который сформулировал концепт «свободной от принуждения коммуникации». Аргументативный дискурс, которому он уделяет большое внимание, направлен на рациональное восприятие спорных притязаний и выработку консенсуса⁸. При этом процедуры делиберации позволяют выработать консенсус по поводу притязающих на значимость норм права на основе возможности оспаривания любой иной точки зрения и тем самым обеспечить их – норм – легитимность⁹.

Рассмотрим процедуры делиберативности применительно к выработке притязающих на значимость норм права¹⁰. Ю. Хабермас среди десятка процедур делиберации основное внимание уделяет следующим:

- каждый владеющий языком и дееспособный субъект может принять участие в дискурсе;
- каждый может вводить в дискурс любое утверждение;
- каждый может выражать свои установки, желания и потребности;
- никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать никому из говорящих реализовать свои права, определенные в этих процедурах¹¹.

Другие авторы к принципам делиберативности относят:

- всеобщую политическую информированность граждан о планах по текущему управлению и реформам;
- возможность публичного выражения мнения для любого лица или ассоциации;
- осознанное, добросовестное и последовательное использование аргументов в открытой полемике на любую общественно значимую тему;
- запрет на исключение какой-либо группы (лица) из коммуникации;
- широкое распространение общественных консультаций и экспертиз – электронное правительство¹².

⁸ См.: *Apel K.-O. Die Diskursethik. Theorien-Entwicklungen-Perspektiven*. Berlin, 2000.

⁹ См. подробнее: *Хабермас Ю.* Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / пер. с нем. Т. Атнашева. М., 2023. С. 29–31.

¹⁰ Они, со ссылкой на Р. Алекси, изложены Ю. Хабермасом в работе: *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. СПб., 2000. С. 137–147.

¹¹ См.: Там же. С. 140.

¹² См.: *Беляев М. А.* Делиберативная модель демократии: базовые принципы и проблемы реализации // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 3. С. 87.

Важно, что решение принимается только тогда, когда чья-то позиция убедительна и значима для всех остальных. Поэтому «убеждения в конечном счете покоятся на достигнутом в ходе дискурса консенсусе»¹³. Общий вывод Ю. Хабермаса гласит: на искомую значимость «могут претендовать только те нормы, которые получают (или могли бы получить) одобрение со стороны всех заинтересованных лиц как участников практического дискурса»¹⁴. Поэтому принципиальное значение приобретают правила аргументации, призванные сделать рациональными и универсальными индивидуальные притязания на значимость выдвигаемых норм права.

К.-О. Апель формулирует следующие нормативные правила аргументативного дискурса:

1) воздержание от использования всего того, что не относится к аргументации;

2) выдвижение таких аргументов, которые были бы приняты всем коммуникативным сообществом, включая процедуры их тестирования мыслительными экспериментами или, если такая возможность существует, на практике;

3) признание других как равноправных себе участников коммуникации, если они соблюдают правила аргументации;

4) приложение усилий для расширения понимания своих аргументов другими участниками коммуникации¹⁵.

Нидерландские логики Ф. Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст, развивая идеи Х. Перельмана и Ст. Тулмина, формулируют следующие правила рациональной аргументации – «прагма-диалектической дискуссии», которые конкретизируют идеи делиберации:

- право на оспаривание любой точки зрения;
- участник дискуссии, ставящий под сомнение точку зрения другого участника дискуссии, имеет право вызвать его для защиты своей позиции;
- последний обязан принять выдвинутый вызов кроме специально оговариваемых случаев;
- бремя доказывания несет тот, кто выдвигает свою точку зрения;
- стороны должны договориться о правилах проведения дискуссии, в том числе о том, как именно выдвигаются и защищаются приводимые аргументы;
- список пропозиций должен быть заранее согласован обеими сторонами, и выработаны критерии их приемлемости (интерсубъективной идентификации);

¹³ Беляев М. А. Указ. соч. С. 141.

¹⁴ Там же. С. 146.

¹⁵ См.: *Apel K.-O. Op. cit. S. 38–41.*

– критерии успешности аргументации должны быть заранее определены: речь идет о процедурах intersubjective экспликации и тестирования позиций через использование допустимых аргументов¹⁶.

Представленный подход, как и вся формальная логика, является процедурно-формальным, хотя в этом заключено его преимущество: невозможно заранее определить содержательность приводимых аргументов, но если действовать в соответствии с согласованными заранее правилами, то можно прийти к взаимному согласию по многим конфликтным вопросам. Ко всему прочему, как отмечает Ю. Хабермас, в современных плюралистических обществах универсальное мировоззрение утратило свою легитимирующую силу, поэтому легитимность современного демократического правового государства основана исключительно на «юридически институционализированной процедуре принятия решений»¹⁷. Таким образом, важен анализ прагма-диалектической реконструкции конфликта, который способен привести к преодолению разногласий, если удастся изучить, «какие именно вопросы являются предметом спора, какие процедуры и фактические отправные точки выбраны, какие эксплицитные, имплицитные, косвенные и невысказанные аргументы выдвигаются, какие схемы аргументов используются в каждой отдельной аргументации и как аргументация, сформированная путем объединения отдельных аргументов, структурирована»¹⁸.

Библиографический список

Беляев М. А. Делиберативная модель демократии: базовые принципы и проблемы реализации / М. А. Беляев // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 79–95.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Западная социология: современные парадигмы : антология / сост. Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко. – Минск : Белорусская наука, 2015. – С. 174–182.

Еемерен Ф. Х. ван. Систематическая теория аргументации : прагма-диалектический подход / Ф. Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст ; пер. с англ. И. В. Берестова, О. А. Доманова, Д. В. Ильиной, И. Е. Кима ; под общ. ред. О. А. Доманова. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. – 264 с.

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах : сравнительное исследование / А. Лейпхарт ; пер. с англ. под ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

¹⁶ См.: Еемерен Ф. Х. ван, Гроотендорст Р. Систематическая теория аргументации: прагма-диалектический подход / пер. с англ. И. В. Берестова, О. А. Доманова, Д. В. Ильиной, И. Е. Кима ; под общ. ред. О. А. Доманова. М., 2021. С. 173–200.

¹⁷ Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика. С. 89–90.

¹⁸ Там же. С. 125.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева. – СПб. : Наука, 2000. – 380 с.

Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас ; пер. с нем А. К. Судакова. – М. : Весь мир, 2022. – 577 с.

Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Ю. Хабермас ; пер. с нем. Т. Атнашева. – М. : НЛО, 2023. – 104 с.

Apel K.-O. Die Diskursethik. Theorien-Entwicklungen-Perspektiven / K.-O. Apel. – Berlin, 2000. – 304 s.

Collins R. Conflict sociology: toward an explanatory science / R. Collins. – N.Y. : Academic Press, 1975. – 584 p.

References

Belyaev M. A. The deliberative model of democracy: basic principles and problems of implementation / M. A. Belyaev // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2019. – Vol. 14, No. 3. – Pp. 79–95.

Dahrendorf R. Elements of the theory of social conflict // Western sociology: modern paradigms: an anthology / R. Dahrendorf ; comp. G. N. Sokolova, L. G. Titarenko. – Minsk : Belorusskaya Nauka Publ., 2015. – Pp. 174–182.

Eemeren F. H. van. Systematic theory of argumentation: a pragmatic dialectical approach / F.H. van Eemeren, R. Grootendorst ; translated from English by I. V. Berestov, O. A. Domanov, D. V. Ilyina, I. E. Kim ; under the general editorship of O. A. Domanov. – Moscow : Canon+ ROOI "Rehabilitation", 2021. – 264 p.

Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action / Yu. Habermas ; translated from German edited by D. V. Sklyadnev. – St. Petersburg : Nauka Publ., 2000. – 380 p.

Habermas Yu. Theory of communicative activity / Yu. Habermas ; translated from German by A. K. Sudakov. – Moscow : The Whole World, 2022. – 577 p.

Habermas Yu. A new structural transformation of the public sphere and deliberative policy / Yu. Habermas ; translated from German by T. Atnashev. – Moscow : UFO, 2023. – 104 p.

Leiphart A. Democracy in multicomponent societies: comparative studies / A. Leiphart ; translated from English edited by A. M. Salmin, G. V. Kamenskaya. – Moscow : Aspect Press, 1997. – 287 p.

Apel K.-O. Die Diskursethik. Theorien-Entwicklungen-Perspektiven / K.-O. Apel. – Berlin, 2000. – 304 s. [In Germ.]

Collins R. Conflict sociology: toward an explanatory science / R. Collins. – N.Y. : Academic Press, 1975. – 584 p. [In Engl.]

Для цитирования:

Честнов И. Л. Диалог как механизм разрешения юридических конфликтов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1 (10). С. 7–15.

Recommended citation:

Chestnov I. L. Dialogue as a mechanism for resolving legal conflicts // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 1(10). Pp. 7–15.

Сведения об авторе

Честнов Илья Львович – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: ichestnov@gmail.com

Information about author

Chestnov Ilya Lvovich – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

E-mail: ichestnov@gmail.com

МЕДИАЦИЯ В КИТАЕ: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ

Ю. В. Сорокина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 февраля 2025 г.

Аннотация: рассмотрена эволюция процедур медиации в Китае, выявлены этапы развития данного института, обосновывается органичность медиации как для традиционного, так и современного Китая. Медиация в настоящее время претерпевает глубокие сущностные изменения, связанные с обращением к индивидуальным правам и интересам, в отличие от традиционных форм значительного преобладания общественного интереса над личным. Рассматриваются типы медиации, которые охватывают разные сферы конфликтов. Также проанализированы законы, которые регулируют процесс медиации, ее субъектов и процедур.

Ключевые слова: медиация, судебный процесс, общество, государство, гармония, закон, процедуры, срединный путь, примирение, соглашение.

MEDIATION IN CHINA: IDEOLOGICAL JUSTIFICATION AND CURRENT SITUATION

Yu. V. Sorokina

Voronezh State University

Abstract: this article examines the evolution of mediation procedures in China, identifies the stages of development of this institution, and substantiates the organic nature of mediation for both traditional and modern China. Mediation is currently undergoing profound essential changes associated with an appeal to individual rights and interests, in contrast to traditional forms of significant predominance of public interest over personal interest. The types of mediation that cover different areas of conflict are considered. The laws that regulate the mediation process, its subjects and procedures are also analyzed.

Key words: mediation, judicial process, society, state, harmony, law, procedures, middle way, reconciliation, agreement.

Китайская цивилизация насчитывает уже несколько тысяч лет. Климат и ландшафт Китая не обеспечивали благоприятных условий для жизни. Населению приходилось не жить, а именно выживать. В одиночку или малыми группами это не представлялось возможным, а потому

главной экономической и социальной единицей была община, что порождало формирование специфического коллективистского сознания. Общество обрабатывало сознание своих членов, внушало, что каждый человек является органической частью такой общины, что коллектив – начальный и конечный смысл его существования. Постепенно формировалась идеология гармонии, которая должна была обеспечить верность общине и готовность жертвовать своими интересами и даже жизнью ради общего блага. Для того времени такое мировоззрение было необходимо, поскольку люди постоянно находились в коммуникации друг с другом, личного пространства не существовало, и им нужно было не просто уживаться, но и проживать всю жизнь с членами общины. Идеология гармонии в определенной мере оправдывала их цели и образ жизни. Постепенно эта идеология трансформировалась в философские учения, которые начали жить своей жизнью.

Прежде чем приступить к небольшому разбору вопроса о медиации в Китае, следует сказать, что понимание гармонии в качестве исходной точки имеет интерес коллектива. Это не есть согласование индивидуальных интересов, как это можно наблюдать в западных сообществах, где гармония достигается за счет максимального учета интересов каждого. Каждый защищает свои интересы, но готов поступиться ими в пользу других членов сообщества. В Китае на первый план выходило жесткое целое, а понятия личных интересов просто не существовало. Каждый воспринимал себя и, соответственно, воспринимался другими как часть и принадлежность целого: семьи – сообщества – государства. Поэтому современная медиация в Китае предполагает сочетание западных форм и специфического национального содержания. При рассмотрении института медиации в Китае следует учитывать эту специфическую особенность китайской традиции.

С уверенностью можно сказать, что разрешение споров с целью примирения является самой древней формой правосудия, если, конечно, речь не шла о посягательствах на интересы общины. В этом случае правосудие имело карательный характер. В остальном при родоплеменном строе конфликты не носили глубокого и масштабного характера, поэтому «домашней» медиации было достаточно. И в последующие периоды, когда уже сформировалось зрелое государство, разрешение гражданских и мелких уголовных дел имело своей конечной целью именно примирение, даже если оно разрешалось в государственном суде.

Обратимся к специфическим особенностям китайской медиации. Правосудие в Китае, начиная с глубокой древности, основывалось на идее гармонии, которая была, как уже говорилось, базовой идеей для китайского общества и, в свою очередь, базировалась на концепции Срединного пути. Как пишет А. П. Давыдов, Срединный путь – «это эти-

ческие стереотипы в китайской национальной рефлексии и в философском теоретизировании с древних времен. Эти универсалии, родившись в учениях китайских мыслителей, вошли в ментальность народа»¹. Максима «Срединный путь» стала органической частью культуры и повседневной жизни китайцев.

Самые древние мысли о Срединном пути мы находим у Лао-цзы, чье учение изложено в его знаменитом произведении «Дао дэ цзинь» – «Книга о пути и благодати». Лао возводит Срединный путь до высот Вселенной, за пределы которой он старался заглянуть. Однако для решения вопроса об организации и функционировании общества требовалась более «приземленная» теория, которая бы стала своеобразной «инструкцией» для повседневной жизни. Эту задачу решил Конфуций, современник Лао. А. П. Давыдов пишет: «Первым, кто повернул ценностный вектор Дао из метафизики в реальное поведение, был Конфуций. Метафизическая интерпретация Дао не умерла, но именно ее конфуцианская трактовка стала наиболее популярной и обрела миллионы последователей. Появился термин Ши Сюэ – учение о реальности, который был введен последователем Конфуция Чжу Си (1130–1200)»².

Чуть подробнее остановимся на содержании понятия Срединного пути. Срединный путь означает прямоту без отклонения в какую-либо сторону, т.е. не допускается, чтобы что-то ценилось, а другое обесценивалось настолько, что им можно было пренебречь. При принятии решения необходимо прислушиваться к разным мнениям, ни одно не отбрасывая окончательно. Конфуцианство отделило Срединный путь от даосизма и буддизма, адаптировало высокое теоретизирование к реальной жизни людей. Конфуций – прагматик, и его учение относится к пониманию практической жизни, в основе которой лежит идея гармоничного развития человека через общество.

Содержание идеологии Срединного пути не остается неизменным, в чем, собственно, и заключается смысл его идеи. При этом Срединный путь – это вовсе не нейтралитет и отстраненность, как в даосизме или буддизме. Он означает: действовать, исходя из возможностей, но не слишком выделяться и обращать на себя внимание. «Не нужно быть слишком принципиальным, но надо соответствовать изменяющимся условиям окружающей среды, надо учитывать место, время, личностный фактор. Надо приспосабливаться к обстоятельствам и действовать в соответствии со сложившейся ситуацией. Надо уметь проявлять личную инициативу, чтобы анализировать и разрешать реально существующие

¹ Давыдов А. П. «Срединный путь» развития современного китайского общества: конфуцианские истоки // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. XXI (вып. 3–4), № 103–104. С. 121.

² Там же.

ющие проблемы. Необходимо анализировать ситуацию, держать ее под контролем и в нужное время пользоваться ею, чтобы нести добро»³.

Срединный путь означает, что следует ладить со средой, но не сливаться и не отождествлять себя с ней. Также следует быть вежливым в отношении с другими людьми. Нравственность и стремление творить добро также являются частью идеи Срединного пути.

Срединный путь означает равновесие: следует не склоняться в ту или иную сторону, но держаться середины; следует стараться, но не переусердствовать; любить, но не отдаваться своим чувствам полностью. «Всё в мире противоречиво, нужно найти центр противоречия. Из-за пристрастного отношения противоречия будут обостряться. Нужно быть осторожным в словах и заниматься самообразованием, самоконтролем, самоограничением. Надо ставить себя на место другого, быть искренним настолько, насколько это возможно. Надо познать свое естество, познать чужое естество, после этого постичь естество всего сущего и достичь гуманности»⁴. Говоря о Срединном пути, нельзя пройти мимо учения легистов (противников конфуцианства) и их интерпретации Срединного пути. Сама идея не отрицалась, но всё, по мнению легистов, должно быть основано на законе. Последние считали, что для разрешения конфликтов необходимо установление законов и наличие формальных процедур. Конфуцианские ритуалы ими отвергались. «Законы необходимы, поскольку благодаря им люди будут знать о том, что можно и что нельзя»⁵. Стратегии легистов состояли в «формировании и уничтожении союзников, лоббировании, ведении переговоров с использованием мудрости и интеллекта»⁶. Моисты, последователи Мо-цзы, считали, «что принцип разрешения конфликтов – всеобъемлющая любовь. Чтобы побудить людей практиковать принцип “всеобъемлющей любви”, Мо-цзы разрабатывает религиозные и политические санкции, которые являются двумя другими методами разрешения конфликтов»⁷.

Следует сказать, что китайцам свойствен прагматизм, реализм, деловитость, стремление получить выгоду. И здесь мы видим объединение высоких материй и вполне приземленных идей. Китайцы как бы соединили в идее посредничества четыре положения: 1) фа – закон, не в карательном, а общем смысле; 2) жень – гуманность, человеколюбие; 3) ли – мир, порядок, истина; 4) и – чувство долга, нравственные обяза-

³ Там же. С. 122.

⁴ См.: Цюй Чунлэй, Тихомирова Е. В. Языковые репрезентации универсалии «Срединный путь» в русской и китайской культуре // Вестник Новосибирского педагогического университета. 2014. № 51(21). С. 151.

⁵ Там же.

⁶ Цыбина В. А. Методы урегулирования конфликтов в Китае // Вестник науки и образования. 2019. Ч. 1, № 22(76). С. 95.

⁷ Там же.

тельства⁸. К характеристикам идеи Срединного пути современные китайцы прибавили выгоду, при этом не отрицая справедливость. В итоге получился некий свод устных и письменных правил правового и нравственного характера – люй.

Рассмотрев главные идеи, которые являются базовыми принципами разрешения конфликтов, обратимся к недавней истории и современному состоянию посредничества.

В настоящее время в Китае существует шесть видов медиации.

Во-первых, это **судебная медиация**, которая реализуется судьей во время судебного процесса. Она предусмотрена в Уголовно-процессуальном и Гражданском процессуальном кодексах КНР. Посредничество здесь осуществляется судьей в рамках гражданского судопроизводства. Она не отделена от судебных разбирательств и является их частью. Если стороны приняли решение о заключении мирового соглашения, то суд должен составить «Соглашение о медиации», которое, как и решение суда, подлежит принудительному исполнению государственными органами. С 2016 г. китайские суды пытаются отделить медиацию от судебных разбирательств и создали для этой цели «механизм стыковки для соединения судебного разбирательства с медиацией»⁹. Согласно этим правилам, суд поручает дело определенному посреднику, который может работать в штате суда, или сторонним, внешним посредникам. Сам судья в этом случае уже не может осуществлять медиацию.

Второй тип – **народная медиация**. Нормативной базой для нее является Закон «О народной медиации», принятый в 2007 г. Это единственный закон в Китае, который специально направлен на урегулирование посреднической деятельности. Народная медиация в основном осуществляется комитетами медиации, созданными в низовых организациях самоуправления, к которым относятся соседские комитеты, комитеты сельских жителей, и осуществляется на бесплатной основе. Данный тип посредничества – разновидность общественной (негосударственной) медиации, направленной на достижение общественной гармонии. Она не включает коммерческое посредничество, посредничество отраслевых ассоциаций и т.д.

Третий вид – **профессионально-отраслевая медиация**. После 2015 г. Китай начал поощрять развитие профессионально-отраслевой медиации, которая делится на две категории. Первая категория – это посредничество отраслевой ассоциации, где институт посредничества

⁸ См.: *Ракымұлы Айтолды*. Медиация в Китайской Народной Республике // Вестник института законодательства и правовой информации республики Казахстан. 2020. № 59. С. 371.

⁹ Mediation in China: Past and Present // China justis observer. 2019. Aug. 11. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/mediation-in-china-past-and-present>

создается самой отраслевой ассоциацией; вторая категория – отраслевое и профессиональное народное посредничество, а именно народный комитет посредничества, созданный отраслевой ассоциацией на основании Закона «О народной медиации». Разница между ними состоит в том, что первая категория подлежит надзору со стороны соответствующих регулирующих органов данной отрасли. Вторая категория регулируется отделом надзора за народной медиацией, а именно Министерством юстиции и соответствующим отделом в каждом местном правительстве¹⁰.

Ассоциации промышленности создают посреднические институты самостоятельно и оказывают свои услуги на платной основе, что отличает эти категории медиации от правил Закона «О народной медиации», хотя такая помощь может быть и бесплатной. Этим подчеркивается, что профессионально-отраслевая медиация имеет общественное значение и направлена на улучшение благосостояния общества. Коммерческая составляющая здесь является дополнительной.

Четвертый вид медиации – адвокатская, **или профессионально-юридическая медиация**. Адвокатское посредничество относится к посредничеству, осуществляемому лицами, принадлежащими к адвокатским ассоциациям. С 2017 г. Китай начал принимать меры к поощрению адвокатского посредничества. Для этого создаются специальные организации (студии) адвокатского посредничества в судах, государственных центрах юридических услуг, юридических фирмах и адвокатских медиативных центрах в ассоциациях адвокатов¹¹. Следует отметить, что в отношении гонораров, взимаемых за адвокатское посредничество, Министерство юстиции Китая требует «принять модель “низкой цены”». Например, в некоторых местах гонорар за адвокатское посредничество не должен превышать 50 % судебных издержек при аналогичных обстоятельствах, хотя судебные издержки в Китае и так невелики. В этом смысле адвокатское посредничество также рассматривается как общественное благо, а не коммерческое предприятие.

Пятый вид медиации – **коммерческая медиация**. Коммерческое посредничество осуществляется специализированным коммерческим учреждением, специально созданным для оказания посреднических услуг. Этот вид медиации принимает рыночную модель взимания платы без предоставления бесплатных услуг. Однако в Китае мало коммерческих посреднических учреждений. К ним в основном относятся: Китайский совет по содействию международной торговле, Медиационный центр (основан в 1987 г.) и медиационные центры его отделений,

¹⁰ См.: Медиация в Китае – Московская школа конфликтологии. URL: <https://conflictmanagement.ru>

¹¹ Mediation in China: Past and Present.

Пекинский арбитражный центр (основан в 2011 г.), Шанхайский торговый посреднический центр (основан в 2011 г.), Альянс коммерческого посредничества Гуандуна, Гонконга и Макао (основан в 2013 г.).

Шестой вид посредничества – **административная медиация**. Она относится к посредничеству, проводимому административным органом. Здесь следует отметить, что административная медиация ставится в один ряд с народной и судебной медиацией. Сама же концепция административного посредничества является самой расплывчатой и наименее заметной. Основная сфера административной медиации – это посредничество полиции в делах, связанных с общественной безопасностью и дорожно-транспортными происшествиями.

В процессе развития медиации в Китае можно выделить четыре этапа.

Первый этап – с 1960 по 1980 г. В этот период государство обладало тотальным контролем над гражданами, хотя и разрешало медиацию. Граждане обращались к посредникам чаще, чем в суд, так как не доверяли государственному суду. Медиация здесь в основном опирается на народные комитеты по медиации, созданные в низовом обществе.

Второй этап – с 1980 по 1990 г. – характеризуется резким ослаблением медиации. После того, как Китай начал реформы в 1978 г. и стал проводить политику открытости, государственная власть постепенно ослабляла свой контроль над жизнью своих граждан и ее поддержка медиации также значительно ослабла. Люди больше не признавали авторитет медиации и обращались в суды, что привело к большому количеству судебных споров.

Третий этап – первое десятилетие XXI в. – характеризуется ростом медиации, связанной с судами¹². Китай запустил движение под названием «Большая медиация». Медиация, проводимая во время судебного разбирательства, сыграла важную роль в этом движении и могла начаться на любой стадии судебного разбирательства, а судьи также стремились призвать тяжущиеся стороны обратиться к процедуре посредничества. В этой ситуации суды стали чуть ли не принуждать к медиации, а следовательно, ущемлять права спорящих сторон.

Четвертый этап – с 2012 г. по настоящее время. В этот последний период обращение к посредничеству снизилось с 40 до 22 % от общего количества дел (данные на 2022 г.). Сами суды стали более осмотрительными в этом вопросе¹³. В Китае поняли, что от традиции, когда судьи выступали одновременно посредниками, следует отказаться, поскольку не так редко имело место злоупотребление в части полученной информации. Стороны опасались доверяться судье. Требовалось создать

¹² Mediation in China: Past and Present.

¹³ См.: *Meng Chen*. Mediaion in mainland China: Pittfalls and opportunity // *Dispute resolution Law journal*. 2023. Vol. 23, iss. 2. P. 180.

специальные институты медиации. Так появились профессиональные центры медиации¹⁴.

Стоит сказать о проблемах и перспективах посредничества в Китае. Медиация имеет много преимуществ, но при этом требует совершенствования, что и происходит. Китай стремится объединить позитивную концепцию гармонии и разрешения споров, заложенную в традиционной китайской медиации, с нормами и ожиданиями современной международной практики¹⁵. Центральное китайское правительство продвигает пять существенных изменений. Какие же изменения требуются для совершенствования медиации?

Первое изменение, которое требует китайская медиация, – это больший акцент на личных правах. Традиционная медиация берет свое начало в конфуцианской этике, где медиаторы убеждали стороны отказаться от собственных интересов и пойти на компромисс ради блага общины. Это было выше, чем желания и права конфликтующих лиц. Изменения в законе и посреднической практике пошли по пути максимального учета интересов тяжущихся сторон.

Второе изменение – это профессионализация медиации. Хотя в Китае огромное количество медиаторов, почти никто из них не получил профессиональной подготовки. Народные комитеты медиации финансируются недостаточно, и большинство медиаторов либо получают низкую зарплату, либо работают на добровольных началах. Почти все они работают неполный рабочий день. Сегодня больше ресурсов используется для обучения и просвещения медиаторов, выделяются дополнительные финансовые ресурсы в сферу народной медиации. Кроме того, расширяется число учреждений для оказания посреднических услуг. Профессиональные медиационные организации появились в страховании, в сфере ценных бумаг, интеллектуальной собственности и других секторах. Стали появляться первые штатные медиаторы.

Третье изменение – это сотрудничество между органами медиации, в частности, между судами и профессиональными несудебными медиационными организациями. Стороны могут разрешать свои споры в медиационной организации, а затем суд подтверждает свое решение об урегулировании. Аналогичным образом суды могут передавать дела в посреднические организации или приглашать их для предоставления консультаций, рекомендаций и помощи судам.

¹⁴ См.: Ждан-Пушкина Д.А. Китай – мировой центр развития медиации сегодня? Медиация гражданских, коммерческих и морских споров в Китае. URL: https://zakon.ru/blog/2023/11/9/kitaj_mirovoj_centra_razvitiya_mediatsii_segodnya_mediatsiya_grazhdanskih_kommercheskih_i_morskih_sporov

¹⁵ См.: From the Traditional to the Modern: Mediation in China. URL: <https://weinstein-international.org/mediation-in-china/>

Четвертое изменение – это использование современных технологий и онлайн-разрешение споров. Верховный суд создал национальную онлайн-платформу по разрешению споров www.fayuan.com в 2017 г. В течение года к этой платформе присоединились более 1000 судов и 12 000 посреднических организаций. С помощью этого онлайн-механизма стороны могут подать заявку на посредничество, выбрать посредника, присутствовать по видеосвязи и подписать соглашение с помощью своего мобильного телефона, планшета или компьютера¹⁶. Кроме того, правительство провинции Чжэцзян создало комплексную платформу для разрешения споров в режиме онлайн yundr.gov.cn, которая предоставляет разнообразные услуги, включая консультации, оценку, посредничество и арбитраж. В конце лета 2017 г. в Ханчжоу был создан первый интернет-суд, специализирующийся на рассмотрении дел, связанных с интернетом, для удовлетворения растущего числа онлайн-споров¹⁷.

Уникальным является тот факт, что медиация закреплена в действующей Конституции КНР в ст. 111: «Комитеты городского населения и комитеты сельского населения образуют народные примирительные комиссии, комиссии по охране общественного порядка, по общественному здравоохранению и иные комиссии, которые занимаются общественной работой и общественно полезными делами, разрешают споры среди населения, оказывают помощь в поддержании общественного порядка, а также доводят до сведения народных правительств мнения и требования масс, вносят предложения».

На основании Конституции медиация получила закрепление в ряде законов. К ним относятся специально принятые законы. Это современный закон «О народной медиации», который был принят 28 августа 2010 г. и вступил в силу с 1 января 2011 г. А также Закон КНР «О медиации и арбитраже трудовых споров», принятый 29 декабря 2007 г. на 31-м заседании Постоянного комитета ВСНП 10-го созыва; вступивший в силу с 1 мая 2008 г. Кроме того, медиация предусмотрена и ГПК КНР.

Рассмотрим основные положения закона «О народной медиации». В соответствии со ст. 1 народная медиация определяется как деятельность комитетов народной медиации, цель которой – достижение медиативного соглашения, способствующего стабильности и общественной гармонии. Члены комитетов называются народными медиаторами. Принципы медиации также определяются Законом: 1) равенство сторон в процессе проведения медиации, 2) добровольность обращения к

¹⁶ См.: The Relationship between Mediation and Judicial Proceedings in China. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/asian-journal-of-comparative-law/article/abs/relationship-between-mediation-and-judicial-proceedings-in-china>

¹⁷ См.: From the Traditional to the Modern: Mediation in China // Weinstein International foundation / Mediating a better futur. URL: <https://weinsteininternational.org/mediation-in-china/>

медиации; 3) непротиворечие действующему законодательству. К этим принципам следует отнести и возможность свободного (бесплатного) обращения к медиации.

Народная медиация в Китае имеет дуалистический характер: с одной стороны, она обозначена как общественная, но с другой – определенным образом входит в систему исполнительной власти. Так, Министерство юстиции (его официальное название – Ведомство Государственного совета КНР по юстиции) несет ответственность за работу медиации. Соответственно, на нижнем уровне ответственность возлагается на местные народные правительства в пределах своих административно-территориальных округов. Кроме того, Ведомство юстиции осуществляет подготовку народных медиаторов.

Статья 7 Закона о народной медиации закрепляет, что посреднические функции реализует Комитет народной медиации, который является «созданной в соответствии с законодательством массовой общественной организацией, занимающейся разрешением споров среди населения». Такие комитеты создаются при организациях сельского и городского уровня, при предприятиях, учреждениях путем выборов собраниями представителей сельских и городских жителей и собранием работников предприятий и учреждений.

Закон закрепляет, что Комитет народной медиации может включать от трех до девяти членов, с обязательным участием женщин и, если это продиктовано объективными условиями, представителей сравнительно малых народностей, кроме уйгуров. Срок исполнения медиативных полномочий составляет три года, однако народные медиаторы могут переизбираться. В процессе рассмотрения спора медиатор не должен унижать достоинство сторон, демонстрировать пристрастность, а также принимать или вымогать имущество одной из сторон или иметь иную выгоду. В этих случаях к медиаторам применяются меры ответственности. Медиативный процесс начинается либо с момента обращения одной из сторон в Комитет народной медиации, либо когда Комитет по своей инициативе сочтет необходимым возбудить медиативное рассмотрение спора. Если дело поступило в суд, то он сообщает о возможности медиации до начала рассмотрения дела. В этом случае сторона опять-таки обращается в Комитет, который может назначать одного или нескольких медиаторов. При этом допускается выбор медиаторов сторонами.

В примирительных процессах могут участвовать не только медиаторы и представители спорящих сторон, но и родственники, коллеги, друзья, также может быть приглашен специалист, обладающий специальными знаниями. Их может приглашать медиатор с согласия сторон или же сами стороны.

Статья 23 Закона о народной медиации оговаривает права и обязанности участников примирительного процесса. Сюда относятся выбор народного медиатора, который будет рассматривать дело по существу; дача согласия на проведение примирительных процедур или отказ от них.

Статья 24 закрепляет обязанности сторон: достоверное изложение фактов и обстоятельств дела, соблюдение порядка проведения медиативной процедуры, уважение медиаторов и другой стороны.

Если медиация закончилась неудачей, то медиатор должен прекратить процедуру и проинформировать стороны об их праве обращения в суд или в административные органы в порядке административного обжалования.

Медиативное соглашение может заключаться как в письменной, так и, по согласию сторон, устной форме. В первом случае документ подписывается сторонами, медиатором, скрепляется печатью Комитета народной медиации. Вместо подписи стороны могут поставить отпечатки пальцев, что является данью традиции. Если же соглашение заключено в устной форме, то оно записывается медиатором и передается в архив Комитета народной медиации.

В статье 29 закреплены требования к содержанию медиативного соглашения, к которым относятся: 1) основные сведения о сторонах; 2) существо спора; 3) непосредственное содержание медиативного соглашения, способы и сроки его исполнения. Этот документ обладает обязательной юридической силой и подлежит исполнению сторонами. В случае возникновения спора об исполнении стороны вправе обратиться в суд.

Медиация в Китае учреждена также для решения трудовых споров между работником или работниками и работодателем. Правовое регулирование таких споров осуществляется Законом КНР «О медиации и арбитраже трудовых споров» (принят 29 декабря 2007 г. на 31-м заседании Постоянного комитета ВСНП 10-го созыва; вступил в силу с 1 мая 2008 г.).

Так же, как и в рассмотренном выше законе «О народной медиации», законодатель установил главную цель – стабильность и гармонию трудовых отношений, чему должны способствовать справедливость и своевременное разрешение трудовых споров, защита прав и законных интересов трудящихся.

Статья 2 Закона предусматривает, в каких случаях применяется данный нормативный акт, а именно: при установлении трудовых отношений, заключении, реализации, прекращении или расторжении трудового договора, увольнении, оставлении без работы (которое является унижением для работника, даже если выплачивается заработная плата), по вопросам рабочего времени, времени отдыха, отпуска, обучения, благосостояния персонала, оплаты медицинских расходов при получе-

нии производственной травмы, субсидий и компенсаций. При этом перечень остается открытым, поскольку могут возникнуть споры и иного характера, не предусмотренного данным Законом.

В отношении трудовых споров законодатель особо указал, что при их разрешении предпочтение отдается именно медиации. Это и понятно. Китай – страна доверия. Там, как и в Японии, складываются особые неформальные отношения между работниками и работодателем. Так, работодатель может попросить работника задержаться, выполнить работу определенного рода, помочь другому работнику или поработать за него. Но работник знает, что в случае необходимости он может пораньше уйти с работы или взять неформальный отгул. Также он может рассчитывать на выплату премии. Но это негласные отношения, хотя они и являются частью культуры Китая. Разногласия между работником и работодателем улаживаются здесь на доверительной основе, или же работник по своей инициативе увольняется без огласки существа конфликта. Работники очень редко прибегают к формальной медиации и в редчайших ситуациях обращаются в суд. В этом случае они подвергаются резкому общественному осуждению.

Но продолжим характеристику Закона «О медиации и арбитраже трудовых споров». Здесь мы видим китайскую специфику, о которой говорилось выше. По закону работник должен вступить прямо в переговоры с работодателем или прибегнуть к помощи третьей стороны, также обратиться к своим коллегам или к профсоюзу. Если же переговоры были неудачными, то стороны могут обратиться к медиатору или в арбитраж по трудовым спорам. Если же и арбитраж не смог помочь в разрешении спора, то у сторон есть возможность обратиться в народный суд, что, как уже говорилось, бывает в редчайших случаях.

Статья 6 Закона гласит, что при возникновении трудового спора стороны обязаны представить доказательства в обоснование своих требований, а отказ от этого неблагоприятен для стороны, которая такие доказательства отказалась представить.

Если одну сторону представляют десять и более человек, то допускается выбор представителя, который будет непосредственно участвовать в медиации, арбитраже и суде.

Для осуществления медиации по трудовым спорам Закон предусматривает наличие на предприятии или в учреждении комитета по разрешению трудовых споров. Но если, например, сторона (как правило, работник) не доверяет таким комитетам, то она может обратиться в органы медиации базового территориального уровня. Комитет по разрешению трудовых споров формируется из числа работников – представителей трудового коллектива и представителей предприятия. При этом руководителем процесса медиации может быть только представи-

тель трудового коллектива, избранный профсоюзом или представленный сторонами.

Статья 11 Закона закрепляет требования к медиаторам: это может быть лицо, достигшее совершеннолетия, являющееся гражданином Китая, обладающее необходимыми знаниями в области права и политики, необходимыми профессиональными качествами, в том числе определенными способностями по урегулированию споров.

Примирительный процесс начинается с подачи заявления о проведении медиации. Заявление может быть подано как в письменной, так и в устной форме. В последнем случае медиатор заносит сведения о стороне и данные о споре в протокол заседания. Если соглашение достигнуто, то разрабатывается соглашение о медиации. Оно подписывается и заверяется печатью обеих сторон и с этого момента приобретает юридическую силу и подлежит обязательному исполнению работником и работодателем. Если же в течение 15 дней с момента приема заявления соглашение всё же не достигнуто, то стороны имеют возможность обратиться в трудовой арбитраж. Туда же стороны обращаются при невыполнении одной из них положений соглашения. Если же и здесь не достигнуто соглашение, то работник имеет право обратиться в народный суд.

Кроме специальных законов медиация предусмотрена ГПК КНР. В статье 16 говорится, что народные примирительные комиссии являются массовыми организациями, занимающимися урегулированием споров между гражданами под руководством народных правительств основной ступени и народных судов основной ступени. Эти комиссии в соответствии с установлениями Закона, на основе принципа добровольности призваны к достижению примирения сторонами. Если такое примирение достигается, то оно имеет силу решения суда и обязательно для сторон, которые должны соблюдать соглашение, достигнутое в результате примирения. В случае же нежелания примиряться или недостижения примирения или изменения решения они могут подать иск в народный суд. В случае, если при урегулировании споров между гражданами народной примирительной комиссией было допущено нарушение закона, народный суд должен исправить допущенные ошибки.

В заключение необходимо сказать, что медиация в Китае играет огромную роль при разрешении споров путем примирения, что, безусловно, отвечает требованиям времени. В то же время китайское общество и государство стремятся совершенствовать этот институт и осуществляют поиски наилучших способов примирения как внутри государства, так и во внешней сфере при взаимодействии с другими государствами.

Библиографический список

Давыдов А. П. «Срединный путь» развития современного китайского общества: конфуцианские истоки / А. П. Давыдов // Личность. Культура. Общество. – 2019. – Т. XXI (вып. 3-4), №103-104.

Ждан-Пушкина Д. А. Китай – мировой центр развития медиации сегодня? Медиация гражданских, коммерческих и морских споров в Китае / Д. А. Ждан-Пушкина. – URL: [https:// www.zakon.ru/blog/2023/11/9/kitaj_mirovoj_centr_razvitiya_mediicii_segodnya_mediaciya_grazhdanskih_kommercheskih_i_morskih_sporov](https://www.zakon.ru/blog/2023/11/9/kitaj_mirovoj_centr_razvitiya_mediicii_segodnya_mediaciya_grazhdanskih_kommercheskih_i_morskih_sporov)

Медиация в Китае – Московская школа конфликтологии. – URL: <https://www.conflictmanagement.ru>

Ракымұлы Айтолды. Медиация в Китайской Народной Республике / Айтолды Ракымұлы // Вестник института законодательства и правовой информации республики Казахстан. – 2020. – № 59.

Цыбина В. А. Методы урегулирования конфликтов в Китае / В. А. Цыбина // Вестник науки и образования. – 2019. – Ч. 1, № 22(76).

Цюй Чунлэй. Языковые репрезентации универсалии «Срединный путь» в русской и китайской культуре / Чунлэй Цюй, Е. В. Тихомирова // Вестник Новосибирского педагогического университета. – 2014. – № 51(21).

Mediation in China: Past and Present // China justis observer. – URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/mediation-in-china-past-and-present>

Meng Chen. Mediaion in mainland China: Pittfalls and opportunity / Chen Meng // Dispute resolution Law journal. – 2023. – Vol. 23, iss. 2.

References

Davydov A. P. "The Middle Way" of Development of Modern Chinese Society: Confucian Origins / A. P. Davydov // Personality. Culture. Society. – 2019. – Vol. XXI (Issue 3-4), No. 103–104.

Mediation in China – Moscow School of Conflictology. – URL: [conflictmanagement.ru](https://www.conflictmanagement.ru)

Qu Chunlei. Language Representations of the "Middle Way" Universal in Russian and Chinese Culture / Chunlei Qu, E. V. Tikhomirova // Bulletin of the Novosibirsk Pedagogical University. – 2014. – No. 51(21).

Rakymuly Aitoldy. Mediation in the People's Republic of China / Aitoldy Rakymuly // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. – 2020. – No. 59.

Tsybina V. A. Methods of Conflict Resolution in China / V. A. Tsybina // Bulletin of Science and Education. – 2019. – Part 1, No. 22(76).

Zhdan-Pushkina D. A. China – the World Center for Mediation Development Today? Mediation of Civil, Commercial and Maritime Disputes in China / D. A. Zhdan-Pushkina. – URL: https://zakon.ru/blog/2023/11/9/kitaj_mirovoj_centr_razvitiya_mediicii_segodnya_mediaciya_grazhdanskih_kommercheskih_i_morskih_sporov

Mediation in China: Past and Present // China justis observer. – URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/mediation-in-china-past-and-present>. [In Engl.]

Meng Chen. Mediaion in mainland China: Pittfalls and opportunity / Chen Meng // Dispute resolution Law journal. –2023. – Vol. 23, iss. 2. [In Engl.]

Для цитирования:

Сорокина Ю. В. Медиация в Китае: идеологическое обоснование и современная ситуация // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1(10). С. 16–30.

Recommended citation:

Sorokina Yu. V. Mediation in China: Ideological Justification and Current Situation // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 1(10). Pp. 16–30.

Сведения об авторе

Сорокина Юлия Владимировна – профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

E-mail: yulia_sor@mail.ru

Information about author

Sorokina Yulia Vladimirovna – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Full Professor

E-mail: yulia_sor@mail.ru

УДК 340.1

АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВЫЕ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ НОРМ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА В ПРАВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ (НА ПРИМЕРЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСТОЧНИКА ПРАВА «ЭКЛОГА»)

В. И. Павлов

*Институт правовых исследований Национального центра законодательства
и правовой информации Республики Беларусь*

Поступила в редакцию 22 января 2025 г.

Аннотация: в работе исследуется процесс рецепции норм византийского права в право Древней Руси. Обосновывается, что влияние византийского права на древнерусское право осуществлялось путем южнославянской (сербско-болгарской) рецепции римско-византийского права. Рецепция осуществлялась в основном через правовые акты Православной Церкви, представляющие собой акты светско-церковного правового синтеза. В качестве основного акта рецепции рассматривается византийский Номоканон, получивший на Руси наименование Кормчей книги. Подчеркивается, что особенностью Номоканона являлось закрепление не только канонических норм, но и норм общегражданского, светского византийского права, взятых из соответствующих источников права и, таким образом, проникавших на Русь. Аргументируется, что наиболее значимым светским источником византийского права является Эклога, нормы которой в наибольшей степени были восприняты древнерусским правом. На основании анализа текста славянского перевода Эклоги делаются выводы антрополого-правового и культурно-исторического характера, связанного с формированием правового сознания и правового мышления личности в Древней Руси. Также формулируются положения об особенностях развития отечественного права и человека в праве на современном этапе развития в связи с фактом исторического влияния византийского права на право Древней Руси на начальном этапе правогенеза.

Ключевые слова: право, рецепция, Византия, Эклога, норма права, древнерусское право, византийское право, антропология права.

ANTHROPOLOGICAL, LEGAL AND TEXTUAL FEATURES OF THE RECEPTION OF THE NORMS OF BYZANTINE LAW IN THE LAW OF ANCIENT RUS (ON THE EXAMPLE OF THE BYZANTINE SOURCE OF LAW “ECLOGUE”)

V. I. Pavlov

*Institute of Legal Research of the National Center of Legislation
and Legal Information of the Republic of Belarus*

Abstract: the paper examines the process of the reception of the norms of Byzantine law in the law of Ancient Rus. It is proved that the influence of Byzantine law in Ancient Rus law was carried out through the South Slavic (Serbian-Bulgarian) reception of Roman-Byzantine law. Reception was carried out mainly through the legal acts of the Orthodox Church, which represent a secular-ecclesiastical legal synthesis. The Byzantine Nomocanon, which received the name of the “Kormchajia Kniga” in Rus, is considered as the main act of reception. It is emphasized that the peculiarity of the Nomocanon was the consolidation of not only canonical norms, but also norms of civil and secular Byzantine law, taken from relevant sources of law and, thus, penetrated into Rus. It is argued that the most significant secular source of Byzantine law is the Eclogue, the norms of which were most widely accepted by Ancient Rus law. Based on the analysis of the text of the Slavic translation of the Eclogue, conclusions are drawn of an anthropological, legal and cultural-historical nature related to the formation of legal consciousness and legal thinking of a personality in Ancient Rus. It also formulates provisions on the peculiarities of the development of national law and human rights at the present stage of development in connection with the fact of the historical influence of Byzantine law on the law of Ancient Rus at the initial stage of legal genesis.

Key words: law, reception, Byzantium, Eclogue, rule of law, Ancient Rus law, Byzantine law, anthropology of law.

Введение

В понимании закономерностей функционирования и развития права определенного народа или культурного ареала важнейшее место занимает исследование антрополого-правовых и культурно-исторических особенностей их формирования. Уяснение антрополого-правовых характеристик формирования права предполагает, прежде всего, изучение исторических, этнических, религиозных и иных социальных факторов, оказавших влияние на восприятие права конкретным на-

родом, как правило, в самом начале его цивилизационно-культурного становления, либо когда народ самостоятельно формирует собственный автохтонный комплекс правовых норм, либо когда он «встречается» с правом другого народа и заимствует его в порядке рецепции. Такое исследование позволяет понять, почему восприятие простейших по своему составу юридических правил, исторически первых уголовно-правовых и гражданско-правовых установлений, позволяющих людям жить и взаимодействовать в социальной среде и применять принуждение к тем, кто эти установления нарушает, тем не менее, приобретает качественно отличные черты у разных обществ уже на этапе раннего правогенеза.

В современной юридической науке изучение указанных вопросов осуществляется в рамках *антропологии права как юридико-этнологической, или юридико-этнографической дисциплины*, в рамках которой познаются особенности формирования и действия права в контексте существования человека юридического в обществе и культуре на основе исследования антропологического материала, определенной исторической и социокультурной традиции¹. Развитие данной науки началось в XIX в. и было связано с именами таких первых антропологов права, как Г. Пост, И. Я. Бахофен, Г. Дж. Мейн и др. На современном этапе развитие юридико-этнографических исследований осуществляется такими правововедами, как Н. Рулан, А. И. Ковлер, С. А. Дробышевский, Л. Поспишил (L. Pospíšil) В. Фикентчер (W. Fikentscher), Е. Дэриан-Смит (E. Darian-Smith) и др.²

От антропологии права как юридико-этнографической дисциплины следует отличать *антропологию права как фундаментальную теоретическую юридическую науку*, направленную не на изучение культурно-исторических и иных закономерностей развития права конкретного социума, но на исследование и разработку различных теоретико-правовых моделей человека юридического, на основе которых и происходит познание права и всех правовых явлений. Антропология права как теоретико-правовая наука представляет собой своего рода аналог традиционной общеправовой теории с той лишь разницей, что познание основных закономерностей функционирования и развития права и го-

¹ См.: Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования : монография. М., 2021. С. 39–46.

² См.: Rouland N. *Anthropologie juridique* : 1re edition. Paris, 1988. 496 p.; Ковлер А. И. Антропология права: учебник для вузов. М., 2002. 467 с.; Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции. Красноярск, 1991. 186 с.; Ethnography and law / ed. by Eve Darian-Smith. Burlington, 2007. 586 p.; Darian-Smith E. *Laws and societies in global contexts: contemporary approaches*. Cambridge, 2013. 422 p.

сударства она осуществляет с человекоцентристских позиций, т.е. с методологической позиции центрального места человека как правового деятеля в процессе существования и развития всех элементов правовой реальности.

Развитие теоретической антропологии права на современном этапе осуществляется усилиями представителей одновременно нескольких школ, направлений, исследовательских групп в постсоветской юриспруденции: Санкт-Петербургской школы антропологии права (И. Л. Честнов, И. Б. Ломакина, Н. В. Разуваев, Л. А. Харитонов, А. Э. Черноков и др.), московских антропологов права и исследователей антрополого-правовой направленности (А. И. Ковлер, В. П. Малахов, Д. А. Пашенцев, Е. М. Крупеня и др.), Уральской школы антрополого-правовых исследований (О. А. Пучков, С. И. Архипов и др.), Минской группы исследователей антрополого-правовой проблематики (В. И. Павлов, Е. И. Статровский, Н. М. Дубрава, И. И. Мазуров и др.), исследователей Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии в Воронеже (С. Н. Махина, Н. В. Малиновская, И. С. Завьялова и др.), а также и другими учеными. Этнографическая и теоретическая линии антропологии права, несмотря на различие в предмете и методах познания, являются взаимосвязанными и направлены на достижение фактически одной цели: познавать право не как институциональный, но как человекомерный феномен, объективно различающийся у разных народов и культур (несмотря на наличие общих характеристик) и обладающий своей идентичностью как связью норм с социокультурным субстратом.

Настоящее исследование выполнено в рамках юридико-этнографического направления антропологии права и посвящено анализу формирования древнерусского права в контексте рецепции византийских правовых норм. Самые ранние черты формирования древнерусского права, а следовательно, и правового сознания, ценностная основа самого стиля правового мышления на «заре» формирования права восточнославянского мира, несмотря на тысячелетнюю историческую дистанцию, продолжают сохранять свое значение и оказывать незримое влияние на уже современную правоприменительную практику. Формирование норм древнерусского права анализируется по древнерусскому тексту славянской Эклоги, являющейся рецептированным актом одноименного византийского источника права. Исследование построено на базе текстологического анализа с элементами антрополого-правовой интерпретации. Выводы формулируются на основе методологии истории юридической ментальности.

1. Особенности развития византийского права в средневизантийский период: Эклога и ее общеправовые принципы

Правовое развитие Византии, в отличие от эволюции Западной традиции права, имело характерные особенности, которые ввиду доминирующего культурного влияния Византии на Русь в определенной мере отразились и в древнерусской правовой традиции. На всем протяжении существования византийского государства как наследника римской правовой системы отсутствовал разрыв между народным правом, фактически применявшимся для регулирования общественных отношений, и римским правом, постепенно подвергшимся в Византии христианизации. На Западе римское право сохранялось лишь в «стенах монастырей»: начиная с Бревиария Алариха (VI в.) вплоть до Ирнерия (XI в.) оно не применялось и оставалось практически неизвестным за исключением его изучения и применения Латинской христианской церковью³. Как замечают исследователи, несмотря на то, что германские записи обычного права – «варварские правды» («Lex Burgundionum», «Lex Visigothorum», «Lex Salica», «Lex Saxonum» и др.) – были написаны на вульгарной латыни с включением множества германских слов (*lingua vulgaris*)⁴, а также отдельных элементов римского права, «язык правоведов в западноевропейских странах был непонятен для простого населения, поэтому латинизированная западноевропейская юриспруденция развивалась в отрыве от народной духовной культуры»⁵.

В Восточной Римской империи, т.е. в Византии, а равно и у славян, посредством реципированных византийских источников права, правовая система развивалась в другом культурно-историческом контексте. Византийское государство как восточная часть Римской империи, эволюционируя из эпохи поздней Античности в Средневековье, не имела фазы прерывания правовой традиции. Здесь эволюция римской правовой системы была связана с широким распространением и укоренением христианской культуры. В Византии древнеримские правовые нормы и институты были погружены в христианский контекст, однако это было сделано эволюционным путем, постепенно, без разрыва с римской пра-

³ См.: О различии западной и византийской традиций на примере формирования церковного права, в частности сравнения Декрета Грациана и комментария Ф. Вальсмона см.: *Gallagher C. Church Law and Church Order in Rome and Byzantium: A Comparative Study. Aldershot, 2002. 279 p.*

⁴ См.: Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей под ред. проф. П. Г. Виноградова. М., 1897. Вып. 2. С. 4–5.

⁵ *Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2009. № 4. С. 3–26.*

новой традицией, посредством ее органичной трансформации в рамках уже фактически нового, христианского государства.

Типичным примером византийского права средневизантийского периода является Эклога (726/741 г.) – краткая кодификация законодательства эпохи императоров Исаврийской династии⁶. Обычно романисты высказывают упреки относительно уровня и качества византийских источников права постюстиниановой эпохи, сравнивая их с высоким юридическим стилем римского права классического периода. Однако византийское право начала VIII в., право эпохи «Темных веков» империи, выражением которого как раз и является Эклога, соответствовало реальным потребностям и нуждам населения и тенденциям государственного развития в данное время. Разработчики Эклоги не просто развивали римские правовые нормы и институты, осуществляя их приспособление к новым непростым социально-экономическим условиям жизни, но насыщали правовые нормы ценностно-правовыми смыслами на основе христианской нравственности, изменяли юридико-технические подходы к правотворческой деятельности, к структурированию материала. Эклога нередко описывается как акт с неполным охватом регулируемых общественных отношений, однако разработчики источника объективно были вынуждены использовать лаконичный юридический язык, применять новые, более эффективные с учетом ситуации подходы к подаче нормативного материала. Так, при разработке Эклоги византийские юристы применили новый подход к структуре акта, сделав его четким и стройным по сравнению со Сводом Юстиниана середины VI в. (*Corpus Iuris Civilis*). В частности, построение правового материала в Эклоге отходит от классической системы частного права, предложенной римским юристом Гаем (лица, вещи, иски), и осуществляется на основе более простой и конкретной системы распределения материала, согласно которой в каждом разделе можно найти нормы, относящиеся как к статусу лиц, так и вещному праву, а также к искам⁷. При этом каждый титул источника фактически представляет собой нормы отдельной отрасли права, в отдельный Титул XVII выделены нормы уголовного права.

⁶ В науке нет общепринятой датировки Эклоги. 741 г. – последняя датировка, обоснованная Л. Бургманом: *Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. Herausgegeben von Ludwig Burgmann. Frankfurt-am-Main, 1983. S. 12*. Длительный период времени годом издания акта считался 726 г. См.: Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц М., 1965. 228 с.; *Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. Herausgegeben von Ludwig Burgmann. Frankfurt-am-Main, 1983*.

⁷ См.: Лысенко О. Л. Эклога 726 г. – памятник права Византии эпохи иконоборчества и «правового новаторства» // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2014. № 3. С. 21.

Следует также учесть, что Эклога была первым чисто византийским источником права, изданным в империи после Свода Юстиниана, который оставался единственной официальной кодификацией империи законодательного уровня. Известный отечественный византинист Елена Эммануиловна Липшиц справедливо отмечала, что с момента законодательства Юстиниана до принятия Эклоги было издано около 20 новелл различных императоров⁸, поэтому значение Эклоги было огромным, на что указывают многочисленные переиздания и списки источника уже в середине VIII в.

В Эклоге отразились социально-политические, экономические, культурные, духовные и другие изменения, произошедшие в империи почти за 200 лет и, соответственно, приведшие к эволюции многих правовых институтов римского права, отраженных в Своде Юстиниана. Дореволюционный византинист Ф. И. Успенский отмечал, что именно с издания Эклоги «получает важное значение вопрос о правовых принципах, введенных в византийскую жизнь со времени Исаврийской династии»⁹. Характерно, что Эклога во многих рукописях сопровождается приложениями с самостоятельными дополнительными источниками права по отдельным сферам правового регулирования. Наиболее часто это Земледельческий закон (Νόμος γεωργικός)¹⁰, Морской (Родосский) закон (Νόμος Ροδίων Ναυτικός)¹¹ и Военный закон (Νόμος Στρατιωτικός)¹², регулирующие, соответственно, аграрные и связанные с ними правоотношения, сферу морской торговли и мореплавания, а также военное право. Указанные византийские акты оказали и продолжали оказывать влияние на формирование аграрного, военного права и права международной торговли как на Западе, так и на Востоке и после падения империи.

Важным является и тот факт, что Эклога была написана не на латыни, а на греческом языке – языке, не только общеупотребительном во всем византийском государстве (несмотря на то, что в провинциях наряду с греческим в судопроизводстве могли использоваться и местные языки – коптский, сирийский и др.), но также языке Священного Писания, Предания, соборных постановлений и восточно-христианского бо-

⁸ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. С. 19. Известно 7 новелл императора Юстина II, 11 новелл Тиверия, 3 новеллы Маврикия, 4 новеллы Ираклия, 1 эдикт Юстиниана II.

⁹ Успенский Ф. И. История Византийской империи. Периоды IV–V. М., 2013. С. 44.

¹⁰ См.: Византийский земледельческий закон / текст, исследование, комментарий подг. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская ; под ред. И. П. Медведева. Л., 1984. 280 с.

¹¹ См.: Морской закон родосцев / текст, исследование, комментарий подг. М. Я. Сюзюмовым // Античная древность и средние века : сборник статей УрГУ. 1969. Вып. 6. С. 3–54.

¹² См.: Кучма В. В. Νομος Στρατιωτικός (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права) // Византийский временник. 1971. Т. 32(57). С. 276–285.

гословия. В условиях византийской правовой системы светская¹³ и церковная системы регламентации по своему содержанию должны были не противоречить друг другу, но быть направлены на взаимную социорегулятивную поддержку, что требовало некоторой взаимной корреляции юридического и богословского понятийно-категориального аппарата. Как верно замечает О. Л. Лысенко, «...в Эклоге не проводится четкого различия между светским и церковным, а также между частным и публичным правом. Это и не могло произойти в таком сильном, централизованном государстве с христианством в качестве единой государственной идеологии, каким являлась Византия»¹⁴.

Действительно, в статьях источника встречается множество нравственно-христианских мотивировок, особенно в сфере брачно-семейного и наследственного права, а также правовые нормы и институты, составившие византийское уголовное и административно-регулятивное право¹⁵. Уже анализ Предисловия – своего рода Преамбулы Эклоги – показывает, что в правовом акте излагаются общеправовые принципы византийского права: законность, равенство всех перед законом, справедливость, гуманизм, соразмерность и др., при этом практически все указанные принципы сопровождаются нравственно-христианским обоснованием со ссылками на Священное Писание. Приведем несколько характерных фрагментов из Преамбулы Эклоги с выражением общеправовых принципов, указывающих на нравственно-христианскую и светско-юридическую корреляцию, неизвестную классическому римскому праву.

Так, для правоприменителей Эклога предписывает использовать следующие принципы: «Тем же, кто поставлен исполнять законы, мы рекомендуем, а вместе с тем и приказываем, воздерживаться от всяких человеческих страстей и выносить решения, исходя из здравого суждения *по истинной справедливости* [της ἀληθούς δικαιοσύνης]; не презирать бедных, не оставлять без преследования несправедливо поступающего могущественного [человека] и не выказывать в преувеличенной форме на словах восхищения справедливостью и равенством, на деле же отдавая предпочтение как более выгодному несправедливости и лихоимству. Когда судятся две стороны, одна – стремящаяся к стяжанию и другая – малоимущая, ставить их в *равное положение* друг к другу и от-

¹³ Слово «светский» применительно к византийскому и древнерусскому праву, правовым нормам, системе законодательства и т.д. в настоящей работе употребляется не в смысле буржуазного принципа отделения церкви от государства, но в смысле правоустановлений, исходящих не от церковной, а от государственной власти, которая при этом также основывается на религиозном типе легитимации.

¹⁴ Лысенко О. Л. Указ. соч. С. 22.

¹⁵ См.: Макаров Д. А. Особенности законодательства Исаурийской династии Византийской империи // Царскосельские чтения. 2015. Т. I, XIX. С. 186–191.

нимать у имущего настолько больше, насколько они найдут обиженным ущемленного. Так как те, в души которых ранее не заложена истинная справедливость и которые либо испорчены страстью к деньгам, либо потворствуют дружбе, либо мстят за вражду, либо опасаются могущественных людей, не могут судить справедливо, подтверждая на себе слова псалмопевца: “Аще убо во истину правду глаголете, правая судите сынове человеки: ибо в сердце беззаконие делаете на земли; неправду руки ваши сплетают”. Равным образом и Соломон Мудрый, уподобляя неравный суд неравным мерилам, говорил в притче: “Мерило великое и малое мерзко пред Господом”¹⁶.

Также во вводной части Эклоги интересно обоснование изложения необходимости введения заработной платы судей из фиска для предотвращения взяточничества и коррупции на основании христианской мотивации: «Господь (и спаситель) наш Иисус Христос сказал: “Не судите, взирая на лица, но праведным судом судите”; поэтому право должно удерживаться от всякого принятия подарков. Ибо написано: “Горе оправдывающим нечестивого ради даров и правду правдивого отмечающим, их же корень будет как перст, а цвет рассеется как прах, так как не захотели исполнить Господний закон. Потому что мзда и дары ослепляют очи и мудрым”. Поэтому, стремясь всемерно положить предел корыстолюбию, мы решили выдавать жалованье из нашего благочестивого саккеля славнейшему квестору, антиграфевсам, всем служащим в судебных органах с тем, чтобы они с какого бы то ни было (лица), судимого у них, ничего совершенно не брали, дабы не исполнилось у нас сказанное пророком: “Продашь за серебро праведного”, чтобы мы не навлекли из-за этого гнева Божьего, став преступниками как нарушившие его заповеди”¹⁷.

Помимо этой сильной христианской мотивировки в Преамбуле Эклоги, *практически все нормы этого источника права, что особенно заметно в частноправовых положениях, явно либо неявно сформулированы на основе идей христианской нравственности*. Непосредственно же изложенные нравственно-христианские мотивировки встречаются в гипотезах норм, содержащихся в ст. 7, 13, 15 Титула II (брачно-семейное право), ст. 1 Титула VII (наследственное право), в Титуле XVIII (военное право) Эклоги.

Вместе с тем, обращая внимание на христианский характер многих норм Эклоги, следует согласиться с замечанием С. Я. Гагена о том, что «нормативными фактами в византийском правосознании библейские аллегории не становились... византийский законодатель очень точно понимает, где кончается религия и начинается право... <...> ...визан-

¹⁶ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. С. 42.

¹⁷ Там же. С. 43.

тийский законодатель старался всякий закон связать с соответствующим местом из Писания, но исключительно для того, чтобы показать христианское уmonoстроение законодателя»¹⁸. Еще раз повторим, что эволюция римского права в Византии осуществлялась без разрыва традиции, без вторжения какого-либо другого права, как это имело место на Западе с народным правом германцев, но с усиливающейся христианизацией классических римских правовых положений.

2. Общая характеристика рецепции византийского права в Древней Руси: южнославянский (сербско-болгарский) путь рецепции

В современной византинистике и историко-правовой науке влияние византийского права на правовой быт древнерусских княжеств является общепризнанным фактом. Дискуссионным остается только вопрос относительно особенностей взаимопересечения реципированного и местного права и их действия на практике, а также особенностей восприятия и понимания реципированных византийских правовых норм на уровне профессионального и обыденного правосознания в Древней Руси.

Н. Л. Дювернуа в своем исследовании о праве Древней Руси обосновал, что древнерусские юристы использовали нормы византийских источников права, входивших в состав Кормчей книги (древнеслав. «кръмъчии», кормчий – рулевой)¹⁹. Кормчая книга на Руси представляла собой полный древнерусский аналог византийского синтезированного, светско-церковного источника права под названием «Номоканон» (среднегреч. «Νομοκανών», νομοί – гражданские, светские законы, κανόνες – каноны, т.е. правила, правовые нормы церкви). В византийский Номоканон входили: а) нормы церковного права, касающиеся правовых отношений, одной стороной которых выступала церковь, ее члены, имущество и т.д., б) правовые нормы, устанавливаемые гражданской, императорской властью, охватывающие правоотношения с религиозным элементом, в) нормы общегражданского права, охватывающие достаточно широкий круг правовых отношений, связанных с

¹⁸ Гаген С. Я. Византийское правосознание IV–XV вв. : монография / отв. ред. член-корреспондент РАН И. П. Медведев. М., 2012. С. 104.

¹⁹ См.: Об истории Кормчей книги на Руси см.: Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1905. 334 с.; Павлов А. С. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902. С. 109–126; Суворов Н. С. Курс церковного права. Ярославль, 1889. Т. 1. С. 303–311; Цытин В. Каноническое право. М., 2009. С. 216–225.

моральными нормами, которые сегодня входят в частные отрасли права (гражданского, брачно-семейного, наследственного и др.)²⁰.

На Руси состав Номоканона (Кормчей книги) отличался от византийского более широким охватом материала. В первоначальную Древнеславянскую Кормчую²¹, т.е. фактически в первый реципированный византийский правовой акт, действовавший сразу после крещения Руси (988 г.), помимо византийского сборника Иоанна Схоластика в 87 главах и Номоканона в XIV титулов, были реципированы части из следующих общегражданских источников византийского права: 1) Эклоги (726/741 г.); 2) «Прохирина», изданного в Византии между 870 и 879 гг.; 3) «Закона судного людям» (другое название – «Судебник царя Константина») – греко-болгарского источника, также включавшего в себя нормы Эклоги наряду со статьями местного происхождения²². Н. Л. Дювернуа, в свою очередь, также отмечал, что «в эпоху, когда выработалась Русская Правда, мы уже знали все те сборники греческого права, которые находятся теперь в печатной Кормчей книге. Существенное значение для права гражданского и для юристов имеют следующие четыре сборника: 1) Закон судный людям, 2) Избрание из закона Моисея, 3) ...Эклога, 4) ...Прохирион»²³. Исследователь верно указывал на высокий авторитет и широкую церковную юрисдикцию реципированного византийского права на Руси, права не только церковного, канонического, но и общегражданского, светского, которое, однако, в условиях древнерусской государственности в основном заимствовалось через Кормчую книгу²⁴.

Рецепция на Руси норм общегражданского византийского права не через светские источники древнерусского права, а через Кормчую книгу нередко приводит к ошибкам интерпретации в работах историков права, особенно тех из них, которые придерживаются советских объяснительных схем древнерусской правовой системы и системы источников права как якобы строго разделенных на светскую и церковную юрисдикции. Разделение имело место, однако оно не было и не могло быть строгим, абсолютным и последовательным. В связи с этим нередко происходит недооценка реального состояния правового сознания и правового мышления древнерусского общества и человека, им припи-

²⁰ См.: Заозерский Н. А. К истории номоканона в Византии и Древней Руси // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1886. Ч. 37, кн. 1. С. 412–427.

²¹ См.: Павлов А. С. Первоначальный славяно-русский Номоканон. Казань, 1869. 100 с.

²² См.: Там же. С. 95. Относительно «Закона судного людям» А. С. Павлов высказывал предположение, что разные редакции этого источника предназначались для светских и церковных судей соответственно, о чем свидетельствуют различные санкции за те или иные правонарушения в разных редакциях Закона, а также то, что некоторые редакции были соединены с Русской Правдой в один источник. См.: Там же. С. 98–99.

²³ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России: опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 316.

²⁴ См.: Там же. С. 153.

сывается современная ментально-юридическая характеристика разделения светского и церковного со всеми вытекающими последствиями, ошибочно осуществляется неявный перенос современного ментально-правового состояния на структуры правосознания прошлого.

Вместе с тем древнерусское правовое сознание обладало характеристиками синтеза светско-юридических и нравственно-христианских элементов, что связано как с правовой природой рецептированных источников византийского права (их христианизированный характер), так и с неразличением в процессе этой рецепции светско-гражданского и церковного права. Если проанализировать церковную юрисдикцию на Руси, то становятся очевидными ее широта и практически универсальный характер по сравнению с аналогичной юрисдикцией в Византии. Это объясняется тем, что воспринятая православная вера, а вместе с ней и византийское право рассматривались на Руси в качестве «священных эталонов», выработанных в «Православной Империи ромеев» идеальных установлений. Разумеется, это не соответствовало действительности ввиду того факта, что базой светского гражданского права Византии являлось пусть и христианизированное, но всё же римское языческое право. Более того, в самой Византии существовало четкое разделение общегражданской и канонической юрисдикций, причем последняя была установлена в империи только в начале IV в. и не могла не учитывать и не адаптироваться к опыту римского права, столетиями существовавшего в римском государстве до эпохи легализации христианства.

Относительно рецепции византийского права на Руси нельзя не указать на культурную функцию данного процесса, особенно в области частного права. Распространение рецептированного византийского права посредством установления церковной юрисдикции на область брачно-семейных и связанных с ними уголовно-правовых, административно-правовых, имущественных, процессуальных и иных правоотношений «явилось важным шагом в гражданском развитии древнерусского общества, существенным шагом для выхода его из примитивного варварского состояния, достижения общего стандарта жизни христианизированных европейских стран того времени»²⁵. Уже в Уставе Владимира устанавливаемая церковная юрисдикция направлена на ограничение государственной (княжеской) юрисдикции: «По томъ разверзьше грецьскыи номоканонъ и вбрѣтохомъ в ньмъ, вже не подобаетъ сихъ соудовъ и тажъ кнѣ(я)зю соудити, ни боѣромъ юго, ни соудѣмъ»²⁶. В Уставе Ярослава также на основании норм византийского Номоканона устанавливает-

²⁵ Щапов Я. Н. Формирование церковной юрисдикции и проблема правового положения изгоев в Древней Руси // Исторический вестник. 2002. № 1(16). URL : http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2002/1_16/2.htm (дата обращения: 21.01.2025).

²⁶ Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 16–19.

ся церковная юрисдикция: «Се ѡзъ, кн(я)зь великий **Я**рославъ, с(ы)нъ Володимеръ, по данию ѡтца своег(о) с'гадалъ есмь с митрополитом с Ларишном, сложил есмь греч(е)скыи номоканоун; аже не подобает(ь) сих таж(ь) соудити кн(я)зю и боярwm, далъ есмь митрополитѸ и еп(и)с(ко)пмъ тѣ сѹды, что писаны в' правилѣх, в номоканоунѣ»²⁷. Закрепленная в судебных Уставах Владимира и Ярослава бланкетная норма о том, что не следует рассматривать в рамках светской княжеской юрисдикции дела по фактам, которые указаны в гипотезах норм рецептированного греческого Номоканона, означает свободное подчинение древнерусского права праву византийскому в самом начале правогенеза.

Какие дела попали в церковную юрисдикцию на Руси в связи с указанной нормативной отсылкой к Кормчей книге? Это дела, связанные 1) с нарушением моногамной семьи, 2) кровосмешением, 3) прелюбодеянием, 4) оскорблением женщины словом, 5) изнасилованием, 6) заключением брака путем похищения невесты, 7) браком между близкими родственниками, 8) самовольным расторжением брака, 9) имущественными спорами супругов при разводах, 10) защитой престарелых родителей от произвола детей, 11) особыми случаями хулиганства, 12) отношениями в области медицинской практики, 13) фармацевтики и пр.

Н. В. Калачов, в свою очередь, выделил девять категорий дел, относящихся к церковной юрисдикции на Руси:

1) иски родителей на детей, мужей на жен и жен на мужей, рабов на господ, всех лиц женского пола и детей, когда эти иски относились, в первом случае, к непослушанию, а во всех других – к насилию, незаконной жизни и иным подобным деяниям;

2) иски отцов духовных на духовных детей своих «в непослушании и во всяком беззаконии», а также иски священнослужителей на своих прихожан, которые не являлись духовными чадами, «в том, что они не ходят в церковь, не постятся и не имеют духовников;

3) иски на бесчестие, особенно зазорное;

4) иски о запрещенных браках и незаконно прижитых детях;

5) иски «о сыновотворении», т.е. усыновлении приемыша, и о братотворении, и о наделении их свойствами наследников;

6) иски господ на рабов, которые женятся, уходя в монастырь, или живут «в бегах» незаконно;

7) иски по завещаниям и в целом по наследованию имущества;

8) чародейства, волхвования, расколы и все преступления против веры;

9) *любое дело, если истец предпочитает церковный суд гражданскому*²⁸.

²⁷ Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 85–91.

²⁸ См.: Калачов Н. В. О значении Кормчей в системе древнего русского права. М., 1850. С. 12.

Нельзя также забывать, что по субъекту церковное право имело универсальную юрисдикцию в отношении священников, диаконов, их семей, лиц, служивших в храмах, монастырях, «задушных людей», вдов, «калик», врачей, инвалидов, «прощеников», вообще всех, «питающихся от церкви»²⁹. В юрисдикции церкви также находились те правоотношения, которые требовали применения *системы записи, исчисления, элементарных технических средств, научных знаний*. Например, *служба мер и весов* нередко находилась в ведении епископских кафедр³⁰, следовательно, регулятивные правоотношения в хозяйственной, налоговой сфере, возникающие споры по этим делам были связаны в том числе и с церковью. В распространении *делопроизводства*, письменном ведении дел церковь также неизменно превосходила княжескую канцелярию³¹.

Особенностью рецепции византийского права в Древней Руси и в целом особенностью правового мышления древнерусского человека было и то, что не только сугубо религиозные по содержанию византийские тексты, но и те из них, которые содержали общегражданские правовые нормы, воспринимались в качестве неотъемлемой части христианской традиции. Например, включенный в Кормчую книгу уже упомянутый «Закон судный людем»³² являлся актом универсальной юрисдикции, он ввел ряд прогрессивных правовых положений общегражданского, светского права, которых не знало древнерусское право. В частности, это признание свидетелей главным источником доказательств, описание требований к их личным качествам, к их количеству, запрет на предъявление иска в отсутствие свидетелей, ответственность за лжесвидетельство и др. Все эти нормы, ставшие в результате рецепции нормами древнерусского права, в своих первоначальных истоках восходят к нормативным положениям Кодекса Юстиниана и византийской Эклоги³³.

Объяснение такого способа рецепции норм римско-византийского права в право Древней Руси на основании общепринятого в юридической науке понимания рецепции римского права как его заимствования, адаптации и переработки на Западе от схоластов до немецкой пандектистики XIX в. не является удовлетворительным. В связи с этим

²⁹ См.: *Щапов Я. Н.* Формирование церковной юрисдикции и проблема правового положения изгоев в Древней Руси; *Калачов Н. В.* Указ. соч. С. 13.

³⁰ См.: *Щапов Я. Н.* Государство и церковь в Древней Руси. X–XIII вв. М., 1989. С. 90–95.

³¹ См.: *Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб., 2010. С. 306–307.

³² Закон Судный людем: списки кр. ред. и воспроизв. списков / подгот. к печ.: М. Н. Тихомиров. М., 1961. 567 с.

³³ См.: *Чемеринская В. В.* Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство X–XVII вв. : опыт сравнительного анализа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 12.

решение вопроса о рецепции византийских правовых норм на Руси может быть осуществлено на базе подхода, предложенного Д. И. Азаревичем еще в XIX в. Речь идет о существовании в европейской правовой традиции не одного, а как минимум двух магистральных путей рецепции римского, или римско-византийского права в Европе – в основном о нормах римского права, кодифицированных в ранневизантийский период в *Corpus Iuris Civilis*. Два пути рецепции римско-византийского права представляют собой:

1) **западный**, или *итальянский путь рецепции*, связанный с зарождающимся светским движением западноевропейской университетской традиции в XI в.;

2) **византийский**, или *южнославянский (сербско-болгарский) путь*, связанный с рецепцией норм христианизированного римско-византийского права в составе светских источников византийского права и церковных книг, начиная с IX в.

Оба этих пути возникают практически одновременно, однако отличаются локализацией (географией) своего протекания и способами, внутренней логикой самой рецепции. Не последнюю роль в различии этих двух путей рецепции римско-византийского права играет и конфессиональный фактор – роль латинского и восточного христианства соответственно.

Западный путь рецепции римского права стал основной линией правовой традиции Западной Европы и формирования континентальной юридической догматики. На землях Северо-Восточной Руси он начинается только с XVIII в. реформами Петра I Великого и достигает кульминации во второй половине XIX в. во время проведения либеральных реформ в правовой системе Российской империи, а также «экспорта» российскими учеными правовой доктрины из западноевропейских университетов, где они практически все проходили научные стажировки. На землях Западной Руси, в том числе на белорусских землях, итальянский путь рецепции начинается несколько ранее и находит свое отражение в законодательстве Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского (далее – ВКЛ). Уже с конца XIV в. посредством польского и немецкого законодательства начинается проникновение в право ВКЛ элементов римского права. Наибольшая интенсивность влияния римского права на право ВКЛ как напрямую, так и через польско-немецкое посредничество, достигается в XVI в.

Южнославянский путь рецепции римского права через византийские источники права и светско-церковные книги характерен только для правовых систем византийской ойкумены, т.е. стран круга «Византийского Содружества Наций» – православных государств Восточной Европы, цивилизационно-культурный процесс в которых был обуслов-

лен связью с Византией, ее культурой, религией и правом³⁴. Этот путь рецепции римского права начинается в этих странах с IX–X вв. и совпадает с началом их культурно-исторического развития и принятия ими христианства.

3. Рецепция норм византийской Эклоги в древнерусском праве

3.1. Среди источников общегражданского византийского права, оказавших влияние на древнерусское право, особое место занимает Эклога. Ее древнерусский перевод, как полагает Л. В. Милов, был сделан еще во время правления Владимира Святославовича в его окружении с новейшей для того времени редакции полного текста византийской Эклоги («*Ecloga private*»)³⁵. Правда, с Л. В. Миловым полемизировал В. М. Живов, который утверждал болгарское происхождение славянского перевода византийской Эклоги, относящегося к IX в.³⁶ Обоснованную позицию по поводу перевода памятника выдвинула А. А. Пичхадзе, с точки зрения которой древнерусский текст славянской Эклоги действительно являлся переводом южнославянских, болгарских книжников³⁷, однако был выполнен специально для его применения в Древней Руси. В процессе перевода южнославянские книжники использовали так называемые *русизмы* в тех случаях, когда к греческим словам и терминам они не находили соответствия в церковнославянской языковой традиции (о русизмах см. ниже)³⁸. Вероятно, болгарские книжники постоянно вра-

³⁴ «К 1000 г. сложилось сообщество государств и народов, простиравшееся от Финского залива до Южного Пелопоннеса и от Адриатического моря до Кавказа. Все они в той или иной степени были связаны узами верности с Византийской Церковью и императором. К тому же к этому моменту восточноевропейское сообщество достигло невиданного до того времени культурного и политического единства». Оболенский Д. Д. Византийское Содружество Наций. М., 1998. С. 218.

³⁵ См.: Милов Л. В. Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции) // *Ius Antiquum*. Древнее право. М., 1998. № 1(3). С. 113. О древнерусском переводе Эклоги см. также: Его же. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1. С. 142–163; Его же. О древнейшей истории кормчих книг на Руси // История СССР. 1980. № 5. С. 105–123.

³⁶ См.: Живов В. М. История русского права как лингвосомиотическая проблема // Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 187–290.

³⁷ О расцвете болгарской книжности и Преславской книжной школы в X веке см.: Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991. 465 с. Д. М. Буланин справедливо замечает, что «многие литературные деятели Преслава получили блестящее классическое образование в столице империи [Константинополе]». Там же. С. 266.

³⁸ См.: Пичхадзе А. А. Славянский перевод Эклоги // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. IX. История русского языка и культуры: памяти В. М. Живова. М., 2016. С. 94–95. См. также подробно по этому вопросу: Ее же. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011. 408 с.

щались в древнерусской среде, будучи специально приглашенными на Русь как авторитетные славянские переводчики для «книжного дела» и получавшими из княжеской казны вознаграждение за свой труд, либо выполняли перевод Эклоги в Болгарии, но по заказу русских князей или митрополита.

Эклога на Руси рассматривалась не только в качестве рецептированного византийского права как права, связанного с православной традицией и верой Восточной Римской империи, но она также оказала влияние и на Русскую Правду – источник права, традиционно противопоставляющийся праву церковному. М. Н. Тихомиров отмечал, что Русская Правда как наиболее авторитетный источник этнически самобытных правовых норм восточных славян, тем не менее, также испытала влияние византийского права, прежде всего, Эклоги³⁹. При этом древнерусские книжники при составлении Русской Правды использовали не сам греческий или болгарский тексты Эклоги, а «Закон судный людям», выступавший своего рода источником-посредником между правом греков и правом славян, адаптировавшим многие положения византийского законодательства к славянской правовой действительности. Следует отметить, что из всех византийских источников общегражданского права именно нормы Эклоги оказали самое существенное влияние не только на Русскую Правду, но и в целом на все источники древнерусского права.

В современной историко-правовой науке рецепция Эклоги в древнерусское право досконально исследована Ярославом Николаевичем Шаповым в его последней работе, посвященной славянской Эклоге в ее древнерусском списке⁴⁰. В монографии ученый провел обширный текстологический и сравнительно-правовой анализ Полной редакции славянской Эклоги, сохранившейся в древнерусских рукописях, по трем изводам: изводу Мерила Праведного, изводу кормчих книг различных

³⁹ См.: Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 59, 154.

⁴⁰ См.: Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. СПб., 2011. 240 с. Инициатором работы по изданию славянской Эклоги, как отмечал сам Я. Н. Шапов (1928–2011), был известный немецкий византист Людвиг Бургман (1948–2019). Изначально планировалось издать совместную с Л. Бургманом монографию. Последний предоставил советскому историку греческий и немецкий тексты памятника в 1983 г. еще до их официального издания. Однако в связи с тем, что Л. Бургман так и не смог подготовить свою часть текста, Я. Н. Шапов незадолго до своей смерти в 2011 г. (ученый не дождался выхода в свет своего труда несколько недель) решил на самостоятельное завершение труда. Первоначально же рукопись работы, подготовленная Я. Н. Шаповым, была утверждена к печати Ученым советом Института истории СССР АН СССР еще 27 октября 1983 г. См.: Лисовой Н. Н. Постскриптум // Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 233–235.

списков, а также по Печатной кормчей⁴¹, сопоставляя их с исходным греческим текстом Эклоги по современному изданию Эклоги Л. Бургмана⁴². Помимо сравнения с греческим текстом, Я. Н. Шапов сопоставил нормы Эклоги с древнерусским правом, а также с другими рецепированными славянами византийскими памятниками права и их компиляциями. В частности, он сравнил славянскую Эклогу с договорами Руси с Византией 911 и 944 гг. и с немецкими городами, Русской Правдой, уставными и судными грамотами, княжескими уставами, Законом судным людем, Законом Моисея, Прохироном, Книгами Законными, Мерилом Праведным, Правосудием Митрополичьим, Судебником 1497 г. и Уложением 1649 г. Ученым проведена огромная работа, произведен полный юридико-текстологический анализ славянской Эклоги, выявлены смысловые и текстологические различия между греческим оригинальным текстом и его славянскими переводами. В своем анализе при сопоставлении греческого и славянского текстов Эклоги мы будем учитывать, в первую очередь, проведенное Я. Н. Шаповым текстологическое исследование славянской Эклоги, а также наблюдения других исследователей рецепции византийского права на Руси (В. М. Живова, Е. В. Беляковой, Л. В. Милова, А. А. Пичхадзе и др.).

3.2. Рецептированные на Руси нормы Эклоги, о которых будет идти речь ниже, заимствовались не в качестве аутентичного источника византийского права, т.е. не в качестве напрямую перенесенного византийского закона, но в качестве включенных в состав светско-церковных книг, т.е. номоканонов и других действовавших на Руси правовых компиляций (Книги Законные, Мерило Праведное, Пандекты Никона Черногорца, Правосудие Митрополичье, Епитемийники⁴³). Нормы Эклоги «разбросаны» по различным источникам древнерусского права как местного, так и южнославянского происхождения. Наиболее целостно они вошли, как уже отмечалось выше, в южнославянскую компиляцию-перевод Эклоги – Закон судный людем (Судебник царя Константина). В особенности это касается Титула XVII Эклоги – свода норм византийского уголовного права VIII в. Я. Н. Шапов, характеризуя Закон судный людем, отмечал, что «сама подготовка этого перевода, его распространение, перенесение из одних стран в другие, создание Сокращенной редакции свидетельствуют о стремлении использовать этот кодекс права на практике, в интересах славянских стран. В процессе перевода и переработок нашли отражение не только трудности, с которыми

⁴¹ См.: *Шапов Я. Н.* Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 13–186.

⁴² См.: *Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V.* 282 p. См.: *Шапов Я. Н.* Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 12.

⁴³ См.: *Павлов В. И.* Указ. соч. С. 300–316.

сталкивались книжники в передаче норм, понятий и терминов чужого общества, но и стремление приспособить эти памятники и их нормы к условиям того места и времени, где эта работа проводилась. Таким образом, славянские переводы Эклоги являются ценным историческим источником для изучения рецепции византийского права у южных и восточных славян, в Древней Болгарии, Древней Руси и наследовавших им государствах»⁴⁴.

Следует отметить, что Эклога переводилась не только на славянские⁴⁵, но также на армянский и арабский (коптский) языки⁴⁶, что указывает на популярность данного источника византийского права. Несмотря на осуждение Эклоги в хронологически следующем за ней источнике византийского права – Прохироне (879 г.) – как «извращенных законов» вследствие того, что источник права был издан императорами-иконоборцами Львом III Исавром и его сыном Константином V Копронимом, тем не менее, нормы источника продолжали использоваться в последующих памятниках византийского права. Характерно, что после осуждения иконоборческой ереси на VII Вселенском Соборе в 787 г. при императрице Ирине и дезавуации иконоборческой политики Льва III и Константина V введенная в юридическое действие при их правлении Эклога не рассматривалась византийскими правоведами как «извращенная» книга. Византийские юристы, составлявшие Прохирон и другие последующие источники права, невзирая на «формулу осуждения» в Прохироне, активно использовали нормы Эклоги. На Руси же вопрос о чистоте реципированных византийских источников права как таковой вообще не стоял: *Номоканон и вообще все византийские, «царские» законы рассматривались древнерусским правосознанием в качестве*

⁴⁴ Там же. С. 6.

⁴⁵ На русский язык впервые отдельные фрагменты Эклоги были переведены иеромонахом Епифанием Славинецким ок. 1660 г. по изданию немецкого историка права Иоанна Леунклавия, который первым в западной традиции перевел Эклогу в 1596 г. См.: *Iuris Graeco-Romani tam canonici quam civilis tomi duo Johannis Levnclavii*. Amelburni. Francfurt, 1596. Т. II. Р. 79–133; *Щанов Я. Н.* Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 8.

⁴⁶ Армянский перевод Appendix Ecloga (Приложения к Эклоге) в 1196 г. для Киликийской Армении выполнил архиепископ Тарса Нарсес Ламбронати. См.: *Микаелян Г. Г.* История Киликийского армянского государства / Г. Г. Микаелян ; Акад. наук Армянской ССР, Ин-т истории. Ереван, 1952. 534 с. Коптский перевод Эклоги и Приложения к ней вошел в состав Собраний правил Макария XIV в., а также в коптский Номоканон XIII в., составленный ас-Сафи Абу-ль-Фадаилем ибн аль-Ассалем и названный «Сборник ас-Сафи». См.: *Kaufhold H.* Sources of Canon Law in the Eastern Churches // *The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500* / ed. W. Hartmann, K. Pennington. Washinton, 2012. P. 215–342; *Cöln F. J.* The Nomocanonial Literature of the Copto-Arabic Church of Alexandria // *The Ecclesiastical Rev. Phil.* 1917. Vol. 56, No. 2. P. 113–141; *Youssef Y. N.* The Patriarch Macarius II and His Canons // *Journal of Coptic Studies.* 2009. Vol. 11. P. 115–125.

богодуховенных, т.е. таких, в которых не разделялось светское право и канонические нормы.

3.3. Исследование древнерусского списка Эклоги показывает во многом осмысленное усвоение русским правовым сознанием норм византийского права и приспособление местного обычного права к реципированному праву. Вместе с тем переводчики при переработке норм Эклоги творчески относились к греческому тексту и применяли разнообразные юридико-технические возможности при работе с реципированным текстом. В частности, книжники использовали следующие технические приемы перевода и юридической обработки реципированного материала:

- 1) опускали греческие юридические термины, если не понимали их значения;
- 2) заменяли реципированные термины своими терминами по смыслу и логике сложившегося местного правопорядка;
- 3) оставляли греческие термины вообще без перевода, передавая их славянскими буквами в транслитерации;
- 4) сознательно исключали те или иные греческие нормы права в случае их несоответствия местной правовой традиции;
- 5) вводили юридические русизмы – аналоги специальных греческих юридических понятий, содержащихся в реципированных источниках права;
- 6) допускали ошибки в переводе из-за его непонимания.

Е. В. Белякова обратила внимание, что важные политико-правовые понятия и принципы в сфере публичного права и системы государственного управления Византии, сформулированные в Преамбуле Эклоги, о содержании которой шла речь выше, не нашли отражения в славянской политико-правовой традиции⁴⁷. Они не были понятны и корректно не были переведены в силу политико-правовой и цивилизационной дистанции между Византией и Русью. Так, например, словосочетание «...εἰρηναῖον τε ἥμιν καθίστασθαι τὸ βασιλεῖον καὶ εὐσταθὲς τὸ πολίτευμα»⁴⁸ («мирное царствование и прочное управление государством»), содержащее важнейшие политико-правовые термины, переводчик передал как «мірнѣ намъ оустроїти царствїе, и благостоянїе, и житїе», опустив термин «управление государством»⁴⁹. Также переводчик опустил и наименование судебных должностей, что, впрочем, логично, однако при этом не указал на сходную роль и значение своего суда, заменив политико-правовую риторику нравственно-христианской. Своеобразно был

⁴⁷ См.: Белякова Е. В. Издание печатной Кормчей (1653 г.) и «Византизм» в русской государственности // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2012. № 5. С. 36.

⁴⁸ См.: Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. P. 162.

⁴⁹ Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 13.

воспринят древнерусским книжником и византийский принцип справедливости, изложенный в предисловии к Эклоге. У византийских юристов данный принцип согласуется с нравственно-христианским принципом правды, или истины («αλήθεια»), но полностью не отождествляется с ним⁵⁰. Древнеримская правовая традиция понимания справедливости, выраженная в Своде Юстиниана, в византийском праве не была отброшена, а была синтезирована с христианским принципом истины, или правды. Славянский же переводчик Эклоги воспринимает и переводит понятия «справедливость» («δικαιοσύνη») и «истина» («αλήθεια») как тождественные, как единую «Правду Божию». Под ней понимается истина, основанная на христианских заповедях, в которой справедливость и нравственное христианское благочестие сливаются воедино, в отличие от византийской правовой традиции, где эти два понятия, несмотря на их взаимосвязь и взаимное согласование, всё же различимы.

В таком же контексте переводчик воспринимает термин и выражаемое им греческое понятие «αλήθους δικαιοσύνης»⁵¹ («истинная справедливость») – как «истинныя правды и соудбы»⁵², понятие «δίκαια στάθμια»⁵³ («весы правосудия») – как «праведнаа мѣрила»⁵⁴ и т.д. Эта особенность славянского правосознания, заключающаяся в неразличении, синкретичности справедливости и «Правды Божией», обусловлена спецификой византийской (южнославянской) рецепции права на Руси, когда и светское, и церковное законодательство Византии передавалось в рамках цельного синкретичного комплекса. Я. Н. Шапов в связи с этим, комментируя Преамбулу славянской Эклоги, также отмечает, что в ней «понимать справедливость» значит «разуметь праведное»⁵⁵. К. В. Вершинин, анализируя выражение «праведная мерила» из предисловия древнерусской компиляции Мерило Праведное, основанное на Преамбуле византийской Эклоги, указывает на заимствование данного выражения посредством не столько перевода «δίκαια στάθμια», сколько заимствования его из Священного Писания (Притч. 16:11)⁵⁶.

Вместе с тем главная идея содержания Предисловия, или Преамбулы византийской Эклоги о защите слабых и угнетенных, тема праведного суда по своему смыслу точно передана в славянской Эклоге, но в более христианском, нежели в чисто юридическом контексте.

⁵⁰ См.: Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. P. 160–167.

⁵¹ Ibid. P. 162.

⁵² Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 15.

⁵³ Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. P. 162.

⁵⁴ См.: Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 15–16.

⁵⁵ См.: Там же. С. 62.

⁵⁶ См.: Вершинин К. В. Мерило Праведное и особенности рецепции византийского права на Руси // Исторический вестник. М., 2016. № 17(164). С. 122.

3.4. Текстологический анализ славянской Эклоги по ее древнерусским спискам показывает работу правоведа-переводчика, работающего с греческим текстом, и дает возможность выявить антрополого-правовые и культурно-исторические особенности восприятия древнерусским правовым сознанием и мышлением заимствованной правовой традиции. Помимо исключения в славянской Эклоге целого ряда важных политико-правовых понятий и принципов, сформулированных византийскими юристами в греческой Эклоге, в самих статьях источника также видна работа славянского книжника-переводчика, вносящего в славянский перевод текста изменения различного порядка. В частности:

- в ст. 1.1⁵⁷ славянской Эклоги переводчик, не подобрав в своем языке соответствующих терминов, передал два различных греческих термина – *μνηστεία* (свадебный сговор) и *αρραβών* (задаток в обеспечение брака) одним термином – «обручение»;

- в ст. 2.5.1 опустил неизвестный ему грецизированный латинизм «*ivβέντον*» («инвентарь»); грецизированные латинизмы, присутствующие в византийских источниках права, по понятным причинам представляли сложность для славянского переводчика, как правило, не знакомого с латынью;

- в ст. 3.1 переводчик опустил положения о некоторых правах и обязанностях мужа по отношению к приданому;

- в ст. 5.1 воспринял и точно передал неизвестное русскому праву положение о требованиях к завещателям, которые ограничивают их правомочность;

- в ст. 5.5 и в других местах славянской Эклоги грецизированный латинизм «*τα λεγῶτα*» перевел как «задница»⁵⁸ (наследство), в связи с тем, что узкий греко-римский термин «*τα λεγῶτα*» – т.е. части наследства, которые наследники обязаны по завещанию передать третьим лицам или учреждениям, – был неизвестен в древнерусском праве (о происхождении этого термина см. ниже);

- исключил главы о рабах, попавших в плен (ст. 8.4.1), и о перебежчиках, вернувшихся в свою страну (ст. 8.4.2)⁵⁹.

⁵⁷ Здесь первая цифра соответствует номеру Зачала, вторая после точки – номеру Главы/статьи. Нумерация дается по изданию славянской Эклоги Я. Н. Шапова: *Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции*. 240 с.

⁵⁸ Термин «задница» во всей славянской письменности известен только в русской письменности, что, по мнению Л. В. Милова, является важным аргументом для подтверждения древнерусского происхождения перевода. *Миров Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги)*.

⁵⁹ См.: *Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции*. С. 115–116; *Андреев М. Римское право и Славянската Еклога* // *Годишник на Софийския университет. Юридически факултет*. София, [1958–1959]. Т. 50, № 1. С. 8.

Переработка прослеживается и в Зачале 15 (Титул XIV византийской Эклоги) «О свидетелях» («О послуших верных и неверных...»). В частности, ст. 6 и 10 Титула XIV византийской Эклоги, регламентирующие порядок допроса свидетелей по гражданским и уголовным делам, опущены в связи с неразличением на Руси гражданского и уголовного процессов⁶⁰.

В Зачале 16 переводчик применительно к форме мирового соглашения опустил греческое слово «εγγράφως» («в письменной форме») Титула XV Эклоги, очевидно, не зная письменной формы соглашения (хотя, по мнению Я. Н. Щапова, здесь это указывает на ошибку перевода).

В Зачале 17 (Титул XVIII Эклоги) в ст. 18.1 переводчик вместо положения о передаче 1/6 части военной добычи казне («αφιερῶσθαι δὲ τῷ δημόσιῳ»), учитывая реалии фискальной политики в древнерусском государстве, передал это положение следующим образом: «достоить взимати князю». То же наблюдается и в ст. 18.2.

В статье 8 Зачала 17 (17.48⁶¹) греческое слово «τα ὄργανα» (орудия преступления) из-за незнакомства его древнерусскому юристу-переводчику было пропущено.

В статье 34 этого же Зачала (17.16) древнерусский книжник перевел греческое словосочетание «σῶμα ἐλεύθερον» («тело свободного», т.е. свободного человека) как «свободную семью», не поняв смысла этого выражения как «свободного человека», вследствие чего это место славянской Эклоги осталось непоясненным.

В статье 36 (17.10) грецизированный латинизм «ἐν ἐξτεδίῳ» (т.е. «в походе», «в экспедиции») русский переводчик опустил, как и другие латинизмы, из-за непонимания смысла.

Наряду с указанными выше нормами В. М. Живов также привел некоторые места в славянской Эклоге, демонстрирующие непонимание переводчиком греческого текста⁶².

3.5. Проводя лингвистический анализ славянской Эклоги, Л. В. Милов, а за ним и А. А. Пичхадзе выделили группу русизмов, однозначно указывающих именно на восточнославянское, а не на южнославянское происхождение или предназначение данного правового акта. В частности, А. А. Пичхадзе выделила в тексте славянской Эклоги четыре явных русизма, указывающих на подготовку данного перевода для использования его на территории Древней Руси:

⁶⁰ См.: Андреев М. Указ. соч. С. 15; Щапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. С. 141; Ермолович В. И. Влияние римского права на развитие гражданского законодательства средневековых славянских стран // Право и демократия : сб. науч. трудов / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2009. Вып. 20. С. 128.

⁶¹ При описании статей Зачала 17 в скобках дается нумерация аналогичных статей Титула XVII византийской Эклоги.

⁶² См.: Живов В. М. Указ. соч. С. 679–680.

1) «задница» (уже упоминавшийся нами термин Эклоги для обозначения наследства, аналог греческого понятия «*τα λεγῶτα*»);

2) «пристрож» (термин для обозначения приданого невесты, получаемого ею от своей семьи, передает греческое «*προίξ*»);

3) «прикроута» (также термин для обозначения приданого невесты, получаемого ею от своей семьи, но уже передает греческое «*τα πράματα*»);

4) «оурадиться» (слово для обозначения составления письменного соглашения о браке, передает греческое «*στοιχεῖω*»)⁶³.

Относительно термина «задница» Л. В. Милов отмечал, что переводчик вынужденно обратился к восточнославянскому лексикону для того, чтобы различить при переводе два юридических термина, использованных в греческом тексте: «*κληρονομία*» и «*τα λεγῶτα*»⁶⁴. «*Κληρονομία*» – это само наследство, «*τα λεγῶτα*» – это часть наследства, которую наследники обязаны по завещанию передать третьим лицам или учреждениям на основании воли завещателя. Норма о легатах в ст. 5.5 византийской Эклоги восходит к положениям Институций и Кодекса Юстиниана⁶⁵. Так, согласно Институциям Юстиниана, легат есть «дарение, оставленное покойным» (Inst. II.20.1), а лица, получавшие легат, не считались наследниками, поскольку не несли ответственности за долги наследодателей, но не могли и получить отказанное им в случае непокрытия долгов. Вместе с тем «легатарий может требовать легат, оставленный в какой угодно форме, не только посредством личных исков, но также посредством вещных и ипотечных» (Inst. II.20.2)⁶⁶.

Разумеется, на Руси легат как наследственная норма был неизвестен. Поэтому переводчик для передачи термина «*κληρονομία*» использовал традиционный церковнославянский эквивалент – слово «наслѣдиѣ», для передачи же грецизированного латинизма «*τα λεγῶτα*» церковнославянского соответствия не было, поэтому книжник обратился к восточнославянскому лексикону и употребил термин «задница». Этот термин, взятый из древнерусского узуса, использовался и в Русской Правде в значении наследства (ст. 92, 94, 95, 97, 100 и др. Пространной Правды).

Термины «пристрож», «прикроута» также искусственно сконструированы русским переводчиком на основе восточнославянского узуса для различения приданого, которое жених давал за невесту (так называе-

⁶³ См.: Пичхадзе А. А. Славянский перевод Эклоги. С. 90–92.

⁶⁴ См.: Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги). С. 152.

⁶⁵ Комментарий к статье 5.5 о легатах см. в: Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц М., 1965. С. 117–118.

⁶⁶ См.: Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера ; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. М., 1998. С. 162–163.

мый брачный дар – «αρραβών»), и приданого, которое невеста получала от своей семьи («προίξ»). Вероятно, древнерусское брачно-семейное право не знало такого различия, обозначая приданое термином «вѣно», который долгое время использовался как в Московском государстве, так и в праве ВКЛ. Термин «вѣно» переводчик атрибутировал греческому «αρραβών», а для терминов «προίξ», «τα πράγματα» использовал новообразования «пристрож», «прикроута».

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию на основе текстологического анализа и описания процесса рецепции норм византийского права в право Древней Руси, следует сформулировать общетеоретические выводы антрополого-правового и культурно-исторического характера.

1. Древнерусское право, равно как и отечественная правовая традиция в самом начале ее генезиса, формировалось в особом культурно-историческом контексте, связанном с влиянием византийского права, воспринимаемого как один из составных элементов обширной византийской православной культуры и веры. Само византийское право на момент его рецепции в древнерусское право (X в.) претерпело значительные изменения по сравнению с римским правом классического и постклассического периодов: оно христианизировалось и было адаптировано к новым социально-экономическим условиям развития государства эпохи Средних веков. Византийский закон стал более лаконичным, структурно более простым, но в то же время содержательно более насыщенным христианскими правовыми ценностями и нравственно-христианскими мотивировками. Наиболее характерным источником византийского права, отразившим эти новые тенденции, стала византийская Эклога. При этом особенностью византийского права являлись, при взаимной согласованности, раздельность и различие светского общегражданского и канонического регулирования.

2. Характерной особенностью рецепции византийского права на Руси являлось, напротив, неразличение общегражданского и канонического элементов заимствуемого права в связи с высоким авторитетом всех социальных институтов Византийской империи как «священных установлений» и отсутствием на Руси на момент рецепции собственной развитой правовой системы. На этом основании древнерусское правовое сознание после Крещения Руси приобрело характеристики синтеза светско-юридических и нравственно-христианских элементов. Нормы источников общегражданского византийского права, равно как и нормы источников канонического права, рассматривались как освященные православной традицией. Они реципировались не путем издания

аналогичных византийским самостоятельным источникам права, переведенных на древнерусский язык, а помещались в Кормчую книгу как единый источник регулирования. Церковная юрисдикция на Руси при этом, по мере христианизации государства, расширялась и включала в себя достаточно обширный круг общественных отношений, в Византии традиционно относившийся к общегражданской, светской юрисдикции.

3. Характерной особенностью правового мышления древнерусского человека было восприятие не только сугубо религиозных по содержанию византийских правовых норм, но и тех из них, которые содержали заимствованные гражданские, светские правовые нормы империи, в качестве неотъемлемой части единой христианской традиции. Правовое мышление древнерусского человека, таким образом, по мере христианизации всего древнерусского общества характеризовалось всеохватывающим влиянием и приоритетом церковного сознания над сознанием юридическим в его светском значении. Иными словами, человек как правовой деятель в пространстве древнерусской правовой действительности в целом являлся носителем церковно-фундированного правового сознания, что, однако, не предполагает приписывания такому сознанию высокого уровня христианской нравственности. Речь идет просто о соотношении канонического и общегражданского компонентов в правовом представлении людей.

4. Формирование церковно-фундированного правового сознания личности в праве Древней Руси, в свою очередь, объясняет, почему проблематика ценностей в праве, вопрос личности в праве и аналогичные им вопросы являлись значимыми на протяжении всей истории отечественной юриспруденции и правовой мысли, таковыми они представляются и для современной русской философии и теории права. Полагаем, что это обусловлено особенностью начального правогенеза Руси, тесно связанного с процессом южнославянского (сербско-болгарского) пути рецепции норм римско-византийского права, с заимствованием христианизированных правовых норм в составе светских источников византийского права и церковных книг. Реципированные на Руси нормы византийского права заимствовались не в качестве напрямую перенесенного византийского закона, но в качестве включенных в состав светско-церковных книг, т.е. номоканонов, «священных установлений».

5. Поглощение светского, общегражданского элементов церковным, каноническим сознанием, с одной стороны, создало на уровне правовой модели человека древнерусской правовой культуры ценностно-правовую доминанту, напрямую сформировавшуюся на основе христианской нравственности, фактически с ней отождествленную. С другой стороны, неактуальность для русского правового сознания светских, общегражданских правовых элементов византийского права как отделенных

от церковных (например, отсутствие рецепции в древнерусском праве ряда важнейших общеправовых принципов Эклоги, в частности, принципа справедливости в его общегражданском истолковании), доставшихся ему из римского правового наследия, указывает на проблематичность правового регулирования общественных отношений в условиях светского общества и государства, а также в случае злоупотребления самой традицией правовой регламентации на основе византийской идеи светско-церковного синтеза.

6. Текстологический анализ древнерусского списка Эклоги указывает на осмысленную работу восточнославянских книжников по приспособлению заимствованных терминов, понятий, институтов для местной юридической практики, ввиду чего не только Эклога, но все византийские переводные памятники на Руси испытали определенную русификацию. Вместе с тем, когда византийские правовые понятия, нормы и даже институты переводчику были незнакомы и в особенности когда они не отражали нравственно-христианский смысл, а являлись элементами инерции римского общегражданского права, в таком случае они опускались. Это же касалось и грецизированных латинизмов из-за общего незнакомства на Руси с латинской культурной традицией.

Библиографический список

Андреев М. Римского право и Славянската Еклога (за някои отклонения на славянската Еклога от римското право) / М. Андреев // Годишник на Софийския университет. Юридически факултет. – София, [1958–1959]. – Т. 50, № 1. – С. 1–20.

Белякова Е. В. Издание печатной Кормчей (1653 г.) и «Византизм» в русской государственности / Е. В. Белякова // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. – 2012. – № 5. – С. 34–50.

Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви / В. Н. Бенешевич. – СПб., 1905. – 334 с.

Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. / Д. М. Буланин. – München : Sagner, 1991. – 465 с.

Вершинин К. В. Мерило Праведное и особенности рецепции византийского права на Руси / К. В. Вершинин // Исторический вестник. – М., 2016. – № 17(164). – С. 100–135.

Византийский земельный закон / текст, исследование, комментарий подг. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская ; под ред. И. П. Медведева. – Л. : Наука, 1984. – 280 с.

Гаген С. Я. Византийское правосознание IV–XV вв. : монография / С. Я. Гаген ; отв. ред. член-корреспондент РАН И. П. Медведев. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 304 с.

Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции / С. А. Дробышевский. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 186 с.

Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России: опыты по истории русского гражданского права / Н. Л. Дювернуа. – М. : Унив. тип., 1869. – 416 с.

Ермолович В. И. Влияние римского права на развитие гражданского законодательства средневековых славянских стран / В. И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. трудов / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – Вып. 20. – С. 127–149.

Живов В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема / В. М. Живов // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М., 2002. – С. 187–290.

Закон Судный людем: списки кр. ред. и воспроизв. списков / подгот. к печ.: М. Н. Тихомиров. – М. : Знание, 1961. – 567 с.

Заозерский Н. А. К истории номоканона в Византии и Древней Руси / Н. А. Заозерский // Прибавления к Творениям Св. Отцов. – 1886. – Ч. 37, кн. 1. – С. 412–427.

Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера ; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 1998. – 400 с.

Калачов Н. В. О значении Кормчей в системе древнего русского права / Н. В. Калачов. – М. : Унив. тип., 1850. – 128 с. [Приложение – 80 с.].

Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей под ред. проф. П. Г. Виноградова. – М. : Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1897. – Вып. 2. – 967 с.

Ковлер А. И. Антропология права : учебник / А. И. Ковлер. – М. : Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. – 467 с.

Кучма В. В. Νομοσ Στρατιωτικός (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права) / В. В. Кучма // Византийский временник. – 1971. – Т. 32(57). – С. 276–285.

Лисовой Н. Н. Постскрипtum / Н. Н. Лисовой // Щапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции / Я. Н. Щапов. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2011. – С. 233–235.

Лысенко О. Л. Эклога 726 г. – памятник права Византии эпохи иконоборчества и «правового новаторства» / О. Л. Лысенко // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. – 2014. – № 3. – С. 16–41.

Макаров Д. А. Особенности законодательства Исаурийской династии Византийской империи / Д. А. Макаров // Царскосельские чтения. – 2015. – Т. I, XIX. – С. 186–191.

Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства / Г. Г. Микаелян ; Акад. наук Армянской ССР, Ин-т истории. – Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1952. – 534 с.

Милов Л. В. Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции) / Л. В. Милов // Ius Antiquum. Древнее право. – М., 1998. – № 1(3). – С. 13–119.

Милов Л. В. О древнейшей истории кормчих книг на Руси / Л. В. Милов // История СССР. – 1980. – № 5. – С. 105–123.

Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги) / Л. В. Милов // История СССР. – 1976. – № 1. – С. 142–163.

Морской закон родосцев / текст, исследование, комментарий подг. М. Я. Сюзюмовым // Античная древность и средние века : сб. статей УрГУ. – 1969. – Вып. 6. – С. 3–54.

Оболенский Д. Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов / Д. Д. Оболенский. – М. : Янус-К, 1998. – 655 с.

Павлов А. С. Курс церковного права / А. С. Павлов. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. – 539 с.

Павлов А. С. Первоначальный славяно-русский Номоканон / А. С. Павлов. – Казань, 1869. – 100 с.

Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования : монография / В. И. Павлов. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 560 с.

Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект / А. А. Пичхадзе. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2011. – 408 с.

Пичхадзе А. А. Славянский перевод Эклоги / А. А. Пичхадзе // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. IX. История русского языка и культуры: памяти В. М. Живова. – М., 2016. – С. 86–97.

Суворов Н. С. Курс церковного права / Н. С. Суворов. – Ярославль, 1889. – Т. 1. – 369 с.

Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов / М. Н. Тихомиров ; Акад. наук СССР. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. – 254 с.

Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии / В. А. Томсинов // Вестник МГУ. Сер. 11, Право. – 2009. – № 4. – С. 3–26.

Успенский Ф. И. История Византийской империи. Периоды IV–V / Ф. И. Успенский. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2013. – 622 с.

Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Шапов ; отв ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 16–19.

Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Шапов ; отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 85–91.

Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси / С. Франклин. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. – 552 с.

Цыпин В. Каноническое право / В. Цыпин. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 864 с.

Чемеринская В. В. Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство в X–XVII веках (опыт сравнительного анализа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Чемеринская ; Моск. гос. юрид. акад. – М., 2004. – 25 с.

Шапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции / Я. Н. Шапов. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2011. – 240 с.

Шапов Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси. X–XIII вв. / Я. Н. Шапов. – М. : Наука, 1989. – С. 90–95.

Шапов Я. Н. Формирование церковной юрисдикции и проблема правового положения изгоев в Древней Руси / Я. Н. Шапов // Исторический вестник. – 2002. – № 1(16). – URL : http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2002/1_16/2.htm (дата обращения: 21.01.2025).

Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. – М. : Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1965. – 228 с.

- Cöln F. J.* The Nomocanonical Literature of the Copto-Arabic Church of Alexandria / F. J. Cöln // The Ecclesiastical Rev. Phil. – 1917. – Vol. 56, No. 2. – Pp. 113–141.
- Darian-Smith E.* Laws and societies in global contexts: contemporary approaches / E. Darian-Smith. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. – 422 p.
- Ecloga.* Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V / Herausgegeben von Ludwig Burgmann. – Frankfurt-am-Main, 1983. – 282 p.
- Ethnography and law* / ed. by Eve Darian-Smith. – Burlington : Ashgate, 2007. – 586 p.
- Gallagher C.* Church Law and Church Order in Rome and Byzantium: A Comparative Study / C. Gallagher. – Aldershot : Ashgate, 2002. XII. – 279 p.
- Iuris Graeco-Romani tam canonici quam civilis tomi duo* Johannis Levnclavii. Amelburni. – Francfurt, 1596. – T. II. – Pp. 79–133.
- Kaufhold H.* Sources of Canon Law in the Eastern Churches / H. Kaufhold // The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500 / ed. W. Hartmann, K. Pennington. – Washington, 2012. – Pp. 215–342.
- Rouland N.* Anthropologie juridique / N. Rouland. – 1 ed. – Paris : Les Presses universitaires de France, 1988. – 496 p.
- Youssef Y. N.* The Patriarch Macarius II and His Canons / Y. N. Youssef // Journal of Coptic Studies. – 2009. – Vol. 11. – P. 115–125.

References

- A book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers edited by Professor P. G. Vinogradov. – Moscow : A. I. Mamontov Publishing House, 1897. – Issue 2. – 967 p.
- Andreev M.* Roman law and Slavic Ecloga (the difference between Slavic Ecloga and Roman Law) / M. Andreev // Yearbook at Sofia University. Faculty of Law. – Sofia, [1958–1959]. – Vol. 50, No. 1. – Pp. 1–20.
- Belyakova E. V.* The publication of the Printed Helmsman (1653) and "Byzantism" in Russian statehood / E. V. Belyakova // Bulletin of Moscow University. Series 8, History. – 2012. – No. 5. – Pp. 34–50.
- Beneshevich V. N.* Canonical collection of the XIV titles from the second quarter of the VII century to 883. Towards the ancient history of the sources of law of the Greek-Eastern Church / V. N. Beneshevich. – St. Petersburg, 1905. – 334 p.
- Bulanin D. M.* Ancient traditions in Ancient Rus literature of the XI–XVI centuries / D. M. Bulanin. – München : Sagner, 1991. – 465 p.
- Chemerinskaya V. V.* The influence of Byzantine law on Ancient Rus and Russian legislation in the X–XVII centuries (experience of comparative analysis) : abstract of the dissertation ... cand. jurid. sciences / V. V. Chemerinskaya ; Moscow State Law. akad. – M., 2004. – 25 p.
- Drobyshevsky S. A.* Political organization of society and law: a historical place and the beginning of evolution / S. A. Drobyshevsky. – Krasnoyarsk : Publishing house of Krasnoyar. University, 1991. – 186 p.
- Duvernois N. L.* Sources of law and court in Ancient Rus: experiments on the history of Russian civil law / N. L. Duvernois. – Moscow : Univ. tip., 1869. – 416 p.
- Ecloga:* The Byzantine legislative code of the VIII century / introductory article, translation, commentary by E. E. Lipshits. – Moscow : Nauka Publishing House, Main Editorial Office of Oriental Literature, 1965. – 228 p.

Ermolovich V. I. The influence of Roman law on the development of civil legislation in medieval Slavic countries / V. I. Ermolovich // Law and Democracy : collection of scientific papers / editorial board: V. N. Bibilo (ed. in chief) [at all]. – Minsk : BSU, 2009. – Issue 20. – Pp. 127–149.

Franklin S. Writing, society and culture in Ancient Rus / S. Franklin. – St. Petersburg : Dmitry Bulanin, 2010. – 552 p.

Hagen S. Ya. Byzantine legal consciousness of the IV–XV centuries : a monograph / S. Ya. Hagen ; ed. by Corresponding member of the Russian Academy of Sciences I. P. Medvedev. – Moscow : Yurlitinform, 2012. – 304 p.

Kalachov N. V. On the significance of Helmsmen in the system of Ancient Rus law / N. V. Kalachov. – Moscow : Univ. tip., 1850. – 128 p. [Appendix – 80 p.]

Kovler A. I. Anthropology of law : a textbook / A. I. Kovler. – Moscow : NORMA Publishing House (NORMA-INFRA-M Publishing Group), 2002. – 467 p.

Kuchma V. V. Νομος Στρατιωτικός (On the question of the connection between the three monuments of Byzantine military law) / V. V. Kuchma // Byzantine Time Periodical. – 1971. – Vol. 32(57). – Pp. 276–285.

Lisovoy N. N. Postscript / N. N. Lisovoy // Shchapov Ya. N. The Byzantine "Ecloga of Laws" in the Russian written tradition / Ya. N. Shchapov. – St. Petersburg : Oleg Abyshko Publishing House, 2011. – Pp. 233–235.

Lysenko O. L. Ecloga of 726 – a monument of Byzantine law of the era of iconoclasm and "legal innovation" / O. L. Lysenko // Bulletin of Moscow University. Series 11, Pravo. – 2014. – No. 3. – Pp. 16–41.

Makarov D. A. Features of the legislation of the Isaurian dynasty of the Byzantine Empire / D. A. Makarov // Tsarskoye Selo Readings. – 2015. – Vol. I, XIX. – Pp. 186–191.

Mikaelian G. G. History of the Cilician Armenian State / G. G. Mikaelian ; Academy of Sciences Armenian SSR, Institute of History. – Yerevan : Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1952. – 534 p.

Milov L. V. On the ancient history of «Kormchajia Kniga» in Russia / L. V. Milov // History of the USSR. – 1980. – No. 5. – Pp. 105–123.

Milov L. V. On the Ancient Rus translation of the Byzantine Code of Laws of the VIII century (Ecloga) / L. V. Milov // History of the USSR. – 1976. – No. 1. – Pp. 142–163.

Milov L. V. The Byzantine Ecloga and the Extensive Russian Truth (problems of reception) / L. V. Milov // Ius Antiquum. Ancient law. – Moscow, 1998. – No. 1(3). – Pp. 13–119.

Obolensky D. D. The Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits / D. D. Obolensky. – Moscow : Janus-K, 1998. – 655 p.

Pavlov A. S. Course of church law / A. S. Pavlov. – Sergiev Posad : Holy Trinity Sergius Lavra, 1902. – 539 p.

Pavlov A. S. The original Slavic-Russian nomocanon / A. S. Pavlov. – Kazan, 1869. – 100 p.

Pavlov V. I. Anthropology of law in the context of legal, philosophical and religious traditions: the history of formation : a monograph / V. I. Pavlov. – Moscow : Yurlitinform, 2021. – 560 p.

Pichkhadze A. A. Slavic translation of the Ecloga / A. A. Pichkhadze // Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language. IX. The history of the Russian language and culture: in Memory of V. M. Zhivov. – Moscow, 2016. – Pp. 86–97.

- Pichkhadze A. A.* Translation activity in pre-Mongol Russia: a linguistic aspect / A. A. Pichkhadze. – Moscow : Handwritten monuments of Ancient Rus, 2011. – 408 p.
- Shchapov Y. N.* The Byzantine "Ecloga of Laws" in the Russian written tradition / Ya. N. Shchapov. – St. Petersburg : Oleg Abyshko Publishing House, 2011. – 240 p.
- Shchapov Y. N.* The formation of church jurisdiction and the problem of the legal status of outcasts in Ancient Rus / Ya. N. Shchapov // Historical Bulletin. – 2002. – № 1(16). – URL : http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2002/1_16/2.htm (date of access: 01.21.2025).
- Shchapov Y. N.* The state and the Church in Ancient Rus. X–XIII centuries / Ya. N. Shchapov – Moscow : Nauka, 1989. – Pp. 90–95.
- Suvorov N. S.* Course of church law / N. S. Suvorov. – Yaroslavl, 1889. – Vol. 1. – 369 p.
- The Byzantine agricultural law / text, research, commentary edited by E. E. Lipshits, I. P. Medvedev, E. K. Piotrovskaya ; edited by I. P. Medvedev. – Leningrad : Nauka Publ., 1984. – 280 p.
- The Charter of Prince Vladimir on tithes, courts and people of the church // Ancient Rus princely charters of the XI–XV centuries / comp. Ya. N. Shchapov, ed. by L. V. Cherepnin. – Moscow : Science, 1976. – Pp. 16–19.
- The Charter of Prince Yaroslav on ecclesiastical courts [Extensive edition. The main drawback] // Ancient Rus princely charters of the XI–XV centuries / comp. Ya. N. Shchapov ; ed. by L. V. Cherepnin. – Moscow : Nauka, 1976. – Pp. 85–91.
- The institutions of Justinian / translated from Latin by D. Rassner ; edited by L. L. Kofanov, V. A. Tomsinov. – Moscow : Zertsalo, 1998. – 400 p.
- The Law of Judgment people: Lists of kr. ed. and by reproducing. lists / ready, translated by M. N. Tikhomirov. – Moscow : Znanie Publ., 1961. – 567 p.
- The Maritime law of the Rhodians / text, research, commentary edited by M. Y. Syuzyumov // Ancient antiquity and the Middle Ages : collection of articles of USU. – 1969. – Vol. 6. – Pp. 3–54.
- Tikhomirov M. N.* Research on the Russian Truth. The origin of texts / M. N. Tikhomirov ; Academy of Sciences of the USSR. – Moscow ; Leningrad : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. – 254 p.
- Tomsinov V. A.* Jurisprudence of Ancient Rus and the legal culture of Byzantium / V. A. Tomsinov // Bulletin of Moscow State University. Ser. 11, Pravo. – 2009. – No. 4. – Pp. 3–26.
- Tsylin V.* Canon law / V. Tsylin. – Moscow : Sretensky Monastery Publishing House, 2009. – 864 p.
- Uspensky F. I.* History of the Byzantine Empire. Periods IV–V / F. I. Uspensky. – Moscow : Academic project ; Yekaterinburg : Business Book, 2013. – 622 p.
- Vershinin K. V.* The standard of Righteousness and the peculiarities of the reception of Byzantine law in Russia / K. V. Vershinin // Historical Bulletin. – 2016. – No. 17(164). – Pp. 100–135.
- Zaozersky N. A.* On the history of the Nomocanon in Byzantium and Ancient Rus / N. A. Zaozersky // Additions to the Works of St. Fathers. – 1886. – Part 37, Book 1. – Pp. 412–427.
- Zhivov V. M.* The history of Russian law as a linguistic and semiotic problem / V. M. Zhivov // Research in the field of history and prehistory of Russian culture. Moscow, 2002. – Pp. 187–290.

Coln F. J. The Nomocanonical Literature of the Copto-Arabic Church of Alexandria / F. J. Coln // The Ecclesiastical Rev. Phil. – 1917. – Vol. 56, № 2. – Pp. 113–141. [In Engl.]

Darian-Smith E. Laws and societies in global contexts: contemporary approaches / E. Darian-Smith. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. – 422 p. [In Engl.]

Ecloga. The Law Code of Leon III and Konstantinos' V / ed. by Ludwig Burgmann. – Frankfurt-am-Main, 1983. – 282 p. [In Germ.]

Ethnography and law / ed. by Eve Darian-Smith. – Burlington : Ashgate, 2007. – 586 p. [In Engl.]

Gallagher C. Church Law and Church Order in Rome and Byzantium: a Comparative Study / C. Gallagher. – Aldershot : Ashgate, 2002. – XII. – 279 p. [In Engl.]

Iuris Graeco-Romani tam canonici quam civilis tomi duo Johannis Levnclavii. Amelburni. – Francfurt, 1596. – T. II. – Pp. 79–133. [In Engl.]

Kaufhold H. Sources of Canon Law in the Eastern Churches / H. Kaufhold // The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500 / ed. W. Hartmann, K. Pennington. – Washington, 2012. – Pp. 215–342. [In Engl.]

Rouland N. Anthropologie juridique / N. Rouland. – 1 edition. – Paris : Les Presses universitaires de France, 1988. – 496 p. [In French]

Youssef Y. N. The Patriarch Macarius II and His Canons / Y. N. Youssef // Journal of Coptic Studies. – 2009. – Vol. 11. – P. 115–125. [In Engl.]

Для цитирования:

Павлов В. И. Антрополого-правовые и текстологические особенности рецепции норм византийского права в праве Древней Руси (на примере византийского источника права «Эклога») // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1(10). С. 31–63.

Recommended citation:

Pavlov V. I. Anthropological, legal and textual features of the reception of the norms of Byzantine law in the law of Ancient Rus (on the example of the Byzantine source of law “Eclogue”) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 1(10). Pp. 31–63.

Сведения об авторе

Павлов Вадим Иванович – ведущий научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор

E-mail: vadim.i.pavlov@mail.ru

Information about author

Pavlov Vadim Ivanovich – Leading Researcher at the Institute of Legal Studies of the National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus, Candidate of Law, Professor

E-mail: vadim.i.pavlov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕХИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Ю. А. Иванов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 января 2025 г.

Аннотация: рассмотрены особенности источников права Чехии и Моравии в период Средневековья, формирование и особенности гражданского права и судебного процесса.

Ключевые слова: Богемия, Чехия, Моравия, славяне, Средневековье, феодализм, источники права, гражданское право, обязательство, купля-продажа, договор, заем, аренда, суд, судебный процесс, доказательства, обвинение.

FEATURES OF THE SOURCES OF LAW OF THE MEDIEVAL CZECHIA AND THE FORMATION OF CIVIL LAW AND PROCEDURE

Yu. A. Ivanov

Voronezh State University

Abstract: the article examines the features of the sources of law of the Czech and Moravia during the Middle Ages, the formation and features of civil law and the judicial process.

Key words: Bohemia, Czech, Moravia, Slavs, Middle Ages, feudalism, sources of law, civil law, obligation, purchase and sale, contract, loan, lease, court, trial, evidence, accusation.

На формирование феодального права славянских народов большое влияние оказали развитые правовые системы, возникшие в государствах имперского характера. Для южных славян – византийское и исламское право, для западных славян – немецкое право. Тем не менее право имперских народов было адаптировано к местным общественным славянским особенностям и поэтому приобрело во многом уникальные черты.

Наиболее древним письменным законодательным памятником Чехии, о котором сохранились достоверные сведения, являются так назы-

ваемые «Декреты князя Бржетислава», оглашенные им в Гнезне в 1039 г. Они были направлены главным образом против языческих обрядов. В качестве источника права в чешских землях долгое время продолжал господствовать обычай. Славянское обычное право в значительной степени обогатилось новыми чертами в результате взаимодействия с правовой культурой немецких колонистов. С развитием феодального государства типичной формой права становятся «привилегии».

К концу XII в. относятся латинские тексты «Статута Конрада»¹, изданного от имени князя Конрада Оты и представлявшего собой запись процессуального права, которое предназначалось для правителей областей – жупанов, осуществлявших не только административные, но и судебные функции.

Особенностью европейских средневековых правовых систем являлось отсутствие последовательно унифицированного в рамках всего общества права. Так в Чехии наряду с доминировавшим правом высших слоев населения – земским правом – существовали и специальные правовые комплексы: городское право, сельское право, каноническое (церковное) право, ленное право, горное право, право виноделов. Это вполне соответствовало корпоративному устройству средневекового европейского общества. Поскольку феодалы играли доминирующую роль в политической сфере общественной жизни, то земское право, формировавшееся в основном на съездах и судебных собраниях шляхты, вполне можно рассматривать условно «общечешским».

В XIV в. земская и специальные системы права в чешских, моравских и силезских землях начинают приобретать письменную форму. Одновременно предпринимались первые попытки кодифицировать право в пределах всего государства. Упорядочение правовых норм происходило в рамках деятельности отдельных знатоков права, результатом чего явились частные записи действовавших юридических установлений с практическими целями. Одной из первых подобных частных записей стала так называемая Рожмберская (Розембергская) книга², датированная еще XIII в. Она была написана на чешском языке и в своих 240 статьях содержала в основном нормы процессуального права. В ней имеются статьи о коморниках³, вызове в суд, оправдании перед судом (ст. I–III, VII), далее следуют разделы о выполнении обязательств, о залогах (ст. XIV, XIX)⁴ и т.д. В конце XIV в. появился частный «Свод земского права», состоявший

¹ Статуты Конрада Оттона // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 831–835.

² Рожмберская книга // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. С. 837.

³ Коморник – должностное лицо, контролировал исполнение судебных решений, на местах исполнял судебные функции.

⁴ Рожмберская книга. С. 837–844.

из 93 статей и охватывавший вопросы судебного процесса, уголовного и гражданского права. Еще одной частной практической кодификацией стало сочинение пана Андрея из Дубы «Изложение чешского земского права» (1400 г.). Основным источником этого собрания была судебная практика в Верховном земском суде и нормы обычного права. «Изложение чешского земского права» (ст. 10–13, 15, 43, 58, 63–68, 74–76, 78–80)⁵ дает четкое представление о судоустройстве и судопроизводстве Чехии в XIV в.

XV–XVI вв. стали, по мнению чешских ученых, периодом расцвета чешской правовой культуры. Решения сеймов, шляхетских судов, земских судов заносились в «земские доски», которые стали источником новой кодификационной работы и практической юриспруденции. На стыке XV и XVI столетий появился, по утверждению академика В. Ванечека, самый значительный памятник чешской юридической культуры «Девять книг», созданный профессором Пражского университета и заведующим земскими досками Викториним Корнелиусом из Вшегрд⁶. В этом сочинении на чешском языке описывались основные институты процессуального права Чехии.

В конце XV в. началась работа над официальным сводом права, в организации которой большую роль сыграл королевский прокуратор Рендл из Оушавы. Результатом стала подготовка, одобрение чешским сеймом и издание во время правления короля Владислава «Земского уложения королевства Чешского», содержавшего нормы гражданского, процессуального, уголовного и государственного права. В течение всего XVI в. этот документ подвергался исправлениям и дополнениям различными правовыми актами.

В качестве условий полной правоспособности чешское право принимало личную свободу, совершеннолетие, принадлежность к мужскому полу и безупречную честь. Вплоть до XVI в. земское право не выдвинуло четких критериев совершеннолетия. Викторин Корнелиус заявлял, например, что при определении правоспособности на основе совершеннолетия необходимо руководствоваться индивидуальными физическими признаками (усы у мужчин, грудь у женщин), которые должны были освидетельствоваться земскими урядниками. «Majestas Carolina» (середина XIV в.) устанавливала, что сыновья, «достигшие 15 лет, могут требовать от отцов или матерей долю»⁷. В различных районах совершеннолетними признавались юноши 16–18 лет, девушки 14–16 лет в за-

⁵ «Изложение Чешского земского права» пана Андрея из Дубы // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. С. 871–879.

⁶ См.: Ванечек В. История государства и права Чехословакии. М., 1981. С. 198.

⁷ Majestas Carolina // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. С. 854.

висимости от сословной принадлежности. Однако женщина считалась совершеннолетней, когда она выходила замуж, независимо от возраста. Только чешское Земское уложение 1549 г. установило возрастные границы для определения совершеннолетия «шляхтичей-сирот – 20 лет»⁸. Что касается вопросов чести, то здесь ограничивалась правоспособность внебрачных детей, представителей некоторых профессий (палачи, жи-водеры, проститутки и т.п.) и т.д.

Для средневекового чешского имущественного права характерным стало достаточно раннее появление юридической категории «собственность» – властенстве (*vlastenstve*) (1407 г.). В период раннего Средневековья в руках чешских феодалов находились как свободные аллоидные, так и условные владения, которые они стремились превратить в наследственные. Со стороны центральной власти были сделаны уступки местным феодалам. В конце XII в. феодальные владения были объявлены «наследственными»⁹. В результате в Чехии развилось единообразное феодальное ленное держание, постепенно поглотившее различия между собственно поместным держанием, основным признаком которого было возникновение на основе ленных пожалований отношений вассалитета, и вотчиной. Вотчины и поместья в Чехии квалифицировались как дедичские, наследственные. Шляхетское владение недвижимостью долгое время называлось в чешских землях сидением. Обычным сроком, устанавливавшим право собственности на землю, признавались «3 года и 18 недель добросовестного владения». Если за это время «не предъявлялись виндикационные иски, то шляхетское земельное владение заносилось в земские доски»¹⁰. После гуситского движения полной собственностью на землю помимо привилегированных феодальных социальных групп стали обладать мещане.

Первоначально общинная земельная недвижимая собственность с развитием феодальных отношений концентрировалась в руках привилегированной знати, что привело к распространению несвободного крестьянского держания, которое характеризовалось прежде всего правом феодала произвольно отбирать землю после смерти зависимого крестьянина. Однако уже с XII в. развиваются своеобразные феодальные гарантии крестьянского владения землей: права на землю вплоть до смерти всех членов крестьянской семьи, получившей надел. Кроме того, большое развитие получила сельская наследственная аренда, при которой запрещался сгон крестьянина с надела и землевладелец мог вернуть землю только в случае смерти всех, кто имел на нее наслед-

⁸ Ванечек В. Указ. соч. С. 212.

⁹ См.: Статуты Конрада Оттона. С. 833.

¹⁰ Ванечек В. Указ. соч. С. 214.

ственные права¹¹. В конце XIV – начале XV в. по вопросу о крестьянском выморочном наследстве развернулась правовая дискуссия ученых каноников и юристов. Одни из них отстаивали право феодалов наследовать имущество умерших крестьян, другие, в числе которых был и Ян Гус, выступали против. Его взгляды были изложены в форме послания к другу-земану. Ян Гус писал, что имущество крестьянина «добыто его усилиями, и он господин своего имущества, а ты, пан, всего лишь его защитник и судья и за это берешь с него плату и службу...»¹². После расширения немецкой сельской колонизации на облик чешской сельской аренды существенным образом повлияло немецкое право, регламентировавшее более четко договорно-обязательственную сторону поземельных отношений. Всё это привело к тому, что и крестьянское владение недвижимостью воспринималось чешской средневековой юридической доктриной как дедическое. Таким образом, на первое место в праве собственности был поставлен принцип фактического добросовестного обладания. В то же время сохранялось общинное землевладение. Так Рожмберская книга фиксирует, что, если кто-то продал свой земельный участок (дедину), то он не мог продать ту часть общинной земли, которая в соответствии с числом соседей приходилась на его долю (луга, лес и т.д.), так как общинная земля принадлежала всем соседям¹³.

На протяжении всего периода раннего и развитого Средневековья у чехов существовал институт недила (nedil) – неделимая общность имущества. В XI–XIII вв. существовали три основные формы недила: отцовская (дедовская) общность имущества, братская и стрицовская (дядьевская). В первом случае субъектом права собственности являлась большая патриархальная семья, в рамках которой вели совместное хозяйство два-три поколения близких родственников, а отец (дед) являлся абсолютным главой. Второй вид неделимой общности имущества возникал после смерти отца. Членами ее являлись братья с семьями и незамужние сестры. Третий вид неделимой общности имущества предполагал совместное распоряжение собственностью братом и потомками умершего брата или нескольких братьев. В любом из этих трех случаев выделение из общности означало возникновение имущественных отношений по поводу определения доли собственности, на которую претендовал выделявшийся. Принадлежность к недилу подтверждалась свидетельскими показаниями, грамотами и фиксировалась в земских

¹¹ См.: Из сочинения магистра Яна Гуса о выморочном наследстве (в форме письма к другу – земану) // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. С. 882.

¹² См.: Там же. С. 880.

¹³ См.: Рожмберская книга. С. 842.

досках. Начиная с XIV в., закон запрещает тайное выделение из неделимой общности, т.е. без соответствующего формального заявления¹⁴.

Помимо этого, существовали шляхетские искусственные договорные имущественные общности, которые образовывались как родственниками, выделившимися из естественного недила, так и чужими друг другу людьми посредством заключения союзов – сполков (spolek). Эти союзы преследовали цель сохранения собственности от одумрти (odumrti) – королевского наследования выморочного имущества. В этом случае чешское право располагало нормами, регламентировавшими процедуру «родового выкупа» или ретракт, согласно которым члены общности могли заявить иск в течение «одного года и одного дня с момента перехода родовой собственности в руки человека, не принадлежавшего к имущественной общности»¹⁵.

«Недил» как институт чешского средневекового права собственности начал исчезать в конце XVI–XVII вв. Для шляхетского землевладения неделимая собственность превращалась в этот период в препятствие коммерциализации сельскохозяйственного и пищевого производства.

Древнее обязательственное право чехов и моравян практически неизвестно современному исследователю. На основе реконструкции и сравнения с развитием обязательств у других западных славян можно заключить, что уже в период раннего Средневековья на территории Чехии действовала довольно развитая правовая регламентация сделок купли-продажи. Передача земли осуществлялась с привлечением целого комплекса формальных процедур, среди которых, например, присутствовали торжественный объезд границ, установление пограничных вех. В то же время письменного свидетельства на переход земельной собственности не требовалось. Купля-продажа, начиная с XIII в., приобретает более четкую правовую регламентацию в землях Чешской короны. Земское право регулировало главным образом сделки с недвижимостью. Что касается городского права, то оно регламентировало в большей степени куплю-продажу движимого имущества. Существенным элементом «заключения торгового соглашения в отношении недвижимости являлось вручение “божьей денежки” (задатка). Договор заключался в присутствии “литкупников” – участников торжественной церемонии распития пива или вина»¹⁶.

В городах договоры о купле-продаже недвижимости устно объявлялись рихтаржу и присяжным заседателям в городском суде. И если в течение года и шести недель с момента первого объявления не поступало возражения от третьих лиц, то эти соглашения признавались правомер-

¹⁴ См.: *Majestas Carolina*. С. 854.

¹⁵ Там же. С. 854.

¹⁶ *Vanecek V. Dejiny prava v Ceskoslovensku*. Praha, 1961. S. 80.

ными. Существовало «две основные формы купли-продажи шляхетских имений: письмо, которое по истечении определенного срока заносилось в земские доски, и сделка с заявлением перед чиновниками. С XIII в. договор купли-продажи недвижимости снабжался специальным соглашением, в котором продавец гарантировал покупателю невозможность истребования третьим лицом купленной собственности»¹⁷. Позднее ответственность продавца уже не требовала особого соглашения, став его неперменной обязанностью.

Институт займа у чехов и моравян развивался под давлением канонического правила, запрещающего давать деньги под процент. Только в «период позднего Средневековья чешское земское право стало допускать ростовщичество, а в 1543 г. чешский сейм принял постановление, ограничивавшее взыскивание 6 % годовых»¹⁸. В то же время своеобразной формой накопления денежного капитала стали в XIII–XVI вв. «вечные платежи». Владелец денег предоставлял собственнику недвижимости определенную сумму, как бы покупая эту собственность. Должник ежегодно выплачивал «1/20 полученной суммы, что являлось в реальности 5%-м платежом»¹⁹. «Вечный платеж» не прекращался и в случае перехода недвижимости к другому собственнику. Договор об установлении «вечного платежа» фиксировался документом, который приобретал характер векселя.

В средневековом городском праве регламентировались три основных вида договоров найма: договор услужения, договор, заключаемый с подмастерьем, и договор об ученичестве. Последние два регламентировались в XII–XIV вв. в соответствии с цеховыми нормами. В отношении первого в XVI в. появились уставы о челяди, которые принимались на сеймах.

Среди правил и обычаев, связанных с обеспечением обязательств, прежде всего выделяются ручательство личной свободой и честью, имущественное обеспечение долга, а также личное поручительство. Вплоть до начала Нового времени в Чехии сохранилось ручательство личной свободой в виде так называемого лежания (*lezení*), которое заключалось в том, что неоплатный должник должен был явиться в определенное место (обычно – трактир) и оставаться там, живя за свой счет до тех пор, пока обязательство не будет исполнено. До XVI в. было распространено ручательство честью, в результате которого, например, кредитор мог безнаказанно преследовать должника письменными и устными оскорблениями. Средствами имущественного обеспечения обязательств слу-

¹⁷ Иванов Ю. А. История государства и права зарубежных стран: средневековые государства и право южных и западных славян. Воронеж, 2020. С. 83.

¹⁸ Там же. С. 83.

¹⁹ Vanecek V. Op. cit. S. 81.

жили залог определенной части недвижимости и поручительство всем имуществом без оговорок. И в том, и в другом случае лицо, не исполнившее своих обязательств, лишалось имущества в пользу другого лица – субъекта договорных обязательств. В XIV–XVI вв. в чешском государстве был довольно распространен институт поручительства, согласно которому ответственность в случае неисполнения обязательств могла перейти на третье лицо, ручавшееся за их добросовестное выполнение одним из участников договора. В «*Majestas Carolina*» устанавливалось, что в случае принуждения к «обещанию» обязательство не имеет силы и не должно исполняться. А если выплаты по обязательствам произведены, то «это должно поступить в королевскую казну»²⁰.

С разложением родового строя, принятием христианства и отмиранием язычества у чехов и моравян происходит становление и укрепление моногамной семьи. «Брачно-семейные отношения получают в качестве механизма регулирования римско-католическое каноническое право. Действительным стал только тот брак, который получал благословение церкви. Одним из первых светских актов, в котором нашли свое отражение нормы канонического права, стал Декрет Бржетислава, изданный в 1039 году»²¹. Тем не менее фактическое многоженство, «ропуст» у чехов и моравян продолжали существовать вплоть до второй половины XIII в.

Необходимым условием для заключения брака являлось согласие родителей. Если оно нарушалось, то следовало суровое наказание: «Супруги должны быть привязаны к столбу и понести наивысшее наказание, а имущество их перейдет в королевскую казну»²².

Имущественные отношения при заключении брака оформлялись посредством договора. Жена обладала ограниченной правоспособностью, хотя и могла располагать собственным имуществом, а также самостоятельно быть субъектом правоотношений. Реально муж являлся главой семьи, а семейные отношения выглядели, по словам В. Ванечека, так, будто они были «аналогией... отношений между узником и тем, в чьей власти этот пленный находился»²³.

Невеста приносила в семью приданое – «выбаву» (*vybava*), которое могло быть как в виде предметов личного потребления, так и в денежной форме. Постепенно в шляхетском праве появилось право невесты на свою долю неделимого имущества в качестве выбавы. Приданое становилось собственностью мужа, однако в брачном договоре имелись

²⁰ *Majestas Carolina*. С. 851.

²¹ Иванов Ю. А. Гражданское право и процесс средневековой Чехии // Юридические записки. Вып. 11, Гражданское право и гражданский процесс: от истории к современности. Воронеж, 2000. С. 190.

²² *Majestas Carolina*. С. 857.

²³ *Vanecek V.* Op. cit. S. 123.

гарантии для жены на определенную часть имущества (как правило, в деньгах) на случай смерти мужа – так называемое «вдовье приданое». Обычно сумма вдовьего приданого определялась в соответствии с размером выбавы. Однако если вдова отделится от своих сирот или выйдет замуж и «приданое свое никому не запишет, то это приданое, будь оно в дединах или в наличных деньгах, справедливо должно перейти к королю»²⁴.

В наследственном праве долгое время существовал принцип законного наследования, который прямо согласовывался с принципом неделимости имущества и был выгоден королевской власти, использовавшей при появлении выморочного шляхетского имущества право одумрти (передача недвижимости в королевское хозяйство). Однако уже с XI в. церковь начала прилагать усилия к тому, чтобы официальный статус приобрели завещания «на помин души». Признание завещания было связано с получением согласия всех наследников и государя. Королевское согласие с шляхетскими распоряжениями на случай смерти получило название «моцны лист» (*mocny list*). В случае смерти владельца дедины, не оставившего детей и никому не передавшего ее, дедина должна перейти к королю, а движимое имущество ближайшему родственнику²⁵. Начиная со второй половины XV в. в Чехии постепенно распространяется обычай, в соответствии с которым шляхта распоряжалась своим движимым имуществом без королевского разрешения. Наконец, в 1497 г. король Владислав отменил королевские претензии на все виды чешского шляхетского наследственного имущества, в Моравии это произошло только в 1587 г. В городах завещательная свобода развилась ранее и более, чем у шляхты.

Чешское земельное право к середине XIV в. имело уже сложившуюся собственную систему, в том числе и определенный порядок в земском суде, и правила судебного процесса. В средневековой Чехии не существовало деления судебного процесса на гражданский и уголовный. Наиболее характерным в Чехии являлся судебный процесс по делам о нанесении ущерба имуществу и личности. Процесс в основном велся устно и отличался многостадийностью и формализмом, что приводило к затягиванию судебных споров. Сложные процессуальные порядки привели к появлению профессиональных знатоков процессуального права, так называемых «ораторов» – адвокатов²⁶. Судебное следствие было довольно дорогим, так как процессуальное действие было связано с оплатой. Поэтому стороны часто стремились решить спор частным образом, по-

²⁴ *Majestas Carolina*. С. 864.

²⁵ См.: Там же. С. 854.

²⁶ См.: «Изложение Чешского земского права» пана Андрея из Дубы. С. 875.

средством договора о мирном решении спора или с помощью арбитра (ubrmane).

Процесс в земских судах условно можно разделить на три части: а) предварительные действия; б) судебное следствие; в) исполнение судебного решения.

Предварительные действия начинались с того, что потерпевший должен был оповестить соседей о нанесенном ущербе или дать знать как-либо об этом в кратчайший срок. Запись земской книги 1350 г. говорит о том, что «поправцы» (местные паны) и жители обязаны были оказать помощь пострадавшему при крике. А если кто «не окажет помощи, платил штраф 5 марок»²⁷. Сообщать о случившемся можно было поправцам или судебным чиновникам. Чешские источники позднего периода Средневековья говорят об оповещении как необходимом предварительном действии, называемом «пугон» (puhon), или вызов в земский суд. Жалобы записывались в земские книги или доски. Вызов в суд был делом суда. Для большинства жалоб вызовы совершались несколько раз. Наиболее характерным был «тройной вызов в суд»²⁸. «Между вызовом в суд и сроком явки устанавливался срок от двух до шести недель. Вызов сопровождался множеством формальностей, несоблюдение которых влекло за собой аннулирование вызова»²⁹.

Судебное разбирательство начиналось после проверки правильности вызова в суд. Последствием вызова было то, что на имущество ответчика накладывались обязательства и ответственность в случае проигрыша им дела, что являлось «характерной чертой земского суда в Чехии»³⁰.

После объявления существа спора устанавливалось присутствие истца и ответчика. Если стороны присутствовали, начиналось устное следствие. В случае если одна из сторон отсутствовала, то, как правило, проигрывала дело. В то же время было принято, что сторона, которая не имела возможности присутствовать на суде, могла просить о перенесении суда на более позднее время.

В судебном заседании стороны излагали свои жалобы, прибегая к различным доказательствам. Самыми важными доказательствами были записи в земских досках, и оспаривание их было невозможно. Большую роль играли также присяги, вещественные доказательства и свидетельские показания. Если в раннем Средневековье в качестве доказательств широко использовались ордалии – раскаленным железом и водой³¹, то

²⁷ См.: Санчук Г. Э. Судебный процесс по источникам Чешского земского права // Славянская историография и археология. М., 1969. С. 185.

²⁸ См.: «Изложение Чешского земского права» пана Андрея из Дубы. С. 875.

²⁹ Иванов Ю. А. Суд и судопроизводство западных славян в средние века // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 275.

³⁰ Санчук Г. Э. Указ. соч. С. 190.

³¹ См.: Статуты Конрада Оттона. С. 834.

уже кодекс «*Majestas Carolina*» (ст. 39) строго запретил использование обычая присяги посредством «раскаленного железа и опущения в воду под страхом лишения имущества и смертной казни»³². После рассмотрения всех показаний и доказательств суд выносил приговор. Вехами для этого правотворческого процесса служили законы, обычаи и юридическая практика. «*Majestas Carolina*» при вынесении приговора вводила новый принцип: решение земского суда должно быть принято только в строгом соответствии с текстом Законника. Решение земского суда было окончательным и не подлежало апелляции³³.

После вынесения приговора наступает третья стадия процесса – исполнение решения. В Чехии исполнение решения земского суда было связано с имуществом ответчика и носило особые черты. Устанавливался двухнедельный срок для возможного добровольного исполнения проигравшей стороной судебного решения – так называемый «уговор» (*umluva*)³⁴. Истец должен был послать к проигравшей стороне особого служащего суда – пугончего для того, чтобы через него договориться с ответчиком о выполнении приговора. Если ответчик отказался от уговора с истцом, то специальный служащий суда должен был официально призвать исполнить решение суда или ввести истца в имущество ответчика. Введение в имущество заключалось в официальной подготовке недвижимого имущества осужденного к соответствующим правовым операциям с ним, в том числе и его реализации. Оно было временным и длилось до полного удовлетворения истца за счет имущества проигравшего. Если же исполнялось решение, по которому присуждалась недвижимость, истец становился держателем нового имущества и ему выдавалось так называемое «охранное свидетельство»³⁵.

Правовые источники средневековой Чехии дают представление о гражданском праве и процессе, его особенностях, а также о высоком уровне чешской юриспруденции.

Библиографический список

Ванечек В. История государства и права Чехословакии / В. Ванечек. – М. : Юридическая литература, 1981. – 587 с.

Иванов Ю. А. Гражданское право и процесс средневековой Чехии / Ю. А. Иванов // Юридические записки. Вып. 11, Гражданское право и гражданский процесс:

³² См.: *Majestas Carolina*. С. 852.

³³ См.: «Изложение Чешского земского права» пана Андрея из Дубы. С. 878.

³⁴ См.: Там же. С. 876.

³⁵ См.: «Изложение Чешского земского права» пана Андрея из Дубы. С. 876–877.

от истории к современности. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2000. – С. 185–196.

Иванов Ю. А. История государства и права зарубежных стран: средневековые государства и право южных и западных славян / Ю. А. Иванов. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. – 204 с.

Иванов Ю. А. Суд и судопроизводство западных славян в средние века / Ю. А. Иванов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 2. – С. 271–277.

Санчук Г. Э. Судебный процесс по источникам чешского земского права (к вопросу о централизации чешского феодального государства в XIV в.) / Г. Э. Санчук // Славянская историография и археология : сборник статей и материалов / [редкол. : С. А. Никитин (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1969. – С. 179–217.

Серегин А. В. Источники и формы древнеславянского права / А. В. Серегин // Наука. Общество. Государство. – 2024. – Т. 12. – № 2(46). – С. 24–35.

Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. акад. В. М. Корецкого. – М. : Госюриздат, 1961. – 965 с.

Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В. Н. Садилов ; под ред. З. М. Черниловского. – М. : Гардарики, 1998. – 412 с.

Хрестоматия по истории государства и права: история государства и права зарубежных стран / сост. Ю. А. Иванов, А. В. Киринос, В. А. Колесников, В. Н. Чернышев. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1999. – Т. 1, Древний Восток. Античный мир. Средние века. – 560 с.

Vanecek V. Dejiny prava v Ceskoslovensku / V. Vanecek. – Praha : Ashes, 1961. – 384 s.

References

Ivanov Yu. A. Civil law and process of the medieval Czech Republic / Yu. A. Ivanov // Legal notes. Vol. 11, Civil law and civil procedure: from history to modern times. – Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 2000. – Pp. 185–196.

Ivanov Yu. A. Court and legal proceedings of the Western Slavs in the Middle Ages / Yu. A. Ivanov // Judicial power and criminal process. – 2016. – No. 2. – Pp. 271–277.

Ivanov Yu. A. History of the state and the law of foreign countries: medieval states and the law of the southern and western Slavs / Yu. A. Ivanov. – Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 2020. – 204 p.

Reader on monuments of the feudal state and law of European countries / ed. acad. V. M. Koretsky. – Moscow : Gosyurizdat, 1961. – 965 p.

Reader on the general history of state and law / comp. V. N. Sadikov ; edited by Z. M. Chernilovsky. – Moscow : Gardarika, 1998. – 412 p.

Reader on the history of state and law : history of state and law of foreign countries. T. 1, Ancient East. Ancient world. Middle Ages // comp. Yu. A. Ivanov, A. V. Kirnos, V. A. Kolesnikov, V. N. Chernyshev. – Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 1999. – 560 p.

Sanchuk G. E. Trial based on the sources of Czech zemstvo law (on the issue of centralization of the Czech feudal state in the 14th century) / G. E. Sanchuk // Slavic historiography and archeology : collection of articles and materials / [editor: S. A. Nikitin (chief editor), etc.]. – Moscow : Science, 1969. – P. 179–217.

Seregin A. V. Sources and forms of ancient Slavic law / A. V. Seregin // Science. Society. State. – 2024. – Т. 12, No. 2(46). – Pp. 24–35.

Vanecek V. History of state and law of Czechoslovakia / V. Vanecek. – Moscow : Legal literature, 1981. – 587 p.

Vanecek V. History of law in Czechoslovakia / V. Vanecek. – Prague : Ashes, 1961. – 384 p. [In Czech]

Для цитирования:

Иванов Ю. А. Особенности источников права средневековой Чехии и формирование гражданского права и процесса // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1(10). С. 64–76.

Recommended citation:

Ivanov Yu. A. Features of the sources of law of the medieval Czechia and the formation of civil law and procedure // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 1(10). Pp. 64–76.

Сведения об авторе

Иванов Юрий Александрович – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

E- mail: ivanov@law.vsu.ru

Information about author

Ivanov Yuri Aleksandrovich – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

E-mail: ivanov@law.vsu.ru

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДЕКЛАРАЦИИ ВЕЛИКОГО КИРА

Х. Н. Аламов

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Поступила в редакцию 9 декабря 2024 г.

Аннотация: одним из важнейших достижений Великого Кира является создание и принятие первой Декларации прав человека, которая считается историческим источником современных актов по правам человека. Декларация представляет собой совершенно новое политическое, культурное и гуманитарное явление, и ее можно считать первым документом, гарантирующим свободу религиозных убеждений, а также прав и свобод граждан арийской цивилизации. Ценность Декларации Великого Кира состоит из трех демократических основ: свобода религии и убеждений, свобода выбора места жительства и ненарушение прав других. Основой Всеобщей декларации прав человека, которая была принята 10 декабря 1948 г., считается Декларация Великого Кира.

Ключевые слова: Великий Кир, Ахемениды, империя, государство, декларация, закон, свобода, совесть, человек, гражданин, человечество.

REFLECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE DECLARATION OF CYRUS THE GREAT

Kh. N. Alamov

Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Aini

Abstract: the reflection of human rights in the Declaration of Cyrus the Great is considered. According to the author, one of the most important achievements of Cyrus the Great is the creation and adoption of the first Declaration of Human Rights, which is considered a historical source of modern acts on human rights. This declaration represents a completely new political, cultural and humanitarian phenomenon and can be considered the first document guaranteeing freedom of religious beliefs, as well as the rights and freedoms of citizens of the Aryan civilization. The value of the Declaration of Cyrus the Great consists of three democratic foundations: freedom of religion and belief, freedom to choose one's place of residence, and non-infringement of the rights of others. The basis of the Universal Declaration of Human Rights, which was adopted on December 10, 1948, is considered to be the Declaration of Cyrus the Great.

Key words: Cyrus the Great, Achaemenids, empire, state, declaration, law, freedom, conscience, man, citizen, humanity.

Согласно историческим данным империя Ахеменидов (559–331 гг. до н.э.) была основана на принципах социальной справедливости, и ее основателем считается Кир II Великий, который был признан первым справедливым, терпимым, гуманным, честным и мудрым правителем своего времени.

Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон отмечает, что, согласно данным надписей Великого Дария и древних историков, империя Кира распространялась по трем мировым континентам – Азии, Европе и Африке. Именно Киром была создана мощная и централизованная Арийская империя с новыми способами управления и единой формой правления. Также были проведены кардинальные реформы в военной системе, градостроительстве, осуществлены расширение торгового оборота и строительство новых дорог. Принятая Великим Киром Декларация была признана учеными и историками одним из первых документов, закреплявшим права человека и утверждавшим справедливую, гуманную и светскую систему правления¹.

Кир, безусловно, был харизматичным политическим лидером, гениальным государственным строителем и полководцем, бесстрашным и безгранично честолюбивым. Он славился такими положительными качествами, как великодушие, щедрость, простота в общении с подданными, охотно миловал побежденных врагов².

Известный таджикский ученый Б. Гафуров, изучая проблему гуманности управления Ахеменидов, отмечает, что «в отличие от предыдущих царей Древнего Востока, Ахемениды уважали обычаи и традиции других народов, даже восстановили храмы разных религий»³.

Как доказывает история, именно на основе Декларации Великого Кира обрели свободу целые народы и национальности. Так, в 357 г. до н.э. израильтяне были освобождены от плена вавилонцев и возвращены в свою страну Палестину⁴. Эти великие реформы произошли в то время, когда рабовладельчество было на пике развития. Ярким примером могут служить труды Аристотеля, в которых достоверно доказывается использование рабской системы на западе⁵.

¹ См.: *Рахмон Эмомали*. Выдающиеся личности. Душанбе, 2016. С. 6.

² См.: *Бухарин М. Д., Ладынин И. А., Ляпустин Б. С., Немировский А. А.* История Древнего Востока : учебное пособие. М., 2009. С. 255.

³ См.: *Гафуров Б.* Таджики. Древнейшая, древняя, средневековая и новая история. Душанбе, 2008. С. 88.

⁴ См.: *Сайнаков С. П., Комилбеков А. Ё., Вохидов Н. Х.* История международных отношений : учебник. Душанбе, 2020. Ч. 1, От древнейших времен до формирования Версальско-Вашингтонской системы. С. 38.

⁵ См.: *Шарипов Н. А.* Декларация Великого Кира как исторический источник прав человека // Вестник педагогического университета. Серия гуманитарных и общественных наук. 2019. № 5(82). С. 220.

Стоит отметить, что известные ученые, изучающие период империи Великого Кира, уделяли особое внимание исследованию его личности. Именно на основе этих сведений можно получить достоверную информацию о личности Кира.

Например, отец истории Геродот в труде «История» указывал: «Кир был скромным царем, мужественным и отважным вождем. Он освободил персов от уплаты дани и сделался владельцем мировой империи и самой могущественной нации». Развитые и расширенные различные ветви государства Ахеменидов в период правления Кира считаются одной из ключевых проблем изучения древнего мыслителя, который отмечал: «Когда при Кире строили дороги, то наносили дорожную разметку через определенные промежутки линии дорог, через каждые пять фарсахов (мера длины, близкая к 6 км) строили склады, через каждые двадцать фарсахов строили на перекрестках караван-сарай (гостиницы) и торговые поселения (центры торговли)»⁶.

Во время правления Великого Кира поддерживать права и свободы человека было непростой задачей, так как жители страны не имели представления о данной проблеме: «До того дня, пока я буду жив, я не позволю продавать мужчин и женщин под именем раба и служанки или под другими именами, и этот образ жизни должен быть искоренен. Я хочу, чтобы Мазда помогла мне в выполнении обязательств, которые я взял на себя перед народами Ирана и четырех стран»⁷.

Глиняный цилиндр, на котором Великий Кир повелел выбить клинописью список своих побед и милостивых поступков, а также перечислить имена предков, был обнаружен при раскопках Вавилона в 1879 г. и передан в Британский музей. Надпись данного цилиндра была переведена великим историком, изучающим цивилизацию Ашшура, Г. К. Ревлинсоном; надпись на персидско-таджикский язык была переведена таджикским ученым П. Джамшедом⁸.

Кроме прочего, на цилиндре написано, что в довольно просторном предисловии манифеста живописуются «безобразия» вавилонского царя Набонида и обиды, которые он причинил богу Мардуку, храму Эсагиле и Вавилону. Когда терпение бога Мардука иссякло, он отыскал Кира, царя Аншана, вручил ему власть над народами и, наконец, верил его заботам Вавилон, народ которого встречал его с великой радостью как избавителя от нечестивого царя Набонида. В конце манифеста помещена молитва к вавилонским богам о ниспослании благополучия

⁶ Гаффори Н. У. Отражение позиции Великого Кира в исторических источниках и научной литературе // Вестник Педагогического университета. Серия гуманитарных и общественных наук. 2019. № 4(81). С. 212.

⁷ Рахмон Эмомали. Указ. соч. С. 77.

⁸ См.: Там же. С. 21

Киру и его сыну и наследнику Камбису. В этом обращении содержится собственно текст манифеста, написанный Киrom.

Надпись открывается полной титулатурой Кира, составленной на вавилонский лад: «Я – Кир, царь множеств, царь великий, царь могучий, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света, сын Камбиса, царя великого, царя Аншана, потомок Теиспа, царя великого, царя Аншана, вечное царственное семя, правление которого любят боги Бел и Набу, владычество которого приятно для их сердечной радости». Затем в манифесте от лица Кира говорится, как его многочисленная армия мирно вступила в Вавилон. После этого следует перечисление мероприятий, осуществленных Киrom, которые полностью подтверждаются другими источниками: «В Ашшур и Сузы, Агаде, Эшнунну, Замбан, Ме-Турну, Дер, вплоть до страны гутиев, я вернул на свои места в эти священные города на той стороне Тигра, в святилища, которые в течение долгого времени были в руинах, богов, которые прежде жили там. Я собрал их прежних жителей и вернул в их жилища. По повелению Мардука, великого владыки, всех богов Шумера и Аккада, которых Набонид к гневу владыки богов привез в Вавилон, я вернул целыми в их прежние святилища, в их жилища, которыми они довольны. Пусть все боги, которых я вернул в их священные города, молятся Белу и Набу о долгой жизни для меня...»⁹

После принятия Декларации Великий Кир приобрел высокую репутацию не только среди своего народа, но и среди народов других стран и считался одним из гуманных правителей мира.

Основные принципы Декларации Кира заключаются в том, что «все граждане государства должны быть свободны в вопросах религиозных убеждений, нерелигиозные люди не должны подвергаться давлению»; «никто не имеет права нанимать других без права оплаты»; «все люди рождаются свободными и могут выбирать любую религию, которую хотят, селиться в любом месте, которое считают нужным, и поклоняться любой религии и секте, которые им нравятся, только при условии, что они не нарушают права других и не причиняют вреда правам других»; «каждый несет ответственность за свои действия»; «все люди должны иметь право поклоняться своему Богу, а неверующие не должны подвергаться притеснениям»; «совесть нынешнего человека не может смириться с тем, что на глазах у всех люди умирают от голода или кончают жизнь самоубийством из-за недостатка еды»; «каждый волен... исповедовать свои убеждения и выбирать любую профессию, которую он хочет, только при условии, что он не нарушает ничьих прав» (с этой точки

⁹ Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 42.

зрения считается, что принудительный труд запрещен для всех поколений человечества)¹⁰.

Источником содержания текста Декларации Великого Кира считаются опыт правления государством и представления о справедливости древних ариев.

Свобода совести – одно из личных прав и качеств человека – обсуждается во второй части Декларации: «До того дня, когда я буду жив и Мазда дарует мне императорскую власть, я буду уважать обычаи и верования людей... я уважаю и не позволяю своим командирам и подчиненным изменять обычаи, ритуалы, религию других народов»¹¹.

Считается, что Великий Кир сохранил свои национальные интересы в политике управления государством и был примером для соседних стран.

Декларация является основой для принятия других исторических документов, таких как Великая хартия вольностей (1215), Билль о правах (Англия, 1689), Декларация независимости США (1776) и Конституция США (1787), Декларация прав человека и гражданина (Франция, 1789), Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 г.).

В современном мире опыт управления государством Кира II Великого поучителен, его следует тщательно проанализировать, поскольку структура управления государством Ахеменидов считается одним из лучших типов имперского государства древней эпохи¹².

До сих пор неоспорима ценность Декларации Великого Кира. Ее критерии используются в качестве источника, так как она установила, что основой прав и свобод человека является признание ценности личности, а равные права и неприкосновенность, провозглашенные в ней, – фундамент мира, свободы и справедливости.

Аналогичным образом во Всеобщей декларации прав человека было указано, что признание, уважение и достоинство свойственны всем гражданам, а пренебрежение правами народов привело к осуществлению варварских действий, которые наносят человечеству непоправимый урон. Высочайшей мечтой народа объявлено создание такого мира, где люди будут свободно говорить и думать, будут свободны от опасностей и нужд. В этом контексте страны мира обязуются сотрудничать с ООН в целях уважения и соблюдения основных прав и свобод человека.

¹⁰ См.: Мусоев А. Акт, основанный на заявлении Великого Кира // Голос народа. 2013. 10 дек. № 155(3140). С. 3.

¹¹ Диноршоев А. М. Права человека в истории общественной мысли : монография. Душанбе, 2013. С. 122.

¹² См.: Рахмон Эмомали. Указ. соч. С. 21.

Сегодня копия Декларации Великого Кира (Цилиндр Кира) хранится в штаб-квартире ООН как символ ценности прав человека¹³. Критерии Декларации используются в качестве основы содержания Всеобщей декларации прав человека, считаются источником общечеловеческих ценностей и правовым руководством для всех стран – членов Организации Объединенных Наций.

Библиографический список

- Бухарин М. Д. История Древнего Востока : учебное пособие / М. Д. Бухарин, И. А. Ладынин, Б. С. Ляпустин, А. А. Немировский. – М. : Дрофа, 2009. – 640 с.
- Гафуров Б. Таджики. Древнейшая, древняя, средневековая и новая история / Б. Гафуров. – Душанбе : Дониш, 2008. – 870 с.
- Гаффори Н. У. Отражение позиции Великого Кира в исторических источниках и научной литературе / Н. У. Гаффори // Вестник Педагогического университета. Серия гуманитарных и общественных наук. – 2019. – № 4(81).
- Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы / М. А. Дандамаев. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 319 с.
- Диноршоев А. М. Права человека в истории общественной мысли : монография / А. М. Диноршоев. – Душанбе : (б. и.), 2013. – 190 с.
- Мусоев А. Акт, основанный на заявлении Великого Кира / А. Мусоев // Голос народа. – 2013. – 10 дек. – № 155 (3140).
- Рахмон Эмомали. Выдающиеся личности / Эмомали Рахмон. – Душанбе : Эр-Граф, 2016. – 364 с.
- Сайнаков С. П. История международных отношений : учебник / С. П. Сайнаков, А. Ё. Комилбеков, Н. Х. Вохидов. – Душанбе, 2020. – Ч. 1, От древнейших времен до формирования Версальско-Вашингтонской системы. – 560 с.
- Холиков А. Г. Краткая история прав человека / А. Г. Холиков. – Душанбе : Образование и культура, 2007. – 90 с.
- Шарипов Н. А. Декларация Великого Кира как исторический источник прав человека / Н. А. Шарипов // Вестник Педагогического университета. Серия гуманитарных и общественных наук. – 2019. – № 5(82). – С. 219–222.

References

- Bukharin M. D. History of the Ancient East : a textbook / M. D. Bukharin, I. A. Ladynin, B. S. Lyapustin, A. A. Nemirovsky. – M. : Drofa, 2009. – 640 p.
- Dandamaev M. A. The political history of the Achaemenid empire / M. A. Dandamaev. – Moscow : Main Editorial Office of Oriental Literature, Nauka Publishing House, 1985. – 319 p.
- Dinorshoev A. M. Human rights in the history of social thought : monograph / A. M. Dinorshoev. – Dushanbe : (without a publisher), 2013. – 190 p.

¹³ См.: Гаффори Н. У. Указ. соч. С. 212.

Gaffori N. U. Reflection of the position of Cyrus the Great in historical sources and scientific literature / N. U. Gaffori // Herald of the Pedagogical University. Humanities and Social Sciences Series. – 2019. – No. 4(81).

Gafurov B. Tajiks. Ancient, ancient, medieval and modern history / B. Gafurov. – Dushanbe : Donish, 2008. – 870 p.

Kholikov A. I. A Brief History of Human Rights / A. I. Kholikov. – Dushanbe : Obrazovait y Kultura, 2007. – 90 p.

Musoev A. Documents based on the statement of Cyrus the Great / A. Musoev // Voice of the People. – 2013. – December, 10. – No. 155(3140).

Rahmon Emomali. Great personalities / Emomali Rahmon. – Dushanbe : Er-Graf, 2016. – 364 p.

Saynakov S. P. History of international relations : textbook / S. P. Saynakov, A. Yo. Komilbekov, N. J. Vokhidov. – Dushanbe, 2020. – Part 1, From ancient times to the formation of the Versailles-Washington system. – 560 p.

Sharipov N. A. Declaration of Cyrus the Great as a historical source of human rights / N. A. Sharipov // Herald of the Pedagogical University. Humanities and Social Sciences Series. – 2019. – No. 5(82). – Pp. 219–222.

Для цитирования:

Аламов Х. Н. Отражение прав человека в Декларации Великого Кира // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1(10). С. 77–83.

Recommended citation:

Alamov Kh. N. Reflection of human rights in the Declaration of Cyrus the Great // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 1(10). Pp. 77–83.

Сведения об авторе

Аламов Халимджон Неъматович – доцент кафедры права Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни, кандидат исторических наук

E-mail: alamov_141618@mail.ru

Information about author

Alamov Halimjon Nematovich – Associate Professor of the Department of the Law, Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Aini, Candidate of Historical Sciences

E-mail: alamov_141618@mail.ru

ЦЕННОСТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

А. М. Борисов

Курское региональное отделение ООО «Ассоциация историков права»

Поступила в редакцию 5 декабря 2024 г.

Аннотация: понятие «историческая память» активно внедряется в сознание российского общества с начала 2000-х гг. Данная категория отражена во внутренней государственной, в том числе молодежной, политике. Такой подход отвечает интересам развития общества и государства, формированию убежденности молодежи в героическом трудовом и военном прошлом народов Отечества, а также в прогрессивных достижениях советского периода, что способствует выработке личных стандартов социально-полезной жизни. Анализируя фактологический материал и ряд правовых актов, автор приходит к выводу о том, что исторически объективный подход к оценке и восприятию отечественного прошлого недостаточно гарантирован в законах Российской Федерации и нивелируется в некоторых актах публичного характера. В статье подчеркивается, что эффективность политики исторической памяти обусловлена ее неразрывной связью с исторической правдой.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, гражданская активность, историческая память, историческая правда, молодежь, общество.

THE VALUE SIGNIFICANCE OF HISTORICAL MEMORY AND HISTORICAL TRUTH IN THE CONTEXT OF STATE YOUTH POLICY

A. M. Borisov

Kursk regional branch of the Association of Legal Historians

Abstract: the concept of “historical memory” has been actively introduced into the consciousness of Russian society since the early 2000s. This category is reflected in domestic state policy, including youth policy. This approach meets the interests of the development of society and the state, the formation of confidence in the youth in the heroic labor and military past of the peoples of the Fatherland, as well as in the progressive achievements of the Soviet

period, which contributes to the development of personal standards of socially useful life. Analyzing the factual material and a number of legal acts, the author comes to the conclusion that a historically objective approach to the assessment and perception of the national past is not sufficiently provided for in the laws of the Russian Federation and is leveled in some public acts. The article emphasizes that the effectiveness of the policy of historical memory is ensured by its inextricable connection with historical truth.

Key words: state youth policy, civic activity, historical memory, historical truth, youth, society.

Федеральный закон «О молодежной политике Российской Федерации»¹ среди целей молодежной политики определил целью «формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям» (п. 5 ст. 4). Среди основных направлений работы названы «воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации» (п. 1 ч. 1 ст. 6).

Подчеркнем известное: национализм, каким бы с этнической точки зрения он ни был, в истории многих стран приобретал крайне реакционные для общества черты. Одна из его форм – фашизм, опирающийся на нацистскую идеологию. Главный урок Нюрнбергского процесса бывший помощник Главного обвинителя от СССР М. Ю. Рагинский определил так: «Непреходящее значение Нюрнбергского процесса состоит в том, что он превратился в суд над фашизмом»². Как известно, приговор Международного военного трибунала от 1 октября 1946 г. подписан представителями Великобритании, Союза ССР, США и Франции, к Соглашению между правительствами этих стран о судебном преследовании и наказании главных военных преступников от 8 августа 1945 г. присоединились еще 19 стран, и вынесенный акт этого международного органа правосудия, осудивший злодеяния уничтоженного в основном усилиями Советского Союза нацистского режима Германии, был позитивно встречен всем мировым сообществом.

¹ О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 15.04.2023).

² Рагинский М. Ю. Значение Нюрнбергского процесса. Уроки истории // Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса. М., 1985. С. 390.

Материалы процесса содержат около двухсот тысяч письменных показаний, подтверждающих факты множества преступных деяний нацистов³, поэтому слова Федерального закона о национализме следует понимать в контексте этой международной оценки нацизма.

22 июня 1941 г. и 9 мая 1945 г. – две исторические даты, обозначающие два исторических факта, между которыми не 1418, а сотни тысяч и миллионы фактов, получивших в 1946 г. беспрецедентную оценку юридического содержания. Эти факты, ставшие юридическими фактами, составили основу решения Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Автор участвовал в научно-практической конференции «Нюрнбергский процесс. Уроки истории», состоявшейся 20 октября 2010 г. в Курском государственном университете, на которой советник Генерального прокурора РФ, действительный государственный советник юстиции (бывший Министр юстиции РСФСР, бывший Генеральный прокурор СССР), доктор юридических наук Александр Яковлевич Сухарев назвал Нюрнбергский процесс «апофеозом юридической победы» и «вершиной правовой цивилизации», «апофеозом юстиции».

Как должны восприниматься слова «уважение к отечественной истории»?

История полна разными событиями и деяниями, и они должны получать объективную оценку, прежде всего исходя из совокупности условий того или иного исторического периода. Несомненно, достойно уважения лишь то, что позитивно воспринимало большинство населения как достижение или победу и что однозначно служило прогрессивному развитию общества и страны. Однако известны искажающие исторические факты, комментарии и оценки.

Решение задачи укрепления традиционных российских ценностей, многие из которых характеризуются переменчивостью своего социального значения во времени, не исчерпывается направлениями, связанными с развитием духовно-нравственного и гражданско-патриотического потенциалов общества.

Действительность позволяет говорить об упрощенно-индифферентном восприятии частью молодежи духовно-нравственного контента, что, в свою очередь, определяет, в частности, отношение к гражданству и патриотизму. Поэтому приобрела актуальность разноректорная по своему содержанию проблема формирования мировоззрения юных поколений с точки зрения его наполненности научными знаниями, его созидательной ориентации, отрицающей потребительское отношение к жизни и дающей образ будущего страны, мотивирующий молодежь к тому, чтобы созидать себя, созидать чистые от негативных социальных

³ Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса. С. 380.

проявлений общественные отношения, созидать Родину, активно участвуя в социально-экономической жизни страны. Ее решение определяется содержанием государственной политики, в том числе политики регионального уровня, но вышеприведенные и иные нормы не дают целевых установок на формирование научного мировоззрения гражданина Российской Федерации и нравственной составляющей его сознания.

Приведенные нормативные установки не конкретизируют систему собственно нравственных ценностей, начиная с совести, чести, личного достоинства и порядочности и заканчивая чувством долга и личной ответственности перед памятью героических старших поколений нашей страны (уважение к отечественной истории – слишком нейтральное понятие), а также перед окружающими людьми. Другая формулировка могла бы напоминать о качествах негативного социально-публичного значения – нравственные ценности, отрицающие обман, цинизм, ложь, равнодушие, предательство и др., которые ослабляют общественный потенциал развития, ведут к нарушениям правопорядка и, в конечном счете, к разрушению морально-правовых основ государственности. Очевидно, что в словах «другим негативным социальным явлениям» заключается неопределенность модели социального поведения. Да и мониторинг реализации молодежной политики (ст. 12) предметно не охватывает большую часть поведенческих проявлений морального сознания юной личности настолько, насколько это обеспечивалось процедурами торжественных обещаний октябрят, клятвы пионеров (торжественное обещание пионера СССР), торжественной клятвы комсомольцев.

Проблематика исторической памяти и исторической правды напрямую касается способов формирования гражданской активности молодежи, и, вскрывая взаимосвязь двух вышеобозначенных понятий, подчеркнем, что именно активная жизненная позиция молодого человека способствует его социальному и гражданскому взрослению, позволяет ему обрести знания, умения и первичные навыки профессиональной работы в процессе обучения, проявить себя в жизни порядочным человеком, а в выбранной профессии – знающим, инициативным и умелым специалистом, вносящим свой позитивный вклад в развитие Родины.

Гражданская активность есть проявление гражданского правосознания, в основе которого лежат прогрессивное мировоззрение и нравственные стандарты социально-позитивного поведения. Эти качества – результат воспитания и обучения в семье, в школе и в иных общественно-государственных институтах на протяжении всей жизни человека. Они также являются результатом самовоспитания и самообразования. Но часть юношества оставляет учебные заведения с установками деструктивного свойства и, как правило, оказывается в социальном пространстве, не ориентирующем человека на должное в общественных

отношениях и, зачастую, свободном от элементов целенаправленного, нравственно-здорового воспитательного воздействия.

Задача формирования исторической памяти личности, которая восходит от памяти о родителях и предках к памяти о малой родине, от памяти о народе страны и его свершениях к памяти о государстве, гражданином которого является представитель молодежи, решается разными способами. Историческая память гражданина России основывается на исторических знаниях, дающих примеры достойного и заслуживающего уважения поведения или социального действия, непременно формирующих гордость гражданина за свое Отечество, а также примеры обратного, социально-деструктивного свойства. Здесь важно понимать, что оценки этих фактов вне учета исторических условий жизни общества будут далеки от объективности и, возможно, от справедливости. Конкретика прошлого – это предмет внимания историков и иных специалистов, но она может приобретать политическое значение, особенно в условиях информационного противостояния государств современного мира.

Основоположником научного подхода к изучению коллективной исторической памяти является французский философ, социолог и психолог немецкого происхождения Морис Хальбвакс (Альбвакс) (1877–1945), который был сторонником идей гуманизма и социализма и который закончил свой жизненный путь в концентрационном лагере Бухенвальд⁴.

В настоящее время этой теме посвящено много публикаций, связывающих данную категорию с мемориальной (исторической) политикой государства⁵. Например, Н. И. Башмакова определяет историческую память как феномен общественного сознания и способность общественных субъектов обеспечивать трансляцию культурного наследия и его интеграцию в современные социокультурные реалии⁶.

Предложим свое, более понятное определение, в том числе расширяющее состав субъектов: *историческая память* – это интеллектуально-психическое свойство и способность определенной общности людей

⁴ См.: Большая российская энциклопедия 2004–2017. ХАЛЬБВАКС АЛЬБВАКС МОРИС. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4728600> (дата обращения: 15.04.2023).

⁵ См.: Матусевич О. А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2014. С. 116–118; *Ее же*. Конфликт интерпретаций прошлого в современном обществе // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2015. С. 131–135; Дорская А. А., Дорский А. Ю. Официальная политика памяти в современной России: юридические измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9, вып. 2. С. 124–138 (<http://doi.org/10/21638/11701/spbu14/2018/201>); *Их же*. Мемориальные законы как инструмент легитимации власти // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2020. Т. 11, вып. 1. С. 223–238; и др.

⁶ См.: Башмакова Н. И. Концептуализация понятия «историческая память» в контексте междисциплинарности // Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллективная монография / под ред. С. В. Бочкарева. СПб., 2020. С. 140.

(народа, народности) долговременно сохранять информацию о происходящих в ее прошлом событиях, определивших ее развитие и выбор социальных ценностей, о переживаниях и формах общежития предшествующих поколений, а также передавать эту информацию будущим поколениям, проявляемая также в личном отношении представителей данной общности к этим фактам и их социальном поведении.

Безусловно, анализируемую категорию можно отнести и к способностям человека (индивидуальная историческая память), являющегося носителем исторических знаний, а потому к одной из задач обучения и воспитания мы относим формирование исторической памяти у молодежи.

Кем проявит в будущем себя юноша или девушка? Космополитом, для которого не существует понятия патриотизм? Человеком, воспринимающим только деньги и ценности либеральной идеологии с ее политически зашоренным субъективизмом? Личностью, сочувствующей любителям «хруста французских булок» и полагающей, что ими «хрустел» весь русский народ и его прадедушки и прабабушки? Любителем «правды» А. И. Солженицына, осуждавшего во всем советский период жизни своего народа и Союз Советских Социалистических Республик?

Главная проблема настоящего времени для нас – утрата единства в восприятии исторического прошлого Отечества и исторических переломов.

Например, А. И. Солженицын писал о 110 млн жертв (казненных и умерщвленных иными способами) политического террора и репрессий в СССР, но учеными на основе архивных материалов, данных правоохранительных органов и собственных исследований доказана иная цифра – 2,6 млн человек за 32 года (с 1921 по 1953 г.)⁷. Однако в школах с 2004 г. тиражируются «знания» сомнительного писателя, а не достоверные данные официальных структур и исторической науки. Другой пример: в Ростовской области в 2007 г. местной администрацией была поддержана попытка установки при частном музее казачества с участием детей памятника П. Н. Краснову. Появлялись публикации, обеляющие человека, который воевал в войсках фашистской Германии, в том числе в качестве начальника Главного управления казачьих войск Имперского министерства восточных оккупированных территорий Германии, и получил звание бригаденфюрера СС (генерал-майор). Он был выдан оккупационными властями Великобритании советским властям, уличен в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также в шпионаже, а в 1947 г. приговорен к смертной казни через повешение и казнен как военный преступник и пособник германского фашизма. Заметим, что он был автором текста казачьей

⁷ См.: Земсков В. Н. О масштабах политических репрессий в СССР. URL: <https://istmat.org/node/19968> (дата обращения: 16.04.2023).

присяги, в которой были такие слова: «Обещаюсь и клянусь... в том, что буду Вождю Новой Европы и Германского Народа Адольфу Гитлеру верно служить и буду бороться с большевизмом, не щадя своей жизни до последней капли крови. Все законы и приказания, от поставленных Вождем Германского Народа Адольфа Гитлера начальников отданные, по всей силе и воле исполнять буду...»⁸.

С моральной стороны наследникам Великой Победы чествовать военного преступника и врага страны, осудившей фашизм, и правопреемницей которой является Российская Федерация, как минимум, кощунственно. С другой стороны, это действие имеет явный политический и юридический характер.

В этих случаях очевидны отвержение и переоценка истории, отрицание и подмена справедливости, умаление значения фактов и правового материала, которые подспудно заменяются политическими установками, размягчающими и дезориентирующими общество. Нет баланса в триаде «мораль – право – политика» как на международном уровне, так и в России на уровне внутригосударственного управления. Эта конструкция разбалансирована, а это явный признак нарастающего кризиса и конфликта, и примеров таких проявлений много. Политика стала доминирующим фактором просто развития, а не прогресса, поскольку не отражает целевых ожиданий большинства людей. Историю, мораль и право снова нужно защищать от политики.

Здесь возникает серьезнейшая проблема двойственного содержания: какова социальная база современного нацизма? Последующая актуализация темы ставит вопрос: какой может быть социальная база противодействия современному нацизму?

Поскольку ее решение связано с категорией «сознание» и его видами, закономерна постановка вопроса об исторической правде, ее объеме и значении в контексте государственной, в том числе молодежной политики, требующей жесткого отпора искажению фактов о Великой Отечественной войне и характере советской предвоенной политики, отпора политике возвеличивания тех, кто виновен в гибели десятков тысяч наших соотечественников. Также следует помнить, что в Великой Отечественной войне наш народ в труде и в бою защищал социалистический строй и Советскую власть, а система ценностей советского общества, этого первого в мире уникального жизнеустройства, разделялась большинством населения.

Очевидна конституционная связанность понятия «историческая правда» с событиями военного характера (ч. 3 ст. 67¹ Конституции Рос-

⁸ См.: Главный казак Гитлера. Как атаман Краснов переступил черту. URL: https://aif.ru/society/history/glavnyy_kazak_gitlera_kak_ataman_krasnov_perestupil_chertu (дата обращения: 16.04.2023).

сийской Федерации), но учитывая его использование в научных публикациях с 1980 г.⁹, его содержание может быть представлено в широком смысле. Тогда *историческая правда* – это достоверная и подтверждаемая научно-архивным инструментарием информация о совокупности исторических фактов прошлых периодов развития общества и государства, отражающих особенности социальных отношений, имеющих общественное и государственное значение.

Термин «историческая память» имеет синонимы и производные от него понятия – коллективная (групповая) память, социальная память, культурная память, официальная память и политика памяти, мемориальная политика, историческая политика, в раскрытии которых используется термин «фальсификация» применительно к реальным действиям и событиям. Эти знания стали оружием в информационной войне против нашего Отечества, продолжающейся уже более 100 лет и направленной на деформацию российского общественного сознания, хотя мифы о прошлом разрабатываются и применительно к более давним временам. Что касается исторической правды, то она должна восприниматься как единственная истина, доказывание которой – дело не только ученых, но также представителей государственных архивных структур и иных лиц, располагающих определенной информацией.

Рассматривая данную проблему, С. В. Ханин приводит мнения В. В. Вяземского о том, что фальсификация истории есть «сознательное искажение исторических событий в определенных, часто политических целях»¹⁰, Л. Г. Ивашова о том, что она стала частью геополитической войны¹¹, О. Н. Мигущенко о том, что фальсификация истории создает реальную угрозу России как преемнице СССР¹².

Несомненно, следует разъяснять значение введенной в 2020 г. ст. 67¹ Конституции РФ, устанавливающей в части первой, что «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации»¹³.

На лжи нельзя воспитывать молодое поколение, которое должно гордиться своей страной, а не стыдиться ее истории. Здесь, помимо отечест-

⁹ См.: Москалев Г. Л. Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. С. 1074.

¹⁰ См.: Ханин С. В. Фальсификация истории как инструмент подрыва национальной безопасности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 34.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Там же. С. 35.

¹³ Конституция Российской Федерации.

венной исторической военной героики, нужно выделить другой аспект, связанный с трудовыми подвигами народа и иными достижениями. Так, уже к 1939 г. целенаправленный труд советских людей вывел Советский Союз по промышленному производству на второе место в мире после США, обеспечив высокий уровень производства практически по всему спектру промышленных технологий¹⁴.

Ложь в рассматриваемом контексте социально аморальна, и мораль, как сфера осмысления человеком своей деятельности, своих мыслей и поведения, осмысления им актов поведения других людей, объемлет позитивы и негативы социальной жизни. Собрание (интеграция) жизненных ценностей, ценностных ориентиров развития человека и общества включает цели нравственно высокие и низменные, ориентиры, соответствующие цивилизационным стандартам современной мысли Человека (не смешивать с набором цивилизационных стандартов так называемого западного образца, которые проявляют лишь своекорыстную сущность человека западного мира), и прямо противоположные, отвергающие начала равенства, справедливости, доброжелательности в отношениях между людьми. Как совокупность норм общежития мораль представляет собой ясный набор правил публичного значения. Однако, если человек или социум принимают определенные правила, руководствуясь исключительно собственными интересами, то под этой совокупностью моральных норм идеального мироустройства рождается много иных «моралей», приобретающих ценностное значение узко-публичного, национального, корпоративного, и вообще, антигуманного характера. «Моралей» и идеологий, содержательно расходящихся с идеальными гуманистическими требованиями ответственного доброжития на Земле. Практическое воплощение таких идей в жизнь раскрывает история, и материалы Нюрнбергского процесса представляют срез одной из таких национальных моралей прошлого, поныне несущей злокачественные начала мироустройства, сопровождающегося чудовищными, как отмечено в документах процесса, злодеяниями, совершаемыми людьми и их сообществами.

Попытки фальсификации событий и их итогов, принижения значения исторических фактов, подмены информации о них многочисленны, и историческая память, формируемая в сознании российской молодежи органами публичного управления и общественными организациями, а также историческая правда в определенной мере защищены государственно-правовыми средствами. Юридизация соответствующих понятий, фактов и отношений осуществлена такими законодательными актами, как Закон РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отече-

¹⁴ См.: Мальцев А. А. Форсированная модернизация советской экономики: «демомодернизация» или индустриальный прорыв // Известия УрГЭУ. 2010. № 6(32). С. 94.

ства» (1993), Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (2002), Федеральный закон «О днях воинской славы (победных днях) России» (2004), а защищают историческую память и историческую правду Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (например, ст. 20.3. «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами») и Уголовный кодекс Российской Федерации (например, ст. 354.1 «Реабилитация нацизма»). Однако данный нормативно-правовой ресурс в контексте взаимосвязанности и содержательной комплексности этих двух рассмотренных категорий нуждается в развитии.

Утрата исторической памяти или исторической правды – первый шаг, за которым, еще через несколько шагов, возможна утрата государства.

Библиографический список

Башмакова Н. И. Концептуализация понятия «историческая память» в контексте междисциплинарности / Н. И. Башмакова // Юридические формы переживания истории: практики и пределы : коллективная монография / под ред. С. В. Бочкарева. – СПб. : Астерион, 2020. – С. 131–141.

Большая российская энциклопедия 2004–2017. ХАЛЬБВАКС АЛЬБВАКС МОРИС. – URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4728600> (дата обращения: 15.04.2023).

Главный казак Гитлера. Как атаман Краснов переступил черту. – URL: https://aif.ru/society/history/glavnyy_kazak_gitlera_kak_ataman_krasnov_perestupil_chertu (дата обращения: 16.04.2023).

Земсков В. Н. О масштабах политических репрессий в СССР / В. Н. Земсков. – URL: <https://istmat.org/node/19968> (дата обращения: 16.04.2023).

Дорская А. А. Мемориальные законы как инструмент легитимации власти / А. А. Дорская, А. Ю. Дорский // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2020. – Т. 11, вып. 1. – С. 223–238.

Дорская А. А. Официальная политика памяти в современной России: юридические измерения / А. А. Дорская, А. Ю. Дорский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9, вып. 2. – С. 124–138. – URL: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu14/2018/201>

Мальцев А. А. Форсированная модернизация советской экономики: «демонизация» или индустриальный прорыв / А. А. Мальцев // Известия УрГЭУ, 2010. – № 6(32). – С. 91–97.

Матусевич О. А. Конфликт интерпретаций прошлого в современном обществе / О. А. Матусевич // Труды БГТУ. Серия 6, История, философия. – 2015. – С. 131–135.

Матусевич О. А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия / О. А. Матусевич // Труды БГТУ. Серия 6, История, философия. – 2014. – С. 116–118.

Москалев Г. Л. Охрана исторической правды: новая задача российского права / Г. Л. Москалев // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2022. – С. 1070–1081.

Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса. – М. : Юрид. лит., 1985. – 400 с.

Ханин С. В. Фальсификация истории как инструмент подрыва национальной безопасности / С. В. Ханин // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 23. – С. 33–36.

References

Bashmakova N. I. Conceptualization of the concept of "historical memory" in the context of interdisciplinarity / N. I. Bashmakova // Legal forms of experiencing history: practices and limits : collective monograph / ed. S. V. Bochkarev. – St. Petersburg : Asterion, 2020. – Pp. 131–134.

Dorskaya A. A. Memorial laws as an instrument of legitimization of power / A. A. Dorskaya, A. Yu. Dorskiy // Bulletin of St. Petersburg University. – 2020. – Vol. 11, iss. 1. – Pp. 223–238.

Dorskaya A. A. Official memory policy in modern Russia: legal dimensions / A. A. Dorskaya, A. Yu. Dorskiy // Bulletin of St. Petersburg University. Law. – 2018. – T. 9, iss. 2. – Pp. 124–138. – URL: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu14/2018/201>

Hitler's Chief Cossack. How Ataman Krasnov Crossed the Line. – URL: https://aif.ru/society/history/glavnyy_kazak_gitlera_kak_ataman_krasnov_perestupil_chertu (date of access: 16.04.2023).

Khanin S. V. Falsification of history as a tool for undermining national security / S. V. Khanin // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2013. – No. 23. – Pp. 33–36.

Maltsev A. A. Forced modernization of the Soviet economy: "demodernization" or industrial breakthrough / A. A. Maltsev // Izvestia UrGEU. – 2010. – No. 6(32). – Pp. 91–97.

Matusevich O. A. Conflict of interpretations of the past in modern society / O. A. Matusevich // Proceedings of BSTU. Series 6, History, philosophy. – 2015. – Pp. 131–135.

Matusevich O. A. Memorial legislation: genesis and contradictions / O. A. Matusevich // Proceedings of BSTU. Series 6, History, philosophy. – 2014. – Pp. 116–118.

Moskalyev G. L. Protection of historical truth: a new task of Russian law / G. L. Moskalyev // Journal of the Siberian Federal University. Humanities. – 2022. – Pp. 1070–1081.

No statute of limitations, no oblivion... Based on the materials of the Nuremberg Trials. – Moscow : Legal Literature, 1985. – 400 p.

The Great Russian Encyclopedia 2004–2017. HALBWACHS ALBWACHS MAURICE. – URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4728600> (date of access: 15.04.2023).

Zemskov V. N. On the scale of political repressions in the USSR / V. N. Zemskov. – URL: <https://istmat.org/node/19968> (date of access: 16.04.2023).

Для цитирования:

Борисов А. М. Ценностное значение исторической памяти и исторической правды в контексте государственной молодежной политики // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1(10). С. 84–95.

Recommended citation:

Boriso A. M. The value significance of historical memory and historical truth in the context of state youth policy // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 1(10). Pp. 84–95.

Сведения об авторе

Борисов Андрей Маркович – председатель Курского регионального отделения ООО «Ассоциация историков права», кандидат исторических наук, доцент
E-mail: andrei_borisov@mail.ru

Information about author

Boriso A. M. – Chairman of the Kursk Regional Department “Association of Legal Historians”, Candidate of Historical Sciences, Docent
E-mail: andrei_borisov@mail.ru

ПОНЯТИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА XIX–XX ВЕКОВ

П. С. Жданов

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 25 декабря 2024 г.

Аннотация: описывается практика использования понятия правосознания в отечественном теоретико-правовом дискурсе последней трети XIX – первой трети XX в. Различные подходы к определению значения термина «правосознание» рассматриваются в контексте теоретических и ценностно-идеологических установок их авторов. Отмечается, что широкое распространение указанного понятия в российской теории права на рубеже XIX–XX вв. было связано с развитием представлений о праве как о социальном явлении, зарождение и развитие которого реализуется в первую очередь на уровне психики членов общества. Затрагивается вопрос о признании революционного правосознания источником права в первые годы установления советской власти.

Ключевые слова: правосознание, правовой дискурс, интуитивное право, идеология, социологическая школа права, правовая психология.

THE CONCEPT OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE VALUE-IDEOLOGICAL CONTEXT OF THE RUSSIAN THEORY OF LAW OF THE XIX–XX CENTURIES

P. S. Zhdanov

Nizhni Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Abstract: the article describes the practice of using the concept of legal consciousness in the Russian theoretical and legal discourse of the last third of the 19th century – the first third of the 20th century. Various approaches to defining the meaning of the term "legal consciousness" are considered in the context of the theoretical and value-ideological attitudes of their authors. It is noted that the widespread use of this concept in the Russian theory of law at the turn of the 19th–20th centuries was associated with the development of ideas about law as a social phenomenon, the origin and development of which is realized primarily at the level of the psyche of members of society. The issue of recognizing the revolutionary legal consciousness as a source of law in the early years of the establishment of Soviet state is raised.

Key words: legal consciousness, legal discourse, intuitive law, ideology, sociological school of law, legal psychology.

«Слова, выражения, предложения и т.д. получают смысл от дискурсной формации, в которой они производятся», – пишет М. Пешё¹. Именно дискурсная формация определяет «то, что может и что должно быть сказано (в виде публичного выступления, проповеди, памфлета, доклада, программы и т.п.)»². Значения слов обусловлены способом их употребления в конкретных дискурсивных практиках, а также историческим контекстом. Это же относится и к научным терминам. При этом научный дискурс не просто отражает некую «объективную реальность» посредством вербальной фиксации явлений: скорее, он создает саму «реальность». М. Фуко рассматривает дискурсы как практики, «систематически формирующие те объекты, о которых они говорят»³. Конкретное значение, которое приобретают слова, задействованные в системе дискурса, задает контуры указанных объектов.

Если в свете вышесказанного мы рассмотрим, каким образом в разных исторических условиях в правовом дискурсе задействовались, на первый взгляд, одни и те же понятия, мы сможем не просто выявить их семантические изменения, но и составить представление о трансформации юридического мышления и идеологических установок субъектов, которые их использовали. Увидев, какое значение приобретали те или иные категории в конкретной системе дискурса, мы получим возможность судить и о том, как в восприятии индивидов по-разному складывался образ правовой реальности.

В качестве предмета рассмотрения мы возьмем понятие «правосознание» и его смысловые вариации в российском правовом дискурсе. Это один из тех юридических терминов, который служит для описания связей, характеризующих право в его ценностно-мировоззренческих, психологических аспектах. Соответственно, изменения в трактовке этого понятия наглядно показывают, как в конкретно-историческом правовом дискурсе выстраивались представления его субъектов о социальной роли права. Отметим, что формат доклада ограничивает исследование лишь выборочным описанием наиболее важных теоретико-правовых текстов. С другой стороны, чтобы высветить семантические особенности понятия правосознания в указанных текстах, нам необходимо будет обращаться и к сходным по значению понятиям (например, «правовые убеждения» или «интуитивное право»). При этом мы ограничимся пе-

¹ Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 265.

² Там же. С. 265.

³ Фуко М. Археология знания. СПб., 2012. С. 110.

риодом, когда это понятие активно завоевывало позиции в отечественной теории права, т.е. последней третью XIX и первой третью XX в.

По-видимому, понятие правосознания получило распространение в отечественном правовом дискурсе в 70–80-е гг. XIX в. В работе С. А. Муромцева «Определение и основное разделение права» (1879) оно не встречается. При этом ученый, признавая, что кроме юридических норм существуют и иные факторы правового порядка, в числе таковых упоминает «юридическое настроение органов и лиц, через деятельность которых норма должна осуществиться»⁴, а также «справедливость» – «присущую в данное время данной общественной среде совокупность субъективных представлений о наиболее совершенном правовом порядке»⁵. С другой стороны, в «Лекциях по общей теории права» Н. М. Коркунова, впервые опубликованных в 1886 г., понятие правосознания используется уже достаточно широко.

Следует отметить, что вопрос о правосознании возник в российской юриспруденции этого периода, прежде всего, в связи с развитием социологического направления в теории права. Исследование права как социального явления затрагивало в том числе и проблему его общественно-психологических истоков. При этом понятийный аппарат, посредством которого описывались процессы зарождения и развития права в недрах общества, во многом определялся влиянием немецкой юриспруденции.

В первую очередь в связи с этим следует указать на работы классиков немецкой исторической школы права. В понимании Фридриха Карла фон Савиньи, источником, порождающим право, выступают «общие убеждения» [*gemeinsame Ueberzeugung* (нем.)] народа, в которых отражается его индивидуальный характер⁶. Именно так характеризуется возникновение права в его знаменитой статье «О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции» (1814). В более поздней работе – «Система современного римского права» (1840) – Савиньи использует понятие «*Rechtsbewusstsein*», которое на русский язык может быть переведено как «правосознание»⁷.

В часто цитируемых на рубеже веков работах Рудольфа фон Иеринга на первый план выходит понятие «*Rechtsgefühl*» – «правовое чувство». Ученый считает, что термин «правосознание» подразумевает излишнюю рационализацию отношения народа к праву, и утверждает, что «правовое сознание, правовое убеждение суть отвлеченности науки, которых не

⁴ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. СПб., 2004. С. 142.

⁵ Там же. С. 146.

⁶ См.: Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. М., 2011. Т. 1. С. 132.

⁷ См., напр., фрагменты из работ Савиньи, приводимые П. И. Новгородцевым: Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010. С. 97.

знает народ, – сила права лежит в чувстве, точно так же, как сила любви»⁸. Именно «*Rechtsgefühl*» составляет основную движущую силу «борьбы за право». Оно же, наряду с юстицией, составляет гарантию подчинения государственной власти праву⁹. Примечательно, что в русскоязычном издании работы «Цель в праве» (80-е гг. XIX в.) слово «*Rechtsgefühl*» переводчик передает как «правосознание»¹⁰.

Как уже отмечалось, понятие правосознания было усвоено в первую очередь российскими юристами социологического направления. В частности, в упомянутых «Лекциях по общей теории права» Н. М. Коркунов называет *субъективное (индивидуальное)* правосознание «основой всего права»¹¹. Субъективное сознание «является как бы фокусом, в котором сосредоточивается действие всех факторов правообразования»¹². Внешние формы существования права в обществе – обычаи, судебная практика и законы – выступают продуктами постепенного «объективирования» субъективного правосознания¹³. При этом более или менее стабильным «нормам положительного права противопоставляется свободно развивающееся субъективное правосознание»¹⁴. Субъективное правосознание, направляемое непосредственными «потребностями текущей жизни», обуславливает «жизненное значение и дальнейшее развитие самого положительного права»¹⁵.

Таким образом, правосознание предстает одновременно и как внутренний (психологический) источник происхождения права, и как основа для выстраивания субъективного отношения к действующим нормам, и как фактор развития права. Понятие правосознания позволяет описывать право в качестве социокультурного явления, несводимого к государственным законам. Симптоматично, что Г. Ф. Шершеневич, последовательный сторонник юридического позитивизма, видевший в праве, главным образом, продукт государственной воли, практически не использует это понятие. В его работах присутствует внешне похожий по смыслу термин, описывающий психологический аспект поведения субъектов права, – «чувство законности». Шершеневич определяет его как «побуждение соблюдать установленные законы... не соотносясь с конкретными условиями их применения», которое вырабатывается в индивиде «в силу усвоенной им привычки следовать законным

⁸ Иеринг Р. фон. Борьба за право / пер. П. П. Волкова. М., 1874. С. 38.

⁹ См.: Иеринг Р. фон. Цель в праве. Первый том. СПб., 1881. С. 275.

¹⁰ См.: Там же. С. VI.

¹¹ См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М., 2018. С. 271.

¹² Там же. С. 337.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 328.

предписаниям»¹⁶. По его словам, «отступление или только мысль отступить от привычного, твердо усвоенного соблюдения норм права производит неприятное душевное состояние, вполне аналогичное угрызению совести»¹⁷. Очевидно, что формируемое чисто механически, путем систематического воспроизведения определенного поведения, а также обусловленное влиянием общественной среды, «чувство законности» не может быть самостоятельным фактором образования права. Однако, по мнению правоведа, оно служит лучшей гарантией правового порядка.

К началу XX в. понятие правосознания получает широкое распространение. При этом используется оно обычно без специальных пояснений относительно его значения, которое предполагается очевидным. В этом отношении показателен пример книги П. И. Новгородцева «Введение в философию права. Кризис современного правосознания». В этой работе автор прослеживает предпосылки упадка правосознания на уровне «новейшей эволюции правовых идей», называя симптомами кризиса «современные сомнения в значении права»¹⁸. При этом, несмотря на то, что значение слова «правосознание» явно берется здесь в ограниченном аспекте «теоретико-правовой мысли», Новгородцев нигде не оговаривает эти терминологические вопросы. Популярность термина сочеталась с его семантической размытостью.

На качественно новый уровень исследование психологических оснований права в России выходит с появлением работы Л. И. Петражицкого «Теория права и государства в связи с теорией нравственности». Следует отметить, что сам по себе термин «правосознание» не играет по-настоящему значимой роли в рассуждениях правоведа. Он нигде специально не поясняется и почти всегда употребляется в общем значении, охватывающем психологическую сторону поведения субъектов в правовой сфере. На первый план выходят специальные понятия правовой психологии Петражицкого – «императивно-атрибутивные эмоции», «интуитивное право» и т.п. В его понимании, право и нравственность суть явления *индивидуальной* психики: особого рода этические эмоции, побуждающие индивида к определенному поведению. При этом «объективно существующие» нормы, требования которых якобы «связывают» человека, Петражицкий называет продуктами «эмоциональной проекции»¹⁹. Можно сказать, что в его концепции правосознание, а точ-

¹⁶ Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. // Шершеневич Г. Ф. Избранное. М., 2016. С. 454.

¹⁷ Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. М., 2016. Т. 4, включая Общую теорию права. С. 258.

¹⁸ См.: Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 8.

¹⁹ См.: Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 ч. М., 2017. Ч. 1. С. 42.

нее – правовая психика индивидов, практически полностью покрывает все основные правовые явления.

Неудивительно, что теория Петражицкого, критикуемая за «субъективизм» в понимании права, практически не получила развития в чистом виде. С другой стороны, влияние его идей было значительным: у целого ряда исследователей права начала прошлого века мы встречаем рассмотрение права с точки зрения его «психической природы»²⁰. Достаточно подробно разбирает воззрения Петражицкого Н. Н. Алексеев, «феноменологическая» концепция которого была во многом созвучна психологической теории. Ключевым моментом в его описании структуры права является указание на особое «интеллектуальное» общение, которое субъект устанавливает с «обнаруживающимися в праве» ценностями, обозначаемое Алексеевым как «признание»²¹. Что же касается таких терминов, как «правосознание», «правовое чувство», «правовой разум», то под ними он подразумевает «непроизвольно установившиеся состояния», которые могут выступать в качестве нормативных фактов или источников права. Все эти явления Алексеев объединяет под общим наименованием «этоса»²². В качестве фактов, имеющих место во времени, этос может объективно нести в себе «внутренний смысл», а именно – обязывать к определенным действиям²³.

Из всех работ первой четверти XX в., где затрагиваются вопросы правосознания, выделяется книга И. А. Ильина «О сущности правосознания». Написана она была в 1919 г., хотя опубликована лишь в 50-е гг. Идеи влияния, которые отразились в этой работе, весьма многообразны. Прежде всего, это гегелевская теория права как объективного духа, кроме того – учение Иеринга о «борьбе за право», а также – понятийный аппарат и методы феноменологии. Можно сказать, что в книге Ильина получили развитие все основные аспекты понятия правосознания, которые так или иначе присутствовали в отечественной правовой теории и которые он переосмыслил в духе своей религиозной философии.

В первой главе книги, совпадающей по содержанию с публичной речью, которую философ прочитал в 1923 г. в Берлине на открытии Русского научного института, он обозначает проблему кризиса правосознания, связанную с общим духовным кризисом современной цивилизации. Употребляя, подобно Иерингу²⁴, выражения «здоровое» или «больное» правосознание, Ильин настаивает на невозможности его «излечения» без общего духовного преображения индивида.

²⁰ См., напр.: Кистяковский Б. А. Избранное : в 2-х ч. М., 2010. Ч. 1. С. 314.

²¹ См.: Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1998. С. 69, 72.

²² См.: Там же. С. 147–148.

²³ См.: Там же. С. 144.

²⁴ См.: *Birr Josefa*. Ihering's concept of rechtsgefühl and its role in The struggle for law // Transformacje Prawa Prywatnego. 2017. No. 4. P. 10.

Если же говорить о чисто теоретической стороне его концепции правосознания, то последнее характеризуется как то, что лежит в основе всякого положительного права²⁵. Ильин определяет его как «особого рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей»²⁶. Акт, в котором субъекту раскрывается основная идея права, он описывает в феноменологическом ключе: по его словам, «единая и объективная правота» в отношении человека к человеку познается только «через внутренний опыт, через подлинное, предметное испытание и раскрытие естественного права»²⁷. Причем Ильин призывает разграничивать «основную сущность права», идею права, данную «в опыте систематически очищенного правосознания»²⁸, и историческое осуществление права, которое «не определяет его нормального строения»²⁹.

«Неидеальность» исторических форм права, с одной стороны, предполагает необходимость «лояльной борьбы за право», за воплощение идеала в правотворчестве, а с другой стороны, – необходимость «принятия», «творческого преобразования» или «преодоления» положительного права. По Ильину, «преодолеть положительное право значит наполнить его самозаконно живущим, нормальным правосознанием и тем сделать его как бы несущественным»³⁰.

Нетрудно заметить, что в данном случае философ видит основную задачу «здорового правосознания» в поддержании лояльного отношения к действующему праву. В этом дает о себе знать не только влияние Гегеля, но и непосредственный опыт переживания крушения правопорядка в ходе революции. Тем не менее Ильин не порывает с либеральной концепцией «борьбы за право». Он пишет, что если конфликт между естественным и положительным правом не поддается разрешению, «субъект, направляемый своим правосознанием к цели права, утверждает за собою другие полномочия, обязанности и запретности, чем те, которые ему принадлежат в данный момент на основании норм действующего положительного права, и, далее, признав их за собою, он приступает к их непосредственному осуществлению»³¹. Более того, философ допускал, что в определенных обстоятельствах субъект, борющийся за право, может быть вынужден отказаться от лояльной борьбы за естественное право и вступить на путь, «выводящий деяния человека за пре-

²⁵ См.: Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 155.

²⁶ Там же. С. 231.

²⁷ Там же. С. 157.

²⁸ Там же. С. 191.

²⁹ Там же. С. 189.

³⁰ Там же. С. 202.

³¹ Там же. С. 215.

дела положительного права»³², вплоть до – при соблюдении целого ряда условий – прямого нарушения *отдельных* норм положительного права³³.

Думается, не будет ошибкой сказать, что импульсом в 10–20-е гг. прошлого века, вдохнувшим новую жизнь и новые смыслы в понятие правосознания, помимо чисто теоретических движений, связанных с развитием психологических и феноменологических концепций, стали революционные события в России и Европе. Именно с ними связано то, что в юридической теории со всей остротой был поставлен вопрос о правосознании как о непосредственном источнике права в условиях радикальной ломки существующих общественных отношений.

В этом плане, конечно, наибольший интерес представляют работы советских правоведов-марксистов, написанные в первое десятилетие после революции. Именно в этих работах, еще далеких от догматизма позднейших периодов, сформировавшийся до Революции философско-правовой дискурс, с его понятийным аппаратом и проблематикой, был переосмыслен в новом социально-политическом контексте. Проблемы правовой психологии, в частности, стали объектом размышлений последователя Петражицкого – М. А. Рейснера. Подобно Петражицкому, он также использует понятие интуитивного права для обозначения этических переживаний субъектов, в которых формируется их отношение к своему и чужому поведению, а также к социальным порядкам. Тем не менее в духе марксистской теории он отождествляет интуитивное право с идеологией, отражающей существующие производственные отношения. В этом значении понятие интуитивного права задействуется Рейснером для описания революции как столкновения правосознания разных классов. В этой борьбе интуитивное право угнетенного класса становится источником выдвигаемых им политических требований: «Под покровом существующего традиционного права рождается интуитивное, порою долго растет в бессознательной тиши, наконец, как существующее действующее реальное право, определяющее психику данного класса, приходит в столкновение с правом позитивным»³⁴. Правовая идеология, таким образом, выступает своеобразной движущей силой историко-политического процесса: «Как интуитивное право, она дает выражение великой борьбе угнетенных за новую жизнь и порядок; как право законное, она служит основой сознательного компромисса победителей и побежденных»³⁵.

³² Там же. С. 218.

³³ См.: Там же. С. 219.

³⁴ Рейснер М. А. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908. С. 159.

³⁵ Там же. С. 161.

В связи с этим вполне закономерным выглядит то, что в Декрете о суде от 5 декабря (22 ноября) 1917 г. понятие «революционного правосознания» используется в качестве обозначения если не непосредственного источника права, то, по крайней мере, – достаточного основания для суждения о применимости или неприменимости правовых норм: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»³⁶. Однако видный марксистский теоретик права, а также один из авторов упомянутого Декрета, П. И. Стучка, считал ссылку на «правосознание» в его тексте мерой вынужденной. Он пишет, что с принятием Декрета победило не революционное понимание права, а «фикция “интуитивного” права Петражицкого»³⁷. Так и Е. Б. Пашуканис пишет, что в данном случае «мера политически правильная и революционная обосновывалась с помощью теории, которую нельзя назвать ни правильной, ни марксистской»³⁸.

Дело в том, что правосознание, или интуитивное право, в понимании марксистских правоведов, в качестве надстроечного явления не может иметь самостоятельного значения, всецело определяясь характером экономического базиса. Так, Стучка выделяет три формы правового отношения: из них первая (конкретная) совпадает с экономическим отношением, а две другие (абстрактные) – это форма, провозглашаемая в законе, а также – «интуитивная форма». Последнюю Стучка определяет как «внутреннее психическое “переживание”, которое по поводу того или иного общественного отношения происходит в голове человека, оценка его с точки зрения “справедливости”, “внутреннего правосознания”, “естественного права” и т.д., другими словами – идеология»³⁹. Поскольку же идеология – это «ложное» сознание, не знающее об истинных побудительных силах, которые приводят его в движение, только с верным пониманием последних правосознание может сблизиться с конкретной формой отношения⁴⁰.

Отсюда видно, что революционное преобразование суда и позитивного права, с точки зрения марксистской теории, не может опираться только лишь на правосознание судей (которое, по словам Стучки, в боль-

³⁶ Декрет Совета Народных Комиссаров (О суде). URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения: 05.12.2024).

³⁷ Стучка П. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. М., 1924. С. 86–87.

³⁸ Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм : избранные произведения. СПб., 2024. С. 152.

³⁹ Стучка П. Указ. соч. С. 56.

⁴⁰ См.: Там же. С. 63.

шинстве случаев не было ни сознанием коммунистов, ни сознанием рабочих⁴¹), но должно стать непосредственным отражением победы новых общественных отношений и факта установления господства победившего класса. Поэтому Стучка и пишет, что только «признак классового господства и интереса» позволил «обезвредить» буржуазное понятие правосознания, «которое таким путем получило совершенно обратное, конкретное значение»⁴².

Таким образом, рассмотрев практику использования понятия правосознания в российском правовом дискурсе последней трети XIX – первой трети XX в., мы можем отметить, что, несмотря на отсутствие единообразного подхода к интерпретации данного термина, в этот период он получил достаточно широкое распространение. Более того, в теоретико-правовом дискурсе сформировалась относительно устойчивая предметная область, а именно – психологическое измерение правовых явлений, которое постепенно приобретало все большую значимость для осмысления права как такового.

Следует при этом еще раз отметить семантическую размытость понятия правосознания. В зависимости от контекста оно могло обозначать индивидуальное или коллективное сознание, рациональное (теоретическое) мышление или неосознанное чувство, восприятие объективных ценностей или субъективные «фантазмы». При этом параллельно с понятием правосознания (или вместо него) могли использоваться другие, смежные понятия, такие как «императивно-атрибутивные эмоции», «правовое чувство», «этос», «правовая интуиция» и др. По-видимому, именно подобная неопределенность сообщала понятию гибкость, обеспечившую ему широкое распространение: оно, скорее, очерчивало некое пространство, в котором могли фиксироваться явления, нежели указывало на определенные феномены.

Важной функцией понятия правосознания было то, что с его помощью устанавливалась связь права с культурой, потребностями членов общества, их мировоззрением, психологическими установками, интересами социальных групп. В результате право представляло конкретно-историческим социальным явлением, а его субъекты – не просто абстрактными носителями прав и обязанностей, а «живыми», мыслящими и чувствующими субъектами, наделенными определенными культурными характеристиками.

В правовом дискурсе данного периода правосознание представляло действенным фактором правообразования. Оно обозначало активную позицию индивидуальной психики (или общественного сознания) по отношению к праву. Правосознание рассматривалось в качестве источ-

⁴¹ См.: Там же. С. 98.

⁴² Там же. С. 87.

ника права, основания для «принятия» требований позитивного права субъектами, для корректировки их содержания в реальных правоотношениях, в процессе применения права, в ходе «борьбы за право». Причем идеологический спектр дискурса, в рамках которого задействовались понятие правосознания, варьировался от либерального («зрелое правосознание» как основа для «лояльной борьбы за лучшее право») до революционного (классовое правосознание, интуитивное право борющегося за власть класса). Отметим также, что именно в марксистской интерпретации правосознание, приобретая на какое-то время статус признанного источника права, было сведено к классовой идеологии, т.е. к простому отражению производственных отношений. Отчасти по этой причине, а также ввиду возобладания в 30-е гг. этатистского взгляда на право роль понятия правосознания в отечественном правовом дискурсе будет постепенно снижаться. Из «источника» права правосознание постепенно превратилось в «отражение» действующего позитивного права.

Библиографический список

Алексеев Н. Н. Основы философии права / Н. Н. Алексеев. – СПб. : Юридический институт, 1998. – 216 с.

Иеринг Р. фон. Борьба за право / Р. фон. Иеринг ; пер. П. П. Волкова. – М., 1874. – 77 с.

Иеринг Р. фон. Цель в праве. Первый том / Р. фон. Иеринг. – СПб. : Издание Н. В. Муравьева, 1881. – 412 с.

Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М. : Русская книга, 1994. – Т. 4. – 624 с.

Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 1999. – 416 с.

Кистяковский Б. А. Избранное : в 2-х ч. / Б. А. Кистяковский. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. – Ч. 1. – 656 с.

Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 422 с.

Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / С. А. Муромцев. – СПб. : Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2004. – 224 с.

Немецкая историческая школа права. – Челябинск : Социум, 2010. – 528 с.

Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. – М. : Наука, 1996. – 269 с.

Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм : избранные произведения / Е. Б. Пашуканис. – СПб. : Алеф-Пресс, 2024. – 221 с.

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2-х ч. / Л. И. Петражицкий. – М. : Издательство Юрайт, 2017. – Ч. 1. – 295 с.

Рейснер М. А. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология / М. А. Рейснер. – СПб., 1908. – 240 с.

Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права / Ф. К. фон Савиньи. – М. : Статут, 2011. – Т. 1. – 510 с.

Стучка П. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве / П. Стучка. – М. : Издательство Коммунистической Академии, 1924. – 141 с.

Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. – 416 с.

Шершеневич Г. Ф. Избранное / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Статут, 2016. – 496 с.

Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Статут, 2016. – Т. 4, включая Общую теорию права. – 752 с.

Birr Josefa. Jhering's concept of rechtsgefühl and its role in The struggle for law / Josefa Birr // Transformacje Prawa Prywatnego. – 2017. – No. 4. – Pp. 5–16.

References

Alekseev N. N. Fundamentals of the philosophy of law / N. N. Alekseev. – St. Petersburg : Law Institute, 1998. – 216 p.

Foucault M. Archeology of knowledge / M. Foucault. – St. Petersburg : PC "Humanitarian Academy", 2012. – 416 p.

German Historical School of Law. – Chelyabinsk : Socium Publ., 2010. – 528 p.

Ilyin I. A. Collected works : in 10 vol. / I. A. Ilyin. – Moscow : Russkaya kniga, 1994. – Vol. 4. – 624 p.

Jhering Rudolf von. The Purpose in Law. The first volume / Rudolf von Jhering. – St. Petersburg : Edition by N. V. Muravyov, 1881. – 412 p.

Jhering Rudolf von. The Struggle for Law / Rudolf von Jhering ; translation by P. P. Volkov. – Moscow, 1874. – 77 p.

Kistiakovskiy B. A. Selected works : in 2 parts / B. A. Kistiakovskiy. – Moscow : Russian Political Encyclopedia, 2010. – Part 1. – 656 p.

Korkunov N. M. Lectures on the general theory of law / N. M. Korkunov. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2018. – 422 p.

Muromtsev S. A. Definition and basic division of law / S. A. Muromtsev. – St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, 2004. – 224 p.

Novgorodtsev P. I. Introduction to the philosophy of law. The crisis of modern legal consciousness / P. I. Novgorodtsev. – Moscow : Nauka, 1996. – 269 p.

Pashukanis E. B. General theory of law and Marxism: selected works / E. B. Pashukanis. – St. Petersburg : Alef-Press, 2024. – 221 p.

Petrazhitsky L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality : in 2 parts / L. I. Petrazhitsky. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2017. – Part 1. – 295 p.

Reisner M. A. Theory of L. I. Petrazhitsky, Marxism and social ideology / M. A. Reisner. – St. Petersburg, 1908. – 240 p.

Savigny F. K. von. The system of modern Roman law / F. K. von Savigny. – Moscow : Statute, 2011. – Vol. 1. – 510 p.

Shershenevich G. F. Selected works / G. F. Shershenevich. – Moscow : Statute, 2016. – 496 p.

Shershenevich G. F. Selected works : in 6 vols. / G. F. Shershenevich. – Moscow : Statute, 2016. – Vol. 4, including the General theory of law. – 752 p.

Stuchka P. The revolutionary role of law and the state. The General Doctrine of law / P. Stuchka. – Moscow : Publishing House of the Communist Academy, 1924. – 141 p.

The quadrature of meaning: the French school of discourse analysis. – Moscow : JSC IG Progress, 1999. – 416 p.

Birr Josefa. Jhering's concept of rechtsgefühl and its role in The struggle for law / Josefa Birr // Transformations of Private Law. – 2017. – No. 4. – Pp. 5–16. [In Engl.]

Для цитирования:

Жданов П. С. Понятие правосознания в ценностно-идеологическом контексте российской теории права XIX–XX веков // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1(10). С. 96–108.

Recommended citation:

Zhdanov P. S. The concept of legal consciousness in the value-ideological context of the Russian theory of law of the XIX–XX centuries // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 1(10). Pp. 96–108.

Сведения об авторе

Жданов Павел Сергеевич – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: pavelzhdanov@bk.ru

Information about author

Zhdanov Pavel Sergeevich – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Faculty, Nizhni Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: pavelzhdanov@bk.ru

ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ И ИНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПО РАЗРЕШЕНИЮ КОНФЛИКТА МЕЖДУ ВЫСШИМИ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С. Г. Василевич

Международный институт управления и предпринимательства

Поступила в редакцию 11 февраля 2025 г.

Аннотация: статья посвящена теоретическим и прикладным аспектам юридического конфликта. Значительное внимание уделено анализу норм белорусского конституционного законодательства в области взаимоотношений между высшими органами государственной власти, некоторым коллизиям норм. Высказаны авторские суждения по поводу преодоления некоторых противоречий в законодательстве с целью предупреждения и разрешения юридических конфликтов.

Ключевые слова: юридический конфликт, социальный конфликт, юридические споры, противоречия, высшие органы государственной власти.

EXTRAORDINARY AND OTHER LEGAL MEASURES TO RESOLVE THE CONFLICT BETWEEN THE SUPREME AUTHORITIES OF STATE POWER OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

S. G. Vasilevich

International Institute of Management and Entrepreneurship

Abstract: the article is devoted to theoretical and applied aspects of legal conflict. Considerable attention is paid to the analysis of the norms of the Belarusian constitutional legislation in the field of relations between the supreme bodies of state power, some conflicts of norms. The author's judgements on overcoming some contradictions in the legislation in order to prevent and resolve legal conflicts are expressed.

Key words: legal conflict, social conflict, legal disputes, contradictions, supreme organs of state power.

Проблемы конфликтов привлекали внимание специалистов различных областей научных знаний. Такая категория, как конфликт, является предметом пристального внимания политологов, юристов, философов, социологов, социальных психологов. Весьма интенсивно проводились диссертационные исследования. По данным Е. В. Рябининой, например, по состоянию на 2010–2015 гг. преимущественное внимание (более 62 %) уделялось политическим конфликтам, включая терроризм и экстремизм, около 15 % тематики конфликтов касались философско-социологической и психологической сторон, около 8 % посвящено конфликтам в сфере педагогического процесса, около 3 и 1,5 % – юридическим и экономическим конфликтам соответственно¹. Приведенные данные свидетельствуют о важной научно-практической составляющей исследований юридических конфликтов как феномена общественной жизни. Исследования в данной области являются актуальными и могут способствовать укреплению стабильного и устойчивого развития государства.

Представители юридической науки изучают понятие, причины, виды, субъекты и объекты конфликтов, пути их разрешения. Общее, что объединяет исследования, – это акцентированное внимание на противодействии субъектов друг другу, несовместимости их интересов.

Идеальным вариантом разрешения конфликта был бы такой способ, как убеждение. Однако, к сожалению, не все конфликты разрешаются путем убеждения сторон и их участников.

В связи с этим весьма важно, чтобы социальные конфликты в виде открытого противостояния находились в правовом поле. В доктрине используются понятия «управление конфликтом» и «конфликт-менеджмент». Что касается «управления конфликтом», то, по мнению Е. В. Левиной, это означает необходимость выработки и реализации соответствующих технологий разрешения конфликта. Относительно «конфликт-менеджмента» ею акцентируется внимание на непосредственном и немедленном реагировании на конфликт².

Автор данной статьи солидарен с позицией Т. В. Худойкиной, согласно которой понятие «юридический конфликт» соотносится с общей категорией «конфликт». Разделяем ее взгляд на конфликт как противоборство между сторонами, вызванное противоречиями между их потребностями и целями; конфликт трансформируется в юридический, когда в противоборство вступают субъекты права, затрагивая правовые отношения. Интересна ее позиция, в соответствии с которой до юриди-

¹ См.: Рябнина Е. В. Актуальные проблемы конфликтологии: теоретико-методологический анализ // Theories and Problems of Political Studies. 2016. № 1. С. 130.

² См.: Левина Е. В. Конфликты в виртуальном пространстве: особенности регулирования и разрешения. URL: <https://research-journal.org/archive/9-51-2016-september/konflikty-v-virtualnom-prostranstve-osobennosti-regulirovaniya-i-razresheniya> (дата обращения 01.02.2025).

зации общественных отношений, в рамках которых возникает противоборство, конфликт следует рассматривать как квазюридический³.

Согласно позиции Е. М. Бабосова, противоречие следует рассматривать в качестве внутреннего источника любого развития, а конфликт является производным от противоречия, его следствием. В связи с этим Е. М. Бабосов приходит к выводу, согласно которому социальный конфликт является вершиной социальных обострений и имеющихся противоречий⁴.

В науке осуществлена типологизация конфликтов, в том числе и юридических. Их подразделяют на внутрисистемные и внесистемные, по сфере проявления (политика, экономика), проводится дифференциация по количеству участников, мотивов их действий, продолжительности в зависимости от степени антагонизма и др.⁵

Полезность типологизации конфликтов состоит в возможности выявления общего и особенного в конфликтах, осуществлении анализа причин конфликтов и путей их разрешения.

Правоведов, политологов, социологов особенно заботит проблема управления конфликтами, направление их в позитивное русло, нейтрализация, исключение конфликтогенов, поиск путей преодоления затяжного конфликта⁶. Вместе с тем утверждается, что конфликт не следует рассматривать только как нечто недопустимое, отрицательное. По справедливому утверждению В. П. Чумака, конфликт – это еще и сигнал к тому, что надо что-то менять, следует преодолеть застой в развитии системы, необходимы инновации⁷.

Юридические конфликты также можно классифицировать по сферам государственной жизни, а также в зависимости от отраслей права, в которых они могут развиваться: трудовые, семейные, уголовно-процессуальные, криминальные и др. Наиболее важное значение для обеспечения стабильного, устойчивого развития общества и государства имеет исследование конституционных конфликтов, так как нормы конституционного права способны интегрировать всю национальную правовую систему, генерировать позитивные импульсы на весь спектр общественных отношений. Тем более что конституционное право наиболее близко к разрешению политико-социальных конфликтов.

³ См.: Худойкина Т. В. Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 11–12.

⁴ См.: Бабосов Е. М. Конфликтология : учеб. пособие. 2-е изд., стер. Минск, 2001. С. 92.

⁵ См.: Дмитриев А. В. Конфликтология : учебник. 3-е изд., перераб. М., 2011. С. 80–86.

⁶ См.: Омилаенко Н. В. Социальный конфликт: диагностика, причины, управление // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2019. Т. 12, № 4. С. 85–96.

⁷ См.: Чумак П. В. Управление конфликтами : учебное пособие. Самара, 2023. С. 7.

История XX в. демонстрирует, что многие конфликты, в том числе и на вершине властной пирамиды, разрешались посредством революций. Стремление к доминированию на европейском континенте и даже в мировом масштабе привело к развязыванию двух мировых войн.

Конец XX столетия для наших государств – Российской Федерации и Республики Беларусь – был непростым в силу обострения противоречий между высшими органами государственной власти. Так, в октябре 1993 г. была применена военная сила против Верховного Совета Российской Федерации. Не вдаваясь во все перипетии назревания этого конфликта, отметим, что принятие 12 декабря 1993 г. новой Конституции Российской Федерации способствовало на том этапе некоторой консолидации общества, нахождению компромисса.

Практически в этот же период (1994–1996) происходило обострение отношений между Верховным Советом XII созыва и Президентом Республики Беларусь. Как следует из публикаций, посвященных анализу начала и разворачиванию этого конфликта, были объективные и субъективные факторы для его появления. Верховный Совет Республики Беларусь, начиная с 1990 г. и до вступления 30 марта 1994 г. новой Конституции в действие обладал верховенством власти в Республике Беларусь. По сути, это была суперпарламентская республика после устранения в августе 1991 г. коммунистической партии от руководства государством. Вся властная пирамида замыкалась на Верховный Совет, который обладал правом формирования Правительства, мог отправить его полностью либо отдельных членов в отставку, вправе был заслушать любое должностное лицо о выполнении его обязанностей. Согласно действовавшей на тот момент Конституции Беларуси 1978 г. (с изменениями и дополнениями) Верховный Совет вправе был принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, находящийся в ведении Республики Беларусь. В ряде случаев он подменял исполнительную власть. После принятия Конституции в 1994 г. и избрания Президентом А. Г. Лукашенко необходимо было перераспределить полномочия. Значительная их часть перешла к Главе государства, который также стал одновременно и главой исполнительной власти. Однако понимание этого факта, после четырех лет монополии Верховного Совета на власть, не произошло.

Например, законы, которые подписывал Президент, продолжали вводиться в действие постановлениями Верховного Совета, подписываемыми Председателем Верховного Совета, что и по сути, и по духу противоречило Конституции. Была частая практика принятия Парламентом законов, которые не имели источника финансирования, т.е. Верховный Совет не обеспечивал их финансово-экономическое обоснование, а средств для какого-то «финансового маневра» у Главы государства не было. По этой причине он часто высказывал возражения

по поводу представленных на подпись законов, обосновывая это тем, что их невозможно исполнить по экономическим причинам. Несмотря на это, Парламент преодолевал наложенное Президентом вето. Всё это создавало конфликтную ситуацию между высшими органами государственной власти.

На наш взгляд, и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь указанный период был периодом трудного формирования новой политической и правовой парадигмы. Сказывались и субъективные факторы.

На характер конфликта, его содержание и особенности разрешения влияет зафиксированная в национальном законодательстве форма правления. Что касается причин, то они могут быть самыми различными. В юридической литературе среди причин называют следующие: расхождение в программах партий, направлениях деятельности парламентских фракций, правительства и Главы государства; злоупотребления государственными полномочиями, коррупция; неустойчивость парламентского большинства; личные амбиции политиков; оппозиционная деятельность⁸.

Юридический конфликт может быть обусловлен процессом регионализации элит местного уровня и их нежеланием допустить в свой круг сторонних политических деятелей⁹. Относительно регионального уровня также утверждается необходимость создания системы сдержек и противовесов¹⁰.

Еще можно указать на такие причины конфликта, как низкая правовая культура сторон и потенциальных участников конфликта; слабая арбитражная роль Главы государства или иного субъекта, наделенного соответствующими полномочиями (арбитражными, например), ненадлежащее выполнение посреднической функции, игнорирование требований о возможном использовании согласительных процедур.

Юридический конфликт между ветвями власти может проявиться в связи с нормативными правовыми актами, право на издание которых они имеют в соответствии с законодательством. До 15 марта 2022 г., т.е. до вступления в силу решения проведенного в 2022 г. в Республике Беларусь республиканского референдума, Президент обладал правом издания декретов (актов, имеющих силу закона), а также директив – указов программного характера. В доктрине и на практике возникали вопросы

⁸ См.: Лангинен А. Конфликты между парламентом и иными высшими органами государственной власти: предпосылки, причины, пути разрешения. URL: <http://ars-administrandi.com/index.php/arsadm/article/view/338> (дата обращения: 01.02.2025).

⁹ См.: Власова И. Э., Лещенко Е. М. Анализ, моделирование и оптимизация процессов и систем // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 1(40). С. 158.

¹⁰ См.: Слинко А. А., Маликов Д. А. Политические проблемы трансформации роли исполнительной власти в эпоху глобализации // Регион: системы, экономика, управление. 2014. № 2(25). С. 91–94.

о соотношении декретов и законов. Некоторые авторы придерживались позиции, согласно которой существовал приоритет декретов независимо от времени их издания и времени принятия закона, на это обращено внимание в литературе¹¹. В принятом 10 января 2000 г. Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» было закреплено, что новый акт обладает верховенством по отношению к ранее принятому акту. Это правило действовало по отношению к одноуровневым актам. Таковыми можно было признавать законы и декреты (акты, имеющие силу закона), поэтому следовало руководствоваться правилами о приоритете нового акта (закона или декрета) по отношению к ранее принятому акту. Данный наш вывод подтвержден действующей редакцией Конституции Республики Беларусь. Как известно, в настоящее время Президент Республики Беларусь не обладает правом издания декретов, однако ряд ранее изданных декретов сохраняет свое действие. При этом следует иметь в виду, что согласно части третьей ст. 142 Основного Закона нормы декретов обладают верховенством по отношению к принятым до их издания законам.

Касаясь вопроса об областях компетенции Парламента и Президента, И. В. Вегера предлагает следующие три области: исключительную компетенцию, которой обладает Парламент, его преимущественную компетенцию и исключительную компетенцию Президента Республики Беларусь¹².

Конечно, такая классификация компетенций Парламента и Президента не бесспорна: в президентской по форме правления республике вполне уместно вести речь о преимущественной компетенции Главы государства. Традиционно в советский и достаточно часто в постсоветский период, когда в науке идет речь о законах, определяют, что это акты, регулирующие наиболее важные общественные отношения. Однако в президентской республике у Главы государства могут быть так называемые подразумеваемые полномочия, которые он реализует в условиях нетипичной, нестандартной ситуации. Например, политический и экономический кризис, угроза национальному суверенитету.

В 1990-х гг. активно продвигалась идея разделения властей, так называемая система сдержек и противовесов. К сожалению, в юридической доктрине недостаточно, по сравнению с концепцией «разделения» властей, уделялось внимания их взаимодействию. Но, безусловно, разработанная Дж. Локком и Ш. Монтескье, эта концепция сыграла свою конструктивную роль в формировании системы органов государственной власти в государствах так называемой молодой демократии.

¹¹ См.: Вегера И. В. Механизмы разрешения коллизий между законодательными актами Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. 2007. № 10. С. 148.

¹² См.: Там же. С. 148.

Традиционно в конституциях идет речь о триаде властей – законодательной, исполнительной и судебной. Обычно олицетворяют эти ветви власти соответственно Парламент, Правительство, Конституционный Суд и суды общей юрисдикции во главе с Верховным Судом. В юридической литературе часто подчеркивается, что Президент в этой триаде занимает особое место, и даже выделяют президентскую власть¹³.

В Республике Беларусь большие надежды на цивилизованное разрешение конфликта между ветвями власти возлагалось на Конституционный Суд. Однако в Конституции на момент ее принятия прямо не предусматривалось его право разрешать споры о компетенции между различными органами государственной власти. Косвенным образом это могло быть осуществлено посредством проверки конституционности принятых тем или иным органом нормативных правовых актов. Отметим, что и ранее, и в настоящее время по результатам республиканского референдума 2022 г. Конституционный Суд обладает правом проверки конституционности нормативных правовых актов абсолютно всех органов государственной власти, т.е. вплоть до нормативных правовых решений местных советов депутатов первичного уровня (сельских, поселковых советов).

Конституционный Суд с момента его создания в 1994 г. обладал правом возбуждать производство по делу по собственной инициативе. Преимущественно он это делал по отношению к актам Главы государства и лишь уже в последний период назревшего конфликта между ветвями власти попытался представить некий баланс в этой сфере, обратившись к проверке актов Верховного Совета. В итоге это привело к сужению полномочий Конституционного Суда согласно итогам референдума 1996 г.

Спокойное развитие в последние годы ситуации в Республике Беларусь, отсутствие в Парламенте «агрессивной оппозиции» создает благоприятную атмосферу для взаимодействия властей. Однако юридическая наука, основываясь на конституционных предписаниях, обязана, на наш взгляд, видеть возможные варианты развития событий, в том числе и негативного характера.

Библиографический список

Бабосов Е. М. Конфликтология : учеб. пособие / Е. М. Бабосов. – 2-е изд., стер. – Минск : ТетраСистемс, 2001. – 464 с.

Вегера И. В. Механизмы разрешения коллизий между законодательными актами Республики Беларусь / И. В. Вегера // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. – 2007. – № 10. – С. 148–150.

¹³ См.: Гаджиев Х. А. К вопросу об эффективности президентской власти // Власть. 2018. Т. 26, № 8. С. 191–197.

Власова И. Э. Анализ, моделирование и оптимизация процессов и систем / И. Э. Власова, Е. М. Лещенко // Регион: системы, экономика, управление. – 2018. – № 1(40). – С. 157–164.

Гаджиев Х. А. К вопросу об эффективности президентской власти / Х. А. Гаджиев // Власть. – 2018. – Т. 26, № 8. – С. 191–197.

Дмитриев А. В. Конфликтология : учебник / А. В. Дмитриев. – 3-е изд., перераб. – М. : Альфа-М: ИНФРА-М, 2011. – С. 80–86.

Лангинен А. Конфликты между парламентом и иными высшими органами государственной власти: предпосылки, причины, пути разрешения. *Ars Administrandi* (Искусство управления) / А. Лангинен. – URL: <http://ars-administrandi.com/index.php/arsadm/article/view/338> (дата обращения: 02.02.2025).

Левина Е. В. Конфликты в виртуальном пространстве: особенности регулирования и разрешения. – URL: <https://research-journal.org/archive/9-51-2016-september/konflikty-v-virtualnom-prostranstve-osobennosti-regulirovaniya-i-razresheniya> (дата обращения: 01.02.2025).

Омилаенко Н. В. Социальный конфликт: диагностика, причины, управление / Н. В. Омилаенко // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 85–96.

Рябинина Е. В. Актуальные проблемы конфликтологии : теоретико-методологический анализ / Е. В. Рябинина // *Theories and Problems of Political Studies*. – 2016. – № 1. – С. 126–141.

Слинько А. А. Политические проблемы трансформации роли исполнительной власти в эпоху глобализации / А. А. Слинько, Д. А. Маликов // Регион: системы, экономика, управление. – 2014. – № 2(25). – С. 91–94.

Худойкина Т. В. Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Т. В. Худойкина. – Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2002. – 58 с.

Чумак П. В. Управление конфликтами : учебное пособие / П. В. Чумак. – Самара : Издательство Самарского университета, 2023. – 124 с.

References

Babosov E. M. *Conflictology : textbook* / E. M. Babosov. – 2nd ed., stereotype. – Minsk : TetraSystems, 2001. – 464 p.

Chumak P. V. *Conflict management : textbook* / P. V. Chumak. – Samara : Samara University Publishing House, 2023. – 124 p.

Dmitriev A. V. *Conflictology : textbook* / A. V. Dmitriev. – 3rd ed., revision. – Moscow : Alfa-M ; INFRA-M, 2011. – Pp. 80–86.

Gadzhiev H. A. To the question of the effectiveness of presidential power / H. A. Gadzhiev // *Vlast*. – 2018. – Vol. 26, № 8. – Pp. 191–197.

Khudoykina T. V. *Legal conflict (theoretical and applied research) : autoref. diss. ... doctor of juridical sciences* / T. V. Khudoykina. – Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. – 58 p.

Langinen A. Conflicts between the Parliament and other supreme bodies of state power: prerequisites, reasons, ways of resolution. *Ars Administrandi* (The Art of Governance) / A. Langinen. – URL: <http://ars-administrandi.com/index.php/arsadm/article/view/338> (date of access: 02.02.2025).

Levina E. V. Conflicts in virtual space: peculiarities of regulation and resolution / E. V. Levina. – URL: <https://research-journal.org/archive/9-51-2016-september/konflikty-v-virtualnom-prostranstve-osobennosti-regulirovaniya-i-razresheniya>

Omilaenko N. V. Social conflict: diagnosis, causes, management / N. V. Omilaenko // *Izvestiya vysokikh uchebnykh obrazovaniya. Sociology. Economics. Politics.* – 2019. – Т. 12, No. 4. – Pp. 85–96.

Ryabinina E. V. Actual problems of conflictology : theoretical and methodological analysis / E. V. Ryabinina // *Theories and Problems of Political Studies.* – 2016. – No. 1. – Pp. 126–141.

Slinko A. A. Political problems of transformation of the role of executive power in the era of globalization / A. A. Slinko, D. A. Malikov // *Region: systems, economics, management.* – 2014. – No. 2(25). – Pp. 91–94.

Vegera I. V. Mechanisms for resolving conflicts between legislative acts of the Republic of Belarus / I. V. Vegera // *Bulletin of the Polotsk State University. Series D.* – 2007. – No. 10. – Pp. 148–150.

Vlasova I. E. Analysis, modeling and optimization of processes and systems / I. E. Vlasova, E. M. Leshchenko // *Region: systems, economics, management.* – 2018. – No. 1(40). – Pp. 157–164.

Для цитирования:

Василевич С. Г. Экстраординарные и иные юридические меры по разрешению конфликта между высшими органами государственной власти Российской Федерации и Республики Беларусь // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии.* 2025. № 1(10). С. 109–117.

Recommended citation:

Vasilevich S. G. Extraordinary and other legal measures to resolve the conflict between the supreme authorities of state power of the Russian Federation and the Republic of Belarus // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology.* 2025. No. 1(10). Pp. 109–117.

Сведения об авторе

Василевич Сергей Григорьевич – профессор кафедры государственного управления частного учреждения высшего образования Международный институт управления и предпринимательства, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: sergey.workmail.135@gmail.com

Information about the author

Vasilevich Sergey Grigorievich – Professor of the Department of Public Administration of the private institution of higher education International Institute of Management and Entrepreneurship, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: sergey.workmail.135@gmail.com

СПЕЦИФИКА НОРМОТВОРЧЕСТВА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ФАКТОР, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЙ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ВЕДОМСТВЕННЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

К. А. Ситников

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Поступила в редакцию 30 января 2025 г.

Аннотация: в рамках настоящей статьи дается общая характеристика деятельности МВД России как одного из активных субъектов нормотворчества в Российской Федерации. Автором отмечается, что помимо общих социально-экономических и политико-культурных факторов, оказывающих влияние на язык правотворчества в Российской Федерации, следует выделять специфические, непосредственно связанные с особенностями функционирования органов внутренних дел.

Ключевые слова: нормотворчество, органы внутренних дел, ведомственное нормотворчество, нормативный правовой акт, язык нормативного правового акта, язык ведомственного нормотворчества.

THE SPECIFICS OF THE RULE-MAKING OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AS A FACTOR DETERMINING THE PECULIARITIES OF THE LANGUAGE OF DEPARTMENTAL NORMATIVE LEGAL ACTS

K. A. Sitnikov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Abstract: this article provides a general description of the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia as one of the active subjects of rulemaking in the Russian Federation. The author notes that in addition to the general socio-economic and political-cultural factors influencing the language of law-making in the Russian Federation, specific ones should be identified, directly related to the functioning of internal affairs bodies.

Key words: rulemaking, internal affairs bodies, departmental rulemaking, normative legal act, language of the normative legal act, language of departmental rulemaking.

Способность к коммуникации – один из ключевых признаков, отличающих человека от иных живых существ. Именно язык позволяет опосредовать межличностные и межгрупповые отношения.

При этом в современном мире в качестве средства коммуникации язык, по меткому замечанию А. В. Полякова, «живет» именно в текстах¹. Особенно справедливо данное высказывание в отношении языка в праве. Поскольку именно писанные источники права на протяжении последних столетий представляют собой ядро регулирования общественных отношений.

«Само право невозможно без социальной коммуникации. Условием правогенеза является не возникновение государства, а появление психосоциокультурных реалий, имеющих коммуникативную направленность, в которых находят свою объективацию правовые тексты, правовые нормы и правоотношения, порождаемые intersubjectивной (коммуникационной) деятельностью членов социума», – отмечает ученый².

В связи с этим, вопреки устоявшемуся ранее в отечественной юридической литературе (на основе концепции А. А. Ушакова³) представлению, наиболее рационально изучать язык в праве не в трех, а в четырех аспектах, последний из которых выступает в качестве определяющего, системообразующего:

- с точки зрения стилистики;
- с точки зрения правотворческого процесса;
- с точки зрения герменевтики юридического текста;
- как начало права⁴.

Для того чтобы текст нормативного правового акта как способ выражения и закрепления правил поведения в политически организованном обществе мог выполнить свою функцию, требуется его соответствие устанавливаемым властным субъектом целям и задачам. Возможна такая корреляция лишь в случае грамотного (рационального и оптимального) подбора языковых единиц, которые бы соответствовали особому стилю.

Появление соответствующего текстуального выражения и закрепления в объективной действительности правовых предписаний получило в юриспруденции название «правотворчество»⁵, представляющее собой

¹ См.: Поляков А. В. Язык нормотворчества и вопросы юридической техники // Русский язык как государственный. URL: https://rus-gos.spbu.ru/public/files/articles/A.B.Поляков.%20Язык%20нормотворчества_537c9662e634e.pdf (дата обращения: 20.08.2024).

² См.: Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. СПб., 2003. С. 11.

³ См.: Ушаков А. А. Право, язык, кибернетика // Правоведение. 1991. № 2. С. 25.

⁴ См.: Поляков А. В. Язык нормотворчества и вопросы юридической техники.

⁵ Также достаточно широкое распространение получил термин «правовое нормотворчество». При этом стоит отметить, что ввиду разнообразия социальных норм (а также существования норм технического характера) понятие «нормотворчество» шире рассматриваемых нами.

особую разновидность властной деятельности. В ее результате появляются специальные акты – «нормативные правовые акты».

В рамках указанного процесса осуществляется формулирование значимых для общества идей, призванных упорядочить межличностные и межгрупповые отношения, в виде текстуально оформленных правил поведения.

Исходя из этого, мы можем говорить о том, что субъект правотворчества участвует в преобразовании правовой реальности и жизни общества. Успех столь значимого «предприятия» немало зависит от того, насколько успешной будет «оболочка» идеи, т.е. текст. В противном случае даже наиболее прогрессивные идеи и концепции не будут иметь должный эффект, в том числе приводя к обратным (по сравнению с задуманными) последствиям.

При этом вопреки распространенному среди обывателей мнению палитра нормативных правовых актов, разрабатываемых и принимаемых государством (в том числе в Российской Федерации), включает в себя не только законы, но и ряд подзаконных актов. Этим наряду со спецификой законотворческого процесса⁶ (в узком смысле) объясняется достаточно широкий субъектный состав правотворческой деятельности в современном российском государстве.

Так, одним из субъектов правотворчества в Российской Федерации наряду с иными федеральными ведомствами является Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России).

Роль и место МВД России в данной сфере определяется, в первую очередь, внушительной компетенцией, в рамках которой реализует свои полномочия Министерство. В целом нормотворческая деятельность МВД России может осуществляться в трех основных направлениях:

- издание актов в пределах собственной компетенции;
- участие в подготовке актов, входящих в компетенцию иных органов государственной власти;
- издание актов, входящих в сферу совместной компетенции МВД России и иных органов государственной власти.

В рамках настоящего исследования первоочередной интерес для нас представляет именно первое из указанных направлений, связанное с созданием, изменением или отменой норм, регламентирующих общественные отношения, в том числе непосредственную деятельность ОВД.

Наиболее детальное закрепление ведомственное нормотворчество нашло в следующих основополагающих документах:

⁶ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144. 7 июля.

– приказ МВД России от 5 января 2007 г. № 6 «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России» – непосредственно закрепляет направления, этапы и субъекты правотворчества в Министерстве⁷;

– приказ МВД России от 2 сентября 2024 г. № 515 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации» – касается вопросов общего визуального оформления (в том числе обязательных элементов – реквизитов) ведомственных нормативных правовых актов⁸.

В наиболее общем виде в ведомственном нормотворчестве можно выделить четыре этапа:

- выявление потребности в нормативной правовой регламентации;
- разработка проекта нормативного правового акта;
- проведение правовой экспертизы проекта нормативного правового акта;
- принятие правового акта.

Помимо общих социально-экономических и политико-культурных факторов, оказывающих влияние на язык правотворчества в Российской Федерации, на наш взгляд, можно отметить и некоторые специфические, характерные для соответствующей деятельности ОВД.

1. Широкая сфера компетенции МВД России.

Круг вопросов, входящих в сферу компетенции ведомства, уникален по своему объему. Данное обстоятельство требуется учитывать и с точки зрения подбора корректных языковых средств выражения идей и моделей правового регулирования различных по своему субъектному составу и содержанию общественных отношений.

В связи с этим и палитра обстоятельств, свидетельствующих о необходимости принятия нового нормативного правового акта, достаточно обширна:

- правовая неурегулированность внутриведомственных отношений;
- наличие общественных связей в сфере внешнего управления, требующих правового обеспечения;
- появление потребности в изменении правового оформления общественных отношений, урегулированных ранее нормативными правовыми актами органов внутренних дел (принятие нового акта большей юридической силы по данному вопросу, изменение обстановки и т.д.);

⁷ Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России : приказ МВД России от 5 января 2007 г. № 6 (в ред. от 23.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (Документ опубликован не был.)

⁸ Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 сентября 2024 г. № 515. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (Документ опубликован не был.)

- множественность ведомственных нормативных правовых предписаний, делающая необходимыми их систематизацию и кодификацию;
- несоответствие текущего состояния правового регулирования стремительно развивающимся общественным отношениям⁹ и т.д.

2. *Особенности субъектного состава общественных отношений, на урегулирование которых направлено ведомственное нормотворчество.*

В рамках ведомственного нормотворчества могут разрабатываться и приниматься акты, адресованные иным государственным органам, различным организациям и группам граждан (так называемые «внешние нормы»). То есть, это та категория субъектов общественных отношений, которая может не относиться к осуществлению правоохранительной деятельности, не иметь юридической профессиональной подготовки и не обладать соответствующим понятийным аппаратом.

С другой стороны, ряд нормативных правовых актов адресуется непосредственно «внутри»: органам, подразделениям и сотрудникам ОВД.

3. *Особенности положения ведомственных нормативных правовых актов в отечественной правовой системе.*

Так, в рамках правовой экспертизы осуществляется исследование проектов нормативных правовых актов, разрабатываемых в системе МВД России, на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации, общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации, федеральным конституционным и федеральным законам, иным нормативным правовым актам Российской Федерации.

Данное обстоятельство порождает целый ряд сложностей, связанных с языком ведомственного правового регулирования:

- его возможная вторичность (ввиду необходимости согласования с текстом вышестоящих источников), порождающая возможные «генетические» пороки текста, «перетекающие» из законов и иных подзаконных актов;

- необходимость правильной интерпретации замысла инициатора принятия правового решения и его текстуального оформления;

- опасность терминологической рассогласованности между различными отраслями отечественного права, на стыке которых осуществляется правовое регулирование в период активных реформ, и т.д.

4. *Наличие строгих требований к структуре и оформлению ведомственных нормативных правовых актов.*

⁹ Методические рекомендации по организации нормотворческой деятельности в органах внутренних дел // ОМВД России по Саракташскому району. URL: <https://233.56.мвд.рф/document/17849358> (дата обращения: 20.08.2024).

Как уже было отмечено ранее, ведомственная специфика организации нормотворчества также имеет свое юридическое закрепление, что существенно сказывается и на языке принимаемых нормативных правовых актов.

Влияние в данном случае оказывают не только обязательные реквизиты, принятые клише, но также и специальная процедура по принятию нормативных правовых актов, предусмотренная в МВД России. Яркий пример – этап проведения правовой экспертизы нормативного правового акта.

Названные характеристики являются имманентными ведомственному нормотворчеству, что требует должного внимания к ним как в процессе конструирования норм права в сфере, относящейся к компетенции ОВД, так и в рамках правоприменительной деятельности. Игнорирование же обозначенных свойств может привести к дисфункциональности права.

Библиографический список

Методические рекомендации по организации нормотворческой деятельности в органах внутренних дел // ОМВД России по Саракташскому району [Электронный ресурс]. – URL: <https://233.56.мвд.рф/document/17849358> (дата обращения: 20.08.2024).

Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций / А. В. Поляков. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 843 с.

Поляков А. В. Язык нормотворчества и вопросы юридической техники / А. В. Поляков // Русский язык как государственный. – URL: https://rus-gos.spbu.ru/public/files/articles/A.B.Polyakov.%20Язык%20нормотворчества_537c9662e634e.pdf (дата обращения: 20.08.2024).

Ушаков А. А. Право, язык, кибернетика / А. А. Ушаков // Правоведение. – 1991. – № 2. – С. 34–41.

References

Methodological recommendations for organizing rule-making activities in internal affairs bodies // OMVD of Russia for the Saraktash District. – URL: <https://233.56.мвд.рф/document/17849358> (date of access: 20.08.2024).

Polyakov A. V. General Theory of Law: Phenomenological and Communicative Approach : course of lectures / A. V. Polyakov. – St. Petersburg : Yurid. centr Press, 2003. – 843 p.

Polyakov A. V. Language of rule-making and issues of legal technique / A. V. Polyakov // Russian as a state language. – URL: https://rus-gos.spbu.ru/public/files/articles/A.B.Polyakov.%20Язык%20нормотворчества_537c9662e634e.pdf (date of access: 20.08.2024).

Ushakov A. A. Law, language, cybernetics / A. A. Ushakov // Jurisprudence. – 1991. – No. 2. – Pp. 34–41.

Для цитирования:

Ситников К. А. Специфика нормотворчества органов внутренних дел как фактор, обуславливающий особенности языка ведомственных нормативных правовых актов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1(10). С. 118–124.

Recommended citation:

Sitnikov K. A. The specifics of the rule-making of internal affairs bodies as a factor determining the peculiarities of the language of departmental normative legal acts // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 1(10). Pp. 118–124.

Сведения об авторе

Ситников Кирилл Алексеевич – старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук

E-mail: kirillsa@mail.ru

Information about author

Sitnikov Kirill Alekseevich – Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Candidate of Law

E-mail: kirillsa@mail.ru

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЗНАВАТЕЛЕЙ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В 1930-е ГОДЫ

Д. Н. Шкаревский

*Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации*

Поступила в редакцию 24 декабря 2024 г.

Аннотация: анализируются основные руководящие документы органов дознания вооруженных сил СССР – инструкции 1923, 1933, 1940 гг. Автор приходит к выводу о незначительной эволюции этих документов. По его мнению, их издание было связано с действовавшей моделью правосудия. Как правило, они издавались после завершения политико-правовых кампаний, в процессе восстановления социалистической законности. Их основная цель состояла в повышении уровня дисциплины в войсках и авторитета командования.

Ключевые слова: советская юстиция, специальная юстиция, военная юстиция, военные трибуналы, военная прокуратура, кампанейское правосудие, И. Сталин.

THE REGULATION OF THE ACTIVITIES OF INVESTIGATORS OF THE SOVIET ARMED FORCES IN THE 1930TH

D. N. Shkarevsky

*Military University named after Prince Alexander Nevsky
of the Ministry of Defense of the Russian Federation*

Abstract: the main guiding documents of the enquiry of the armed forces of the USSR – instructions of 1923, 1933, 1940 are analysed. The author concludes that these documents have not evolved much. In his opinion, their publication was related to the existing model of justice. As a rule, they were issued after the completion of political and legal campaigns, in the process of restoration of socialist legality. Their main purpose was to increase the level of discipline in the troops and the authority of the command.

Key words: Soviet justice, special justice, military justice, military tribunals, military prosecutor's office, campaign justice, I. Stalin.

В настоящее время изучение деятельности различных аспектов военного права обусловлено практическими потребностями. Сегодня необходимо обобщать и учитывать исторический опыт организации деятельности органов дознания в вооруженных силах СССР. К сожалению,

советские исследователи уделяли незначительное внимание органам дознания. В центре их исследований находились военные трибуналы и органы военной прокуратуры¹. Такое положение сохраняется до сих пор. Многие аспекты данной темы остаются за пределами интересов современных исследователей. В частности, практически не изучены вопросы правового регулирования органов дознания в 1930-е гг.²

Во многом это обусловлено отсутствием доступа к некоторым источникам. Так, инструкции органам дознания 1929 и 1931 гг. труднодоступны. Инструкции 1933 и 1940 гг. были опубликованы³. Однако данный сборник практически не доступен исследователям в Российской Федерации. Поэтому цель статьи состоит в выявлении особенностей правового регулирования органов дознания в 1930-е гг. на основе анализа доступных нормативных актов 1930-х гг.

Попытки специальной регламентации деятельности органов дознания в вооруженных силах стали предприниматься в ходе первой советской кодификации. Так, в 1923 г. приказом РВС СССР № 2024 была введена в действие «Инструкция для производства дознания в военном и в военно-морском ведомствах». Она была составлена на основе принципов Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, принятого в 1923 г.⁴ Данный документ, с изменениями, действовал до 1929 г.

Инструкция 1933 г. ориентировала органы дознания на борьбу с дисциплинарными проступками по принципу «судить меньше, но более четко и организованно». Органам дознания настоятельно рекомендовалось принимать решение о предании суду только после тщательного изучения личности правонарушителя и его классового происхождения и положения.

Подбор дознавателей должен был производиться командиром части при участии военного следователя из числа лучших командиров и политработников. На полк назначалось 6 дознавателей и 3 заместителя сроком на 1 год. К дознавателю предъявлялись следующие требования: политическая выдержанность, безукоризненная дисциплинированность, знание приказов РВС, безусловная общая грамотность и отсутст-

¹ См.: Кожевников М. В. Подсудность уголовных дел. М., 1939. 25 с.; Долицкий В. За что судит военный трибунал. М., 1931. 50 с.; Голунский С. А., Карев Д. С. Военные суды и военная прокуратура. М., 1940. 220 с. и др.

² См.: Ковальских Д. Военная полиция Министерства обороны Российской Федерации как орган дознания. Проблемы нормативного регулирования процессуальной деятельности // Военно-юридический журнал. 2023. № 6. С. 12–16; Шкаревский Д. Н. Деятельность органов дознания в вооруженных силах СССР в 1930-е гг. // Военно-юридический журнал. 2024. № 5. С. 42–45.

³ См.: Сборник документов по истории советской военной юстиции /сост. Л. Н. Гусев. М., 1951. 480 с.

⁴ См.: Тепин М. Руководство по ведению дознаний в частях и учреждениях РККА. М. ; Л., 1928. С. 109–110.

вие судимости. Его деятельность должна была проходить под контролем военного следователя.

Действия дознавателя, по сравнению с инструкцией 1923 г., серьезно ограничивались (осмотр документов, допросы, осмотр места происшествия, обыски с разрешения командира). Но при этом военный следователь мог поручать ему проведение отдельных следственных действий.

Инструкция 1933 г. различала следствие, дознание, расследование. Их отличие проводилось по должностному лицу, осуществлявшему следственные мероприятия. Так, следствие проводилось следователем (военным следователем) или прокурором. Дознание – дознавателем по поручению командира части. Расследование – любым лицом по поручению командира (комиссара) части для выяснения интересующих обстоятельств. Оно назначалось «в сомнительных случаях» и называлось «устным расследованием».

Производство дознания должно было быть основано на принципах: непрерывности и быстроты, быстроты и всесторонности, объективности расследования, краткости и точности изложения. Роль командира в производстве дознания оставалась высокой: он ставил дознавателю задачи, определял сроки производства, освобождал дознавателя от иных обязанностей. После окончания дознания командир знакомился с материалами и мог потребовать их дополнения. Также командир принимал решение о передаче завершеного дознания военному прокурору (следователю) или его прекращении. При этом его мнение о предании суду должно было быть «твердо выражено и мотивировано».

Цель дознания состояла в определении наличия состава преступления. Первостепенное значение также отводилось определению «социально-политического и морального лица обвиняемого». Инструкция требовала собрать «все характеризующие материалы» и не ограничиваться анкетным опросом.

Этот документ также требовал выявлять соучастников и подстрекателей, выявлять мотивы путем допроса товарищей и земляков обвиняемого, а также недочеты в работе армейских органов. От дознавателей требовалось критически оценивать все виды доказательств: свидетельские показания, заключения экспертов, вещественные доказательства, письменные документы, личные показания обвиняемого. Дознавателю запрещалось производить массовые обыски, осмотры сундуков в подразделении. Обыски могли производиться с разрешения командира части и в присутствии двух понятых. Отмечалось, что личный допрос обвиняемого не имеет «решительного доказательственного значения» и не рекомендовалось начинать дознание с данного вида следственных действий. Кроме того, рекомендовалось, по требованию обвиняемого, разрешать ему самому записывать свои показания.

Среди мер пресечения имели место: подписка о невыезде, поручительство, содержание под стражей. Последняя допускалась с разрешения командира и военного прокурора, но санкцию на арест разрешалось дать «по телефону». Также к рядовому и младшему начсоставу разрешалось применять «ближайшее наблюдение». Но данная мера не раскрывалась в Инструкции. Лиц, совершивших воинские (дезертирство), общеуголовные (кража, убийство) преступления, разрешалось задерживать с уведомлением военного прокурора и содержать на гауптвахте в течение 48 часов.

Раздел VIII Инструкции содержал рекомендации дознавателям по отдельным категориям дел. Например, по делам о дезертирстве требовалось допросить «ближайших товарищей и земляков», произвести «тщательный обыск в личных вещах дезертира, обращая внимание на его переписку», выяснить «мотивы побега и обстоятельства, способствовавшие ему». По делам о хищениях и внутриказарменных кражах рекомендовалось тщательно осмотреть место происшествия и «запротоколировать результаты», осмотром и предварительным допросом установить подозреваемых. Сообщить в оперативно-розыскной отдел милиции приметы и передать опись украденных вещей. При краже из склада следовало обратить внимание на состав караула. При обнаружении «расхитителей» следовало «вскрыть их социально-политическое лицо».

По делам о несчастных случаях следовало обнаружить недочеты в несении службы. По делам о групповых нарушениях требовалось выявить четкость нарушенного приказа или правила, установить групповой характер, выявить подстрекателей и зачинщиков, а также недочеты в работе части, способствовавшие нарушению.

Инструкция подтверждала трехдневный срок производства дознания. Он мог быть продлен военным следователем или прокурором до 14 дней по делам о кражах, промотаниях, несчастных случаях, злоупотреблениях, халатности⁵.

Таким образом, в начале 1930-х гг. наблюдаются серьезные изменения в положении дознавателей. Во-первых, они были поставлены под более плотный контроль органов дознания (командиров части) и военных прокуроров (следователей). При этом роль комиссаров была отодвинута на второй план. Во-вторых, наблюдается более строгая регламентация их деятельности. В частности, произошло кардинальное сокращение сроков дознания (с 1 месяца до 3 дней). В-третьих, произошли изменения в структуре преступности. Если в 1920-е гг. обеспокоенность государства вызывали дела о порче, утрате, недостатке казенного имуществ-

⁵ См.: Сборник документов по истории советской военной юстиции. С. 298–308.

ва, об авариях, о подделке требований перевозки, то в 1930-е гг. – дезертирство, хищения и внутриказарменные кражи, несчастные случаи, групповые нарушения. В-четвертых, в начале 1930-х гг. законодатель предпринял попытку более четко разграничить следствие и дознание. Права дознавателей были сокращены. Однако размытой оказалась граница между дознанием и расследованием. В целом, Инструкцию 1933 г. можно оценить как документ, принятый в процессе завершения масштабной политико-правовой кампании конца 1920-х – начала 1930-х гг. и знаменовавший наступление периода социалистической законности. Отсутствовало разграничение статусов подозреваемый / обвиняемый. Уже на стадии дознания лицо объявлялось обвиняемым.

5 февраля 1940 г. приказом Наркомата обороны № 32 была введена в действие «Инструкция органам дознания Красной Армии». 9 июля 1940 г. приказом № 370 Наркомата Военно-морского флота вводится «Инструкция по производству дознания в ВМФ Союза ССР»⁶. В содержательном плане они очень похожи, но последняя имела большее количество заимствований из инструкции 1933 г.

В данных документах нет разграничения между дознанием и следствием. Отмечу, что в учебнике Д. Карева и Д. Черткова эти формы объединялись под термином «предварительное расследование»⁷. Основное отличие между ними состояло в том, кто проводит расследование – дознаватель или военный следователь (сотрудник органа государственной безопасности).

Под дознанием в инструкциях понималось расследование дел о преступлениях, а также чрезвычайных происшествий, производимое лицами начсостава (дознавателями) по распоряжению командира и комиссара воинской части. Дознание назначалось для расследования преступлений, совершенных военнослужащими вне зависимости от места совершения (в воинской части или за ее пределами).

Для расследования проступков, подлежащих разрешению в дисциплинарном порядке, командование могло назначать ведомственное (на флоте – административное) расследование. Последнее могло проводиться в произвольной форме (устно или письменно) и могло поручаться любому лицу начсостава. К нему не применялись нормы уголовного законодательства. Если в процессе ведомственного расследования выявлялся факт (состав) преступления, то назначалось дознание.

Среди обязанностей органа дознания указывались: немедленное извещение военного следователя о назначении дознания, обеспечение быстрого и полного производства дознания, своевременное направление

⁶ См.: Там же. С. 333–357.

⁷ См.: Карев Д. С., Чертков Д. Д. Особенности судопроизводства в органах военной юстиции. М., 1940. С. 57.

законченных дознаний. По завершении дознания командир (комиссар) имел право его прекратить, передать на рассмотрение в товарищеский суд, направить со своим заключением (мотивированным мнением) военному следователю для привлечения к уголовной ответственности. Прекращенное дознание могло быть истребовано военным прокурором или следователем для просмотра. Кроме того, орган дознания должен был периодически подводить итоги работы дознавателей: выявлять и устранять недочеты, поощрять лучших дознавателей.

Количество дознавателей в полку должно было составлять 5–6, на линейном корабле – 4–5. Их следовало назначать из числа «лучших партийных и непартийных большевиков». Среди обязанностей дознавателя отмечались: поддержание тесной связи с военным следователем и выполнение его указаний, соблюдение тайны дознания и правил УПК, участие в инструктажах и систематическое повышение квалификации. Дознаватель имел право непосредственного доклада командиру части по вопросам дознания, осмотра любых документов и места происшествия, проведения допросов (кроме командира и комиссара).

Деятельность дознавателей основывалась на двух принципах: полноты и всесторонности расследования (т.е. установления состава преступления); объективности расследования (сбор изобличающих и оправдывающих доказательств). Инструкция для ВМФ добавляла к ним еще быстроту и непрерывность дознания.

По-прежнему большое значение имело выяснение социально-политического и морального лица обвиняемого. Также дознаватель должен был исходить из того, что воинские преступления могли быть совершены вследствие подстрекательства классово-враждебных элементов. При установлении контрреволюционных мотивов преступления дознаватель РККА был обязан передать материалы в Особый отдел НКВД, а дознаватель ВМФ – военному следователю.

Среди действий дознавателя особое внимание в инструкциях уделялось осмотру места происшествия, допросу, очной ставке, мерам пресечения. Среди последних особое внимание уделялось задержанию и обыску. Срок проведения дознания остался прежним – 3 дня.

Руководство более всего беспокоили следующие категорий дел: о неисполнении приказа, об оскорблении, о дезертирстве (побеге), о промотании имущества, о нарушении уставных правил караульной службы, о пьянстве и хулиганстве, о кражах. Например, по делам о кражах рекомендовалось провести осмотр места происшествия и точно установить, «что похищено», его размер и стоимость, опросить, с соблюдением строгой секретности, потерпевшего и командование, выявить, «кому сбывались похищенные вещи» (проверить мастерские по ремонту одежды, обуви, часов), выявить недочеты организации службы.

При расследовании дел об оскорблении рекомендовалось выяснить: «находился ли оскорбитель или оскорбленный при исполнении служебных обязанностей»; «в чем именно выразилось оскорбление»; время и обстоятельства происшествия; личность виновного и потерпевшего; мотивы, состояние виновного.

Итак, правовое регулирование органов дознания и дознавателей отличалось определенной стабильностью. Инструкции 1933 и 1940 гг. воспроизводили сформировавшиеся нормы. В связи с этим возникает вопрос: с чем было связано их появление? В учебнике Д. Карева и Д. Черткова указывается увеличение роли командира как органа дознания в Инструкции 1940 г.⁸ Однако наш анализ демонстрирует, что роль командира по инструкциям 1933 и 1940 гг. не изменилась.

Вероятно, их издание связано с действовавшей моделью кампанейского правосудия. Издание инструкций совпадало с началом кампаний за укрепление дисциплины в вооруженных силах. Как правило, они проводились после крупных политико-правовых кампаний. Это было связано с тем, что при проведении последних существенно снижался уровень дисциплины в вооруженных силах. Кроме того, завершение политико-правовых кампаний, как правило, сопровождалось кадровыми чистками в органах государственной безопасности и военной прокуратуре, что обостряло кадровый голод и увеличивало нагрузку на действующих сотрудников. В связи с этим активизация деятельности органов дознания в вооруженных силах позволяла обеспечить начало борьбы за повышение уровня дисциплины с минимальными материальными затратами для государства. Таким образом, органы дознания являлись важным элементом в механизме кампанейского правосудия 1930-х гг.

Библиографический список

Голунский С. А. Военные суды и военная прокуратура / С. А. Голунский, Д. С. Карев. – М. : ВЮА, 1940. – 220 с.

Долицкий В. За что судит военный трибунал / В. Долицкий. – М. : ГВИ, 1931. – 50 с.

Ковальских Д. Военная полиция Министерства обороны Российской Федерации как орган дознания. Проблемы нормативного регулирования процессуальной деятельности / Д. Ковальских // Военно-юридический журнал. – 2023. – № 6. – С. 12–16.

Кожевников М. В. Подсудность уголовных дел / М. В. Кожевников. – М. : ЮИ НКЮ СССР, 1939. – 25 с.

Сборник документов по истории советской военной юстиции / сост. Л. Н. Гусев. – М. : РИО ВЮА, 1951. – 480 с.

Тепин М. Руководство по ведению дознаний в частях и учреждениях РККА / М. Тепин. – М. ; Л. : ГИОВЛ, 1928. – 188 с.

⁸ См.: Карев Д. С., Чертков Д. Д. Указ. соч. С. 52.

Шкаревский Д. Н. Деятельность органов дознания в вооруженных силах СССР в 1930-е гг. / Д. Н. Шкаревский // Военно-юридический журнал. – 2024. – № 5. – С. 42–45.

References

Collection of documents on the history of Soviet military justice / compiled by L. N. Gusev. – Moscow : RIO VYUA, 1951. – 480 p.

Golunsky S. A. Military Courts and Military Prosecutor's Office / S. A. Golunsky, D. S. Karev. – Moscow : VYUA, 1940. – 220 p.

Dolitsky V. What the military tribunal judges for / V. Dolitsky. – Moscow : GVI, 1931. – 50 p.

Kovalskikh D. Military Police of the Ministry of Defence of the Russian Federation as a body of enquiry. Problems of normative regulation of procedural activity / D. Kovalskikh // Military Law Journal. – 2023. – No. 6. – Pp. 12–16.

Kozhevnikov M. V. Subordination of criminal cases / M. V. Kozhevnikov. – Moscow : YUI NKYU SSSR, 1939. – 25 p.

Shkarevsky D. N. Activity of the bodies of enquiry in the armed forces of the USSR in the 1930s / D. N. Shkarevsky // Military-Juridical Journal. – 2024. – No. 5. – Pp. 42–45.

Tepin M. Guidelines for conducting enquiries in units and institutions of the Red Army / M. Tepin. – Moscow ; Leningrad : GIOVL, 1928. – 188 p.

Для цитирования:

Шкаревский Д. Н. Регламентация деятельности дознавателей советских вооруженных сил в 1930-е годы // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1(10). С. 125–132.

Recommended citation:

Shkarevsky D. N. The regulation of the activities of investigators of the Soviet armed forces in the 1930th // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 1(10). Pp. 125–132.

Сведения об авторе

Шкаревский Денис Николаевич – старший преподаватель 53 кафедры (ментальной безопасности) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: shkarden@mail.ru

Information about author

Shkarevsky Denis Nikolayevich – Senior Lecturer of the 53rd Department (Mental Security) of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

E-mail: shkarden@mail.ru

УДК 340

ЗАКОНЫ ХАММУРАПИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

А. А. Козлова

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Поступила в редакцию 8 января 2025 г.

Аннотация: статья посвящена Своду законов царя Хаммурапи как одному из древнейших источников права. Изучение исторических памятников и анализ историко-правовых данных позволили автору сопоставить ценности, значимые для вавилонского общества, с объектами, охраняемыми Законами Хаммурапи, и прийти к выводу о том, что последние играли значимую роль в защите духовно-нравственных ценностей. Автор акцентирует внимание на том, что, сравнивая Законы Хаммурапи с современными нормативными правовыми актами, можно понять, каким образом за прошедшие тысячелетия эволюционировала система ценностей, защищаемых правом.

Ключевые слова: Законы Хаммурапи, духовно-нравственные ценности, обычаи, справедливость, возмездие, правовая защита, брачно-семейные отношения, собственность.

HAMMURABI'S LAWS AS A TOOL FOR PROTECTING SPIRITUAL AND MORAL VALUES

A. A. Kozlova

*Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

Abstract: the article is devoted to the Code of laws of King Hammurabi as one of the oldest sources of law. The study of historical monuments and the analysis of historical and legal data allowed the author to compare the values significant for the Babylonian society with the objects protected by the Laws of Hammurabi, and to conclude that the latter played a significant role in the protection of spiritual and moral values. The author focuses on the fact that by comparing Hammurabi's Laws with modern regulatory legal acts, one can understand how the system of values protected by law has evolved over the past millennia.

Key words: the Laws of Hammurabi, spiritual and moral values, customs, justice, retribution, legal protection, marital and family relations, property.

© Козлова А. А., 2025

На сегодняшний день отсутствуют исчерпывающие данные, которые позволили бы с точностью реконструировать всю историю разработки и принятия знаменитых Законов Хаммурапи. Мы можем лишь строить предположения о том, что, подобно многим другим древним правовым памятникам, этот свод законов не был создан в одночасье; напротив, его формирование, вероятно, происходило в течение достаточно продолжительного времени. Этот процесс, возможно, включал в себя многократные ревизии, дополнения и изменения отражающие различные аспекты жизни и правоприменительной практики того времени.

Можно также предположить, что составители Законов Хаммурапи опирались на широкий спектр источников социальных норм. К таким источникам могли относиться обычаи, передаваемые из поколения в поколение, традиции, сложившиеся в различных общинах, а также религиозные тексты, игравшие важную роль в общественной жизни вавилонского общества. Эти разнообразные источники нормативных предписаний могли в значительной степени повлиять не только на структуру и содержание свода законов, но и на характер выполняемых им функций, его роль в организации жизнедеятельности вавилонского общества.

Анализируя текст Законов Хаммурапи, можно с уверенностью утверждать, что они являются ярким примером источника права, играющего значимую роль в защите духовно-нравственных ценностей. Многие нормативные требования, установленные названными Законами, были разработаны с целью предотвращения нравственного хаоса и упадка, которые наблюдались в предыдущие эпохи.

Не вызывает удивления тот факт, что нормативные предписания, содержащиеся в Законах Хаммурапи, тесно связаны с теми идеями и ценностями, значимость которых выходит за рамки правовой сферы. Такие идеи и ценности можно считать ценностями культуры в целом. В Законах нашли отражение элементы религиозного мировоззрения, моральные устои, культурные традиции, другие составляющие системы социального регулирования, оказывавшие ощутимое влияние на образ жизни вавилонского общества того времени и мышление его представителей. Предписания Законов отражали стремление к справедливости, социальной стабильности и поддержанию общественного порядка, что было критически важным для обеспечения процветания и устойчивости цивилизации.

Неразрывная связь содержащихся в Законах Хаммурапи норм с идеями и ценностями, значимость которых выходит за рамки правовой сферы, свидетельствует о том, что этот свод законов был результатом долгого и сложного правотворческого процесса, важными составляющими которого были адаптация и синтез множества источников социального регулирования.

В то же время важно подчеркнуть, что Законы Хаммурапи не заключали в себе в систематическом виде всех правил, которые применялись в области права. Эти законы охватывали определенный круг вопросов и проблем, значимых для того периода, но не стремились формализовать весь перечень существующих норм. Освещая разнообразные по своему характеру вопросы, они в то же время игнорировали многие важные правила и практики, которые играли значимую роль в регулировании общественных отношений. Причина такого подхода заключалась в том, что многие из этих правил и практик были настолько глубоко заложены в обычаях и традициях, что воспринимались как очевидные и не требующие специального юридического закрепления. Эти нормы были настолько укоренены в повседневной жизни людей, что их соблюдение не вызывало сомнений или споров, а потому не нуждалось в закреплении в рамках свода законов.

Можно утверждать, что Законы Хаммурапи сосредотачивали основное внимание не на фиксации подробных и исчерпывающих формулировок правил для всех возможных правозначимых ситуаций, а на уточнении и объяснении того, как должно действовать в наиболее острых спорных случаях. Содержащиеся в них примеры служили своего рода иллюстрациями к более широким по предмету и/или сфере регулирования правовым нормам, действующим в обществе. Законы Хаммурапи, таким образом, были ориентированы на разъяснение конкретных ситуаций, в которых можно было бы применить уже существующие правовые обычаи и принципы, а не на попытки представить абстрактные, всеобъемлющие юридические категории или универсальные теории права.

Изложенное свидетельствует, во-первых, о том, что проблема защиты духовно-нравственных ценностей, которые, безусловно, были важной частью культуры Вавилона, действительно существовала в эпоху принятия и действия Законов Хаммурапи; во-вторых, о том, что общественные практики, основанные на глубоком уважении традиций и моральных устоев общества, играя чрезвычайно важную роль в поддержании нравственного порядка, тем не менее не способны были обеспечить решение указанной проблемы полностью; в-третьих, о том, что защищенность духовно-нравственных ценностей не могла полностью обеспечиваться исключительно силой правовых обычаев как «неписаного права».

Законы Хаммурапи стояли на страже такой духовно-нравственной ценности, как справедливость. Конечно, нужно помнить тот факт, что санкции за нарушение норм права в то время были очень жестоки, но в тот исторический период как раз суровое, жестокое наказание за правонарушение считалось справедливым. Жестоко карались такие преступления, как лжесвидетельство, клевета, что было связано с особым

почитанием и даже обожествлением понятий «правдивость», «верность слову»¹.

Законы Хаммурапи не только были инструментом регулирования общественных отношений, но и «пропагандировали» идею о справедливом и беспристрастном правосудии. Таким образом проявлялось стремление обеспечить равное применение права к каждому члену общества, независимо от его социального статуса. Особое значение в трактовке справедливости Законами Хаммурапи придавалось не только наказанию, но и процессу осуждения, который, по замыслу законодателя, должен быть объективным и исключать предвзятость. Этой идеей Хаммурапи пытался донести до народа понимание того, что правосудие может служить гарантом защиты как для богатого, так и для бедного, играть одну и ту же роль независимо от положения и влияния человека. Таким образом, можно утверждать, что кодекс «пропагандировал» идею, на которой базируется и современное правосудие.

Акцентируя внимание на идее о справедливом и беспристрастном правосудии, Законы Хаммурапи создавали своеобразный правовой фундамент, на котором базировалась уверенность общества в том, что каждый человек будет осужден строго по заслугам, опираясь исключительно на факты и справедливость.

К числу духовно-нравственных ценностей, защищаемых Законами Хаммурапи, можно отнести и свободу. Показательно, что в условиях узаконенного рабства названный свод законов всё же предусматривал, что когда должнику приходилось отдавать своих детей или жену в счет уплаты долга, то работать на хозяина они должны были лишь три года. Потом их следовало отпустить на свободу. Таким образом, осуществлялась защита свободных подданных от обращения в рабство.

Каждый свободнорожденный вавилонянин имел право на защиту не только своей свободы, но и того, что неразрывно с ней связано, – жизни, чести, здоровья. Посягательства на жизнь и здоровье карались по принципу «око за око, зуб за зуб». В подавляющем большинстве случаев виновный должен был понести наказание, равное тому ущербу, который он причинил другому человеку. Таким образом, не только обеспечивалось восстановление справедливости, но и упорядочивались назначение и осуществление наказаний.

В Законах Хаммурапи находит отражение принцип, согласно которому не существует прав без обязанностей. Поэтому любой свободнорожденный член общины был готов отбывать трудовую и военную повинности, выплачивать налоги. Добросовестное исполнение обязанностей перед общиной рассматривалось в качестве духовно-нравственной

¹ См.: Кашенов А. Т. История государства и права зарубежных стран : курс лекций. Томск, 2014. С. 38.

ценности и в связи с этим защищалось нормами права так же, как и другие ценности.

В Вавилоне достаточно сурово относились ко лжи, честность выступала одной из важнейших духовно-нравственных ценностей. Поэтому для Законов Хаммурапи было характерно порицание сознательного искажения истины. В частности, предусматривалось, что если человек дал на хранение другому человеку серебро, золото или что бы то ни было при свидетелях, а затем он это отрицает, то этого человека должно изобличить, и всё, что он отрицал, он должен удвоить и отдать.

Такие ценности, как брак и семья, также выступали объектом правовой защиты (параграфы 126–195). В Законах Хаммурапи нормы семейного права выглядят достаточно несистематизированными, в то же время, например, читая параграфы со 185-го по 193-й, мы видим, что семейные отношения регулировались исходя из принципа соблюдения единства семьи и продолжения рода.

В Вавилоне законодателя, бесспорно, волновал вопрос о духовном состоянии семьи и брака, поэтому в Законы Хаммурапи были включены нормы, нацеленные на то, чтобы обеспечить соблюдение супругами в союзе важнейших для общества нравственных норм (это подтверждается, в частности, параграфами 143 и 148). Безусловно важным признавалось желание супругов добровольно вступить в брак, но при этом всё равно инициатором заключения брака всегда был мужчина, а также родители жениха и невесты.

Одной из важнейших для вавилонян духовно-нравственных ценностей была верность жены своему мужу. Однако не меньшую значимость в вавилонском обществе придавали продолжению рода, что подтверждается, в частности, текстом параграфов 145 и 146, где четко прописаны обязательства супругов в отношении создания и поддержания семьи. Продолжение рода воспринималось как основной долг, без исполнения которого ни одна уважаемая семья не могла существовать, и это было ключевым аспектом семейного права того времени.

Существовавший подход к правовому регулированию брачно-семейных отношений не только обеспечивал контроль за брачными союзами, но и способствовал поддержанию социальной стабильности, поскольку семья рассматривалась как основная ячейка общества.

Анализ норм, нацеленных на упорядочение брачно-семейных отношений, позволяет заключить, что осуществляемое ими регулирование было не только важным для защиты семьи от вмешательства посторонних лиц, но также играло значительную роль в защите собственности. В Вавилоне собственность являлась важной ценностью, тесно связанной с семьей. Нормы, предназначенные для регулирования семейных отношений, затрагивали вопросы, связанные с сохранением имущества

и с управлением им. Таким образом, защита собственности и защита семьи были взаимосвязаны, что способствовало обеспечению стабильности и процветания общества в целом.

В Вавилоне собственность не просто имела важность, а была именно духовно-нравственной ценностью, так как для вавилонян было характерно более реалистичное отношение к жизни, чем для представителей других цивилизаций того времени (например, в Египте в сознании людей в значительно большей мере был развит религиозный компонент, чрезвычайно значимыми были идеи и представления, связанные с загробной жизнью и потусторонним миром, что влияло в том числе и на повседневную жизнь). В Вавилоне к собственности относились и движимые, и недвижимые объекты, и вардумы (рабы)². Наиболее значимой собственностью была земля, при этом различались формы собственности на землю (царские и храмовые земли принадлежали царю, а общинные и частные могли быть проданы, сданы в аренду, переданы по наследству³).

В Законах Хаммурапи содержались достаточно жесткие меры, нацеленные на защиту частной собственности. Устанавливалось, что никто не имеет права воровать имущество, принадлежащее собственнику, вору необходимо выплатить огромную сумму или он будет убит⁴. Если кража была совершена с проникновением на частную территорию, то преступнику грозила смерть⁵.

Как мы понимаем, признание ценности собственности нашло отражение в регулировании купли-продажи, найма, займа, аренды, подряда. Эти отношения имели большую ценность, что в целом было характерным для цивилизации того периода.

Законы Хаммурапи являются наглядным примером того, что человеческое общество способно найти баланс между практичным управлением и защитой своих духовно-нравственных основ.

В то же время проведенный анализ позволяет заключить, что одной из наиболее интересных черт Законов Хаммурапи является их способность выступать своего рода «камертоном», отражающим ключевые духовно-нравственные ценности эпохи. Эти законы фиксируют не только требования порядка и справедливости, но и те духовно-нравственные

² См.: Альмухаметова М. Ш., Кузнецов А. В. История государства и права зарубежных стран : учеб. пособие. Тюмень, 2014. С. 14.

³ См.: Жидкова О. А., Крашенинникова Н. А. История государства и права зарубежных стран : учеб. пособие для вузов. Изд. 2-е. М., 2006. Ч. 1. С. 82.

⁴ См.: Муравьева М. В. Законы Хаммурапи как источник истории экономики и экономической мысли // Агрофорсайт. 2017. № 6(12). С. 26.

⁵ См.: Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера. М., 1963. С. 328.

ценности, которые считались необходимой основой стабильного существования общества.

Свод законов Хаммурапи можно рассматривать как своеобразную точку отсчета, от которой можно отталкиваться в исследовании того, как изменились за минувшие тысячелетия, во-первых, роль права, морали и этики в человеческом обществе, во-вторых, характер связи между ними.

Можно сравнить Законы Хаммурапи, которые принято считать наиболее древним в истории человечества сводом законов, с современными нормативными правовыми актами, сопоставить их тексты для того, чтобы понять, в чем сходство и различие духовно-нравственных ценностей, которые они защищают.

Сравнение законодательной базы Древнего Вавилона с современными нормативно-правовыми актами позволяет провести любопытные параллели. Несмотря на значительный временной разрыв, многие базовые духовно-нравственные ценности, закрепленные в древнем своде законов, остаются актуальными и в наши дни.

Это подчеркивает вневременной характер вопросов, связанных не только с правосудием и защитой общественного порядка, но и с защитой моральных устоев. Такие вопросы продолжали оставаться в центре внимания законодателей на протяжении многих веков наряду с такими проблемами, как защита собственности, обеспечение справедливости, наказание за преступление, поддержание существующего государственного строя и урегулирование конфликтов.

Несмотря на то, что подходы к решению проблемы защиты духовно-нравственных ценностей посредством права меняются в исторической перспективе, защита таких ценностей в том или ином виде осуществляется правом на любом историческом этапе его развития и в любом культурном контексте. Это позволяет предположить, что защита духовно-нравственных ценностей является универсальной, вневременной функцией права.

Библиографический список

Альмухаметова М. Ш. История государства и права зарубежных стран : учеб. пособие / М. Ш. Альмухаметова, А. В. Кузнецов. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. – 279 с.

Жидкова О. А. История государства и права зарубежных стран : учеб. пособие / О. А. Жидкова, Н. А. Крашенинникова. – Изд. 2-е. – М. : Норма, 2006. – Ч. 1. – 624 с.

Кашенов А. Т. История государства и права зарубежных стран : курс лекций / А. Т. Кашенов. – Томск : ТУСУР, 2014. – 326 с.

Муравьева М. В. Законы Хаммурапи как источник истории экономики и экономической мысли / М. В. Муравьева // Агрофорсайт. – 2017. – № 6(12). – С. 12–20.

Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера. – М. : Наука, 1963. – 544 с.

References

Almukhametova M. Sh. History of the state and law of foreign countries : textbook manual / M. Sh. Almukhametova, A. V. Kuznetsov. – Tyumen : Publishing House of the Tyumen State University, 2014. – 279 p.

Anthology on the history of the Ancient East / edited by V. V. Struve and D. G. Raeder. – Moscow : Nauka, 1963. – 544 p.

Kashenov A. T. History of the state and law of foreign countries : a course of lectures / A. T. Kashenov. – Tomsk : TUSUR, 2014. – 326 p.

Muravyeva M. V. Hammurabi's Laws as a source of economic history and economic thought / M. V. Muravyeva // *Agroforsite*. – 2017. – No. 6(12). – Pp. 12–20.

Zhidkova O. A. History of the state and law of foreign countries : textbook / O. A. Zhidkova, N. A. Krasheninnikova. – 2nd ed. – Moscow : Norma, 2006. – Part 1. – 624 p.

Для цитирования:

Козлова А. А. Законы Хаммурапи как инструмент защиты духовно-нравственных ценностей // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1(10). С. 133–140.

Recommended citation:

Kozlova A. A. Hammurabi's Laws as a tool for protecting spiritual and moral values // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*. 2025. No. 1(10). Pp. 133–140.

Сведения об авторе

Козлова Анастасия Александровна – преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

E-mail: nastenkkozlova@yandex.ru

Information about author

Kozlova Anastasia Alexandrovna – Lecturer at the Department of General Legal Disciplines of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: nastenkkozlova@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

УДК 340.1

ОБЗОР ТРЕТЬЕЙ ЕЖЕГОДНОЙ ОСЕННЕЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ «ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА» (Воронеж, 12 ноября – 10 декабря 2024 г.) (Часть I)

Н. В. Малиновская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 декабря 2024 г.

Аннотация: в обзоре представлено описание мероприятий и тезисы докладов участников Третьей ежегодной осенней научной сессии «Правовые ценности в условиях многополярного мира» (Воронеж, 12 ноября – 10 декабря 2024 г.), включая Международный круглый стол «Тенденции развития теории права в XXI веке» (21 ноября 2024 г.) и Третью международную междисциплинарную научно-практическую конференцию «Достижения и проблемы юридической антропологии» (28 ноября 2024 г.).

Ключевые слова: юридическая антропология, правосубъектность, правовые категории, ценности права, правовая семиотика, суды биев, обычное право, общинное право, коренные малочисленные народы, танахический иудаизм, мифологические конструкты.

REVIEW OF THE THIRD ANNUAL AUTUMN SCIENTIFIC SESSION “LEGAL VALUES IN A MULTIPOLAR WORLD” (Voronezh, November 12 – December 10, 2024) (Part I)

N. V. Malinovskaya

Voronezh State University

Abstract: the review presents a description of the events and abstracts of the reports of the participants of the Third Annual Autumn Scientific Session "Legal Values in a Multipolar World" (Voronezh, November 12 – December 10, 2024), including the International Round Table "Trends in the Development of Legal Theory in the 21st Century" (November 21, 2024) and the Third International Interdisciplinary Scientific and Practical Conference "Achievements and Problems of Legal Anthropology" (November 28, 2024).

© Малиновская Н. В., 2025

Key words: legal anthropology, legal personality, legal categories, legal values, legal semiotics, biy courts, customary law, communal law, indigenous peoples, Tanakhic Judaism, mythological constructs.

Третья ежегодная осенняя научная сессия «Правовые ценности в условиях многополярного мира» прошла на юридическом факультете Воронежского государственного университета в период с 12 ноября по 10 декабря 2024 г. и включила в себя проведение Международного круглого стола, международных конференций, форума молодых исследователей и конкурса научных работ студентов.

Первым научным мероприятием сессии стал **Международный круглый стол «Тенденции развития теории права в XXI веке»**, проведенный 21 ноября 2024 г. Научно-образовательным центром юридической антропологии и конфликтологии и кафедрой теории и истории государства и права Воронежского государственного университета совместно с кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ в смешанном очно-дистанционном формате.

Со-модераторами круглого стола выступили заведующая кафедрой теории и истории государства и права ВГУ, профессор **С. Н. Махина** и профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ **И. Л. Честнов**.

Круглый стол проводился в формате обсуждения докладов. Выступление каждого из спикеров порождало целый ряд вопросов и комментариев участников.

Так, уже в начале мероприятия возникла дискуссия, заданная выступлением заведующей кафедрой теории и истории государства и права ННГУ им. Н. И. Лобачевского **В. Б. Романовской**. Дискуссия строилась вокруг правосубъектности и возможности ее распространения на животных и искусственный интеллект. Профессор В. Б. Романовская отметила, что российское правовое регулирование в области защиты животных нуждается в совершенствовании, исключая возможность жестокого обращения с ними в промышленных или личных целях. Несмотря на невозможность признания животных субъектами права, они нуждаются в повышенной охране со стороны законодателя.

Профессор **И. Л. Честнов** подчеркнул, что понятие субъекта права – это широкая категория, включающая права и обязанности и нуждающаяся в расширительном толковании. В то же время данная категория оставляет множество вопросов, в том числе с учетом развития технологий искусственного интеллекта. Докладчик обратил внимание на возможность констатировать «натуралистический поворот» в современной теории права, на который указывает российский философ права профессор А. В. Поляков. В связи с этим возникает интерес к достижениям естественных наук и запрос на изучение закономерностей функционирования человеческого мозга в сравнении с механизмами работы искусственного интеллекта.

Участники круглого стола согласились с необходимостью углубленной разработки категории правосубъектности искусственного интеллекта, в том числе с привлечением данных естественных и технических наук и проведением междисциплинарных исследований.

Другим дискуссионным вопросом круглого стола стала проблема универсальных ценностей права. Профессор И. Л. Честнов отметил, что их основание невозможно найти в природе. В данном случае основой является оценивание, которое осуществляется каждым человеком.

Профессор кафедры конституционно-го и международного права Академии МВД Республики Беларусь **В. И. Павлов** обратил внимание на кризис ценностных ориентиров юснатурализма, выход из которого пока не является очевидным. Кризисная ситуация сложилась в связи с бурным развитием научно-технического прогресса и формированием технологий искусственного интеллекта, а также гиперболизацией ценностей естественного права западной юридической наукой и практикой.

Профессор **С. Н. Махина** в своем выступлении указала на плюрализм содержания правовых категорий, для верного понимания которых требуется как филологическое, так и культурно-контекстуальное толкование. Этот вопрос также вызвал широкую дискуссию с позиций возможности создать идеальные юридические понятия и конструкции, определить их содержание всеобъемлюще на нормативном уровне. Было отмечено, что восполнение содержательных пробелов правовых понятий часто происходит на практике, но всё же необходимо стремиться к формированию идеальных моделей на уровне нормотворчества.

Дискуссия была продолжена старшим преподавателем кафедры теории и истории государства и права юридического факультета СПбГУ, кандидатом юридических наук **М. С. Куликовой**, которая на отдельных примерах проанализировала роль традиционно-нравственных ценностей как особой правовой категории в правоприменительной деятельности.

Профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ВГУ **Ю. В. Сорокина** продолжила категориальный анализ права на основе достижений правовой семиотики, подчеркнув конвенциональный характер правовых категорий.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского **О. Б. Купцова** рассмотрела влияние особенностей развития юридической техники на теорию права на примере правоинтерпретационных актов, проведя сравнительный анализ их природы и разновидностей в российской и англо-американской правоприменительной практике.

Проблематика специфики конструирования судебных решений была продолжена доцентом кафедры теории права МГЮА им. О. Е. Кутафина **А. М. Михайловым**, показавшим на отдельных примерах влияние правосознания судей на применение аналогии права. Он отметил, что в ряде случаев необходимость применения аналогии права не получает должной аргументации в судебных решениях, а факт ее использования основывается, по сути, исключительно на судебском правосознании.

Научный сотрудник Лаборатории доказательной социальной политики, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Самарского гуманитарного экономического университета **С. Н. Касаткин** обратил внимание на феномен правовых принципов и их влияние на развитие теории юридических коллизий. Он подчеркнул, что при разрешении коллизий в праве часто встает вопрос о применении оппозиции «принцип – правило», который должен получать конкретное разрешение на уровне правовой алгоритмизации.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека Ивановского государственного университета **Е. Л. Поцелуев** провел многоаспектное исследование сущности позитивной и ретроспективной юридической ответственности на основе сравнительного анализа взглядов представителей российской и зарубежной юридической доктрины.

По итогам круглого стола был намечен спектр актуальных проблем современной российской теории права, среди которых содержательная определенность законодательно закрепленных правовых ценностей, определение границ правосубъектности в контексте цифровизации и развития идей юснатурализма, совершенствование юридической техники правоинтерпретационных актов, а также конкретизация механизмов разрешения юридических коллизий.

Продолжением Ежегодной осенней научной сессии стало проведение **Третьей международной междисциплинарной научно-практической конференции «Достижения и проблемы юридической антропологии»** 28 ноября 2024 г.

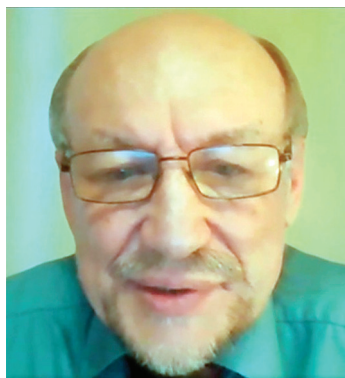
Работу конференции открыла руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор **Светлана Николаевна Махина**, выступившая также модератором конференции.

Международный формат мероприятия объединил ученых из шести стран: России, Республики Беларусь, Республики Таджикистан, Кыргызской Республики и Республики Эквадор. Российское юридическое сообщество было представлено учеными из Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Иваново, Нижнего Новгорода, Самары, Курска, Сургута, Рязани, Краснодара, Симферополя, Йошкар-Олы, Казани, Волгограда и Новосибирска.

Открывая работу конференции, профессор **С. Н. Махина** подчеркнула, что юридическое сообщество нуждается в увеличении числа антропологических исследований права, которые способны повысить эффективность создаваемых на их основе правовых норм и разрешить многие проблемы правоприменительной практики.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета **А. В. Поляков** в своем докладе рассмотрел *антропологические начала традиционных ценностей современного российского права*.

Он отметил, что доминирующая трактовка традиционных ценностей нуждается в корректировке. Эти ценности должны создавать основу для единения социума, быть общими для верующих и неверующих гра-

ждан. Санкт-Петербургская школа теории права в своих исследованиях стремилась понять и объяснить, как их можно объединить. На основе изученных материалов пришли к выводу, что традиционные ценности действительно связаны между собой и имеют общий источник, поскольку бытие человека пронизано процессами коммуникации.

При этом бытие в коммуникации основано на признании. Человек заинтересован в признании его личных успехов, а общество заинтересовано в подчинении человека иерархически организованному целому. И это также находит отражение в сознании человека. Так уживаются эгоизм как необходимость утверждения собственного я и альтруизм как необходимость служения обществу.

В ходе дискуссии модератор конференции, профессор С. Н. Махина подняла вопрос о «неоценностях» и допустимости для них называться таковыми. Профессор А. В. Поляков отметил, что именно принцип взаимного признания можно использовать для ответа на этот вопрос, а также и на вопрос, когда заканчивается человек и появляется, например, «электронное лицо», двойник, который уже не обладает человеческой личностью. Ценности становятся традиционными, только если они проходят проверку на предмет возможности действовать на благо развития отдельных личностей и общества в целом.

Профессор Ю. В. Сорокина в развитие тематики доклада задала вопрос о возможности для гражданского общества существовать в рамках разумного либерализма или разумного консерватизма, а равно и о возможности самого гражданского общества являться ценностью индивидуализма, консерватизма или централизма. Профессор А. В. Поляков отметил, что гражданское общество действительно можно понимать по-разному. Но даже в консервативных обществах с течением времени оно начинает оживать, поскольку невозможно до конца подавить тягу человека к саморазвитию и самоутверждению. Именно они являются основой гражданского общества независимо от условий его существования.

Начальник кафедры теории права Московского университета МВД имени В. Я. Кикотя, профессор **А. И. Клименко**, представляя свой доклад о правовых ценностях, отметил, что А. В. Поляков верно акцентировал внимание на *правовых ценностях как основании развития современного общества*. Он отметил, что индивид и общество смотрят друг в друга как в зеркало. Трагедия соприкосновения живого человека с «человеком юридическим» такая же, как соприкосновение человека с правовыми ценностями или соприкосновение тела с металлом. Когда мы живем в современном сложном обществе, нам приходится использовать сложные ценностные конструкции, которые могут далеко отстоять от нас, поскольку они являются конвенциональными и нам сложно увидеть в них себя. В известной работе Р. Барта «Мифологии» обращает-

ся внимание на искусственную языковую конструкцию мифа, которая выполняет не коммуникативную, а ценностноустанавливающую функцию. Человек не только не может быть источником права, но и не может быть источником самого себя. Он рождается и живет в обществе и иначе не существует, но умирает в одиночестве. В позднекапиталистическом обществе обостряются классовые противоречия, и, чтобы смягчить это обострение, классовая борьба вытесняется дискурсивной формой. Какую бы социальную проблему мы ни взяли, мы даем ей правовую оценку. Именно правовая, а не моральная оценка происходящего становится всё более важной в современном обществе. Конвенциональные ценности становятся основой действующего права. При этом именно в публично-правовом дискурсе заложен потенциал для развития государства, в нем изменяется и достраивается система ценностей.

Профессор А. И. Клименко отметил, что современная демократия строится не на деятельном участии человека, а на апатии. Сложно ответить на вопрос, формируют ли правовые ценности личность человека или сам человек формирует ценности. Это влияние взаимно. Опыт такого влияния есть у всех, как и его интерпретация или даже мифологизация, степень которой может различаться. Ценности формируются в определенной материальной культуре, поскольку индивид испытывает определенные потребности. Но ценности и меняются, поскольку изменчивы потребности и интересы, которые вносят изменения в правовой дискурс.

Доцент кафедры международного и конституционного права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина **Н. С. Турсунбаева** в своем докладе раскрыла *ценностные ориентиры в обычном праве кыргызов*. Для их определения важно сформулировать целый ряд понятий, в частности, адатного права – обычного права, сформировавшегося в обществе. Готовность к соблюдению обычных норм подкреплялась на генетическом уровне, формируя уважение к ним. Важной чертой обычного права являлась и является его корпоративность – по роду занятий или этническому происхождению.

Важную роль в формировании обычного права сыграли суды биев. Термин «бий» сложился в глубинных пластах Средневековья. В настоящее время под ним понимается ключевая фигура в судопроизводстве, которая осуществляла правосудие. Бием также назывался и предводитель рода. С какого момента возникло разделение между этими понятиями – установить трудно. Главным образом, суд биев понимался как народный орган. Но советские исследователи характеризовали его иначе: они считали, что почетное звание «бий» приобретает в процессе нравственных заслуг перед обществом. С биями всегда ассоциировались

высокий интеллект, широкий кругозор, а также честность, прямота, находчивость, коммуникабельность, знание обычаев и традиций, даже хозяйственных потребностей общества. Такой высокий уровень требований делал получение статуса бия весьма сложным. Известно, что бии брали себе молодых учеников, которые в поездках с ними приобретали опыт и знания. Таким образом, звание бия не являлось наследственным и приобреталось в зависимости от способностей.

Все дела бии решали в основном мирным путем, особенно если не было достаточных улик. Их усилия всегда были направлены на примирение сторон, что нередко происходило через установление родственных связей между конфликтующими сторонами – женитьбу.

Суды биев действовали в Кыргызстане до середины XIX в., когда – после вхождения в состав Российской империи – они утратили свою самобытность. Преемниками традиций судов биев в современном Кыргызстане являются суды аксакалов. Они рассматриваются как негосударственные суды, которые также имеют в качестве основной цели мирное разрешение конфликта. Аксакалы наиболее авторитетные члены общества, знающие и соблюдающие его традиции. Одной из проблем в настоящее время является поддержание их самобытности. Ведутся дискуссии о возможности включения их в государственную систему правосудия.

По окончании доклада участники конференции обсудили возможности сохранения традиционных правовых ценностей и самобытности в Кыргызской Республике, в том числе при помощи судов, действующих на основе норм обычного права. Так, в Уголовном кодексе Кыргызстана закреплено такое наказание, как «тройной айып», которое применялось судами биев. Это подразумевает избирательную конфискацию имущества у лица, которое причинило другому имущественный вред в целях восстановления возможности получить необходимый доход.

Важным является вопрос о том, на каких началах основано сохранение доверия к судам аксакалов в настоящее время. Отчасти это обусловлено тем, что данные суды стараются применять в своих решениях не только обычаи, но и нормы закона, а также повышать свою квалификацию, хотя такие требования к ним не предъявляются.

Декан юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, профессор **Л. Е. Лаптева** в своем докладе обратила внимание на *проблемы*

взаимодействия бизнеса с коренными малочисленными народами в историческом и современном ракурсе.

Она обратилась к понятию «дикари» и отметила, что оно появилось постепенно. Так, в XVI в. эти народы называли по наименованиям – эвенки, чукчи и т.д. У Строгановых в указах говорилось про иноземцев: требовать от них что-либо можно только «ласкою», а не «жесчью». Под «ласкою» понималась именно торговля на равноправных началах. В 1822 г. в «Уставе об управлении инородцев» было указано, что они платили не ясак, а дань. Не стоял вопрос о жесткой русификации, хотя при возможности местным сибирским властям предлагалось повысить уровень образованности с позиций ознакомления с русской культурой тех малочисленных народов, которые этого желали. Большее стремление к русификации возникает в советское время. Некоторые посягательства на самобытность намечаются в послевоенное время в XX в. по соображениям государственной целесообразности. Сама советская политика в отношении коренных малочисленных народов на протяжении XX в. была неодинакова: степень императивности различалась.

Согласно «доктрине открытия», дикие нецивилизованные народы не признавались в качестве субъекта права на те земли и ресурсы, на которых они проживали и которыми пользовались, на которых возникали их государственные образования.

В настоящее время довольно мало представителей крупного бизнеса, готовых на основе переговоров с коренными малочисленными народами разрешать спорные вопросы. Между тем, важно, чтобы авторами соответствующих документов учитывался принцип формального равенства при фактическом экономическом неравенстве, что позволяло бы в равной мере учитывать права и интересы сторон.

Современная политика государства в отношении малочисленных народов отличается лояльностью, стремлением учитывать их потребности и интересы. В настоящее время, например, на Ямале открывают экспериментальные школы для детей, условием продолжения деятельности которых будет являться желание местного населения воспользоваться своим правом на получение образования. В нормативных актах появилось понятие «чумовой капитал», который предполагает кредитование для строительства чумов. Это один из примеров современных государственных программ, которые направлены на сохранение традиционного образа жизни коренных малочисленных народов.

В завершение доклада профессор Л. Е. Лаптева отметила, что никого нельзя принуждать сохранять свои исторические традиции, нравственные основы, духовность. Однако этот вопрос, легко решаемый правом, является весьма сложным с этических позиций.

Профессор кафедры теории и истории государства и права ННГУ им. Н. И. Лобачевского **Е. В. Калинина** продолжила тему специфики и значения аксиологических основ разных народов в ракурсе *этико-правовой аксиологии танахического иудаизма*. Она отметила, что в дискурс о духовно-нравственных ценностях традиционно включаются аспекты семьи и религии, которые оказывают влияние на аксиологические составляющие.

В отличие от мифологических сюжетов, рисующих идеальные модели общества, которое постепенно нравственно деформируется, танахические тексты изначально рисуют евреев в весьма неприглядном свете, что полностью опровергает стереотип избранности иудейского народа по причине его исключительности в нравственном отношении. Танах описывает многочисленные случаи, в которых евреи отступали от условий соглашения с Богом (книга Второзакония, глава IX). Хумаш (Пятикнижие) является наиболее концентрированной с правовой точки зрения частью Танаха. В нем зафиксированы правила нравственной чистоты, защита уязвимых слоев населения, наказания за преступления, семейные отношения и другие правовые начала регламентации взаимоотношений человека с человеком.

В развитие доклада в ходе дискуссии профессор Е. В. Калинина обратила внимание, что в нормах Ветхого Завета заложен императив, на основе которого происходит духовно-нравственное возвышение иудейского народа до установленных высоких стандартов. При этом не исключено право выбора человека. Но высокие стандарты, заложенные императивом, впоследствии оказываются основой восприятия человеком себя через ближнего на наивысшем уровне гуманизма в учении Христа. В этом смысле иудейские аксиологические начала являются в определенной степени подготовительной ступенью для последующего развития основ христианской философии.

Профессор кафедры философской антропологии философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова **Н. Н. Ростова** обратилась к *проблеме идентичности в современной философии о человеке*. Она привела примеры суждений различных отечественных философов о сущности человеческой природы, каждое из которых представляет широкую почву для интерпретации. Доминирующей тенденцией современной философии о человеке является умножение субъектной сущности, что

обуславливает размывание традиционных представлений, ценностей и уникальных объектов действительности.

Заведующая кафедрой публичного и уголовного права Сургутского государственного университета **Л. А. Попова** рассмотрела *влияние этнокультурных особенностей на личностную оценку справедливости и законности правосудия в России*. Она обратила внимание, что в настоящее время в Ханты-Мансийском автономном округе коренное население составляет только около 2 % от общего числа жителей. Это население имеет свои традиции, которые поддерживаются, но постепенно претерпевают изменения и стираются в связи с немногочисленностью населения. В настоящее время в данном регионе наблюдается другая этнокультурная тенденция: собственные обычаи и традиции пытаются привносить приезжее население, в частности, исповедующее ислам. У данной социальной группы зачастую наблюдается резкое неприятие стандартов правового регулирования, установленных российским законодательством. Они настаивают на необходимости учета особенностей их этнокультурного менталитета при решении вопросов привлечения к юридической ответственности – уголовной и административной. При этом, по мнению Л. А. Поповой, для таких исключений не может быть никаких оснований. Приезжая социальная группа должна встраиваться в доминирующую в регионе систему ценностей, чего необходимо добиваться путем активных мероприятий по правовому воспитанию, начиная с дошкольного и школьного возраста.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ **И. Л. Честнов** обратил внимание на *проблему неопределенности статуса антропологии права в современной науке*. По-видимому, назвать ее самостоятельной научной дисциплиной не представляется возможным. В ней также заложены этнокультурная, социологическая и философская проблематика, но они развиваются с учетом конкретной предметной специфики. Возникает вопрос: как может быть институционализирована антропология права? При ответе необходимо учитывать, что у нее есть два измерения – философское, естественно-научное (Ч. Ламброзо). Профессор А. В. Поляков также выступает за единение биологического и этнокультурного начала в человеке.

В контексте права как такового, и современного права в частности, можно говорить о существовании общественного блага и также – общественной опасности. Открытым является вопрос, существуют ли они как природная данность. Можно ли сформулировать их универсальное определение на все времена и для всех народов? Есть мнение, что подобно тому, как нет абсолютного добра или зла, а есть лишь отношение

людей к добру или злу, их оценка, то нет и абсолютного содержания у общественного блага и общественной опасности. Таким образом, они существуют лишь как относительные концепты.

Другим важным вопросом профессор И. Л. Честнов назвал вопрос о субъекте права в антропологическом измерении. Он отметил необходимость активизации антропологических исследований для конкретизации содержания данного понятия. Пока остается неясным, предполагает ли развитие искусственного интеллекта необоснованное размывание границ данной категории или оно вписывается в нее и расширяет пределы содержания.

Дискуссию *о статусе антропологии права* продолжил профессор кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь **В. И. Павлов**, который отметил, что антропология права может быть разделена на теоретико-методологическое и прикладное направление. Он обратил внимание на ядро антропологии, которое заключается в человеке, действующем в праве.

В. И. Павлов указал, что необходимо развивать некую альтернативную модель субъектности, поскольку классических подходов теории права не хватает для описания современной реальности, в том числе – цифровой.

В своем докладе В. И. Павлов акцентировал внимание на правовой персонализации как способе человеческого присутствия в праве и необходимости разграничения формально-догматического и антропологического в праве.

Преподаватель кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь **Н. М. Дубрава** подробно остановилась на *антрополого-правовых особенностях толкования правовых норм*. Она отметила, что есть классический подход к субъекту толкования права, который направлен на реконструкцию субъектом объективного смысла толкуемых норм права. Использование современных методов исследования – юридической герменевтики и антропологии права – смещает акценты с объекта толкования на субъект-ориентированный подход. Интерпретатор является проводником смысла правовых норм из мира прошлого в мир современной реальности и во многом – конструктором этого смысла.

Старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН **П. И. Костогрызов** обратился к анализу *основных направлений и перспектив развития латиноамериканской юридической антропологии в XXI в.*

По его мнению, во многих аспектах антропологическая методология вышла на передовые позиции, в том числе в политическом аспекте. Ин-

дихенизм являет собой яркий тому пример: он стремился, с одной стороны, к включению индейцев в доминирующую правовую реальность, а с другой – к учету их особого этнического и культурного статуса.

В конце XX в. ситуация меняется. Происходит отказ от индихенизма как просветительской парадигмы в отношении «отсталых жителей страны». Это связано с политическим движением индейцев за права коренных народов в конце XX в. П. И. Костогрызов указал, что к этому времени юридическая антропология приобретает статус самостоятельной научной дисциплины.

Современная латиноамериканская юридическая антропология отошла от своих оснований в обычном праве. На первое место в ней выходят иные термины: «собственное право» коренных народов (получает законодательное закрепление), «общинное право». Основным объектом изучения становятся *права* коренных малочисленных народов и *динамика* общинных институтов (в противовес европейским исследованиям их как статичных). Тем самым появляются ответы на новые вызовы, с которыми сталкиваются народы и общности. В настоящее время активно используется прием исследования-действия. При этом исследователи активно вовлекаются в жизнь изучаемого сообщества с тем, чтобы в итоге внести положительные изменения для этого сообщества. Появляются коллаборативные исследования: исследователь и члены общины совместно изучают общину, обсуждают особенности и сообща делают более правильные выводы (тем самым достигается лучшее понимание). Еще одним интересным направлением является «право, найденное на улице» – когда изучается право общественных движений, возникающее во многом стихийно.

Профессор кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ **Т. А. Алексеева** остановилась на том, каким предстает субъект в конституционных проектах Симона Боливара, который, не будучи юристом, оставил глубочайший след в истории права, выразив свое мнение в эпистолярном наследии и в конституционных проектах. В них передана связь между человеком, с одной стороны, и правами и обязанностями человека в обществе – с другой. При формировании

концепта прав Боливар обнаруживает самостоятельность: он не делит права на естественные и иные. Он руководствуется практическим под-

ходом и обращает внимание на те права, которые важны для людей. Так, он ставит равенство на последнее место и утверждает, что природа не делает людей равными – они различаются темпераментом, силой, характером. Эти различия исправляет закон, формируя, по словам Боливара, политическое или фиктивное равенство. По сути, в данном случае речь идет о равенстве юридическом. При этом Боливар рассуждает об обязанностях гражданина, отталкиваясь от прав общества по отношению к гражданину. К таким обязанностям он относит обязанность соблюдать законы, «уважать и любить» учрежденные власти, защищать свободу и независимость Родины, служить ей. Боливар считает, что при необходимости гражданин должен жертвовать и своей свободой, и имуществом, и даже честью – если это понадобится обществу. Это не может вызывать удивления у его современников, поскольку так жил он сам, потратив почти всё свое имущество на поддержку освободительного движения в Испании.

Профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена **Е. Ю. Калинина** в своем докладе остановилась на *мифологических конструктах в контексте историко-правовой субъективности* на примере Испании. Она отметила, что осознание себя человеком происходит в рамках государственной реальности. Это объясняет отдельные эксцессы общественно-политического развития, в частности, когда идентичность формируется как понятие негативное. Эта негативация относится ко всему, что находится за пределами субъектности. Первая ступень и проблема заключается в отделении себя от Другого. При этом ряд исследователей, концентрируясь на внутренней самонегативации, начинают определять испанскую ментальность как болезненную, фрустрированную. Испанская картина мира описывается термином «трагический» или определяется как «состояние агонии». И эти паттерны сохраняются до сих пор, а проследить их эволюцию можно с древних времен. Таким образом, «черная легенда» заключается в формировании негативной испанской самоидентичности, в противопоставлении ее идентичности европейской. Многие исследователи перенимают эту тенденцию и, основываясь на мифологических структурах, начинают использовать это для констатации характеристик испанской государственности. В то же время необходимо понимать, что это мифологический конструкт, который оказывает влияние на формирование правосознания. Но назвать его определяющим для характеристик государственности в целом будет сложно.

Доцент кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета **А. М. Борисов** отразил антро-

пологический взгляд на мононорму и правогенез мусульманского права. Проблема была рассмотрена в контексте дискуссии с Г. И. Муромцевым, ряд утверждений которого был подвергнут сомнению и критике.

В завершение конференции профессор С. Н. Махина подчеркнула значимость междисциплинарного дискурса для антропологических исследований, который при обсуждении конвенциональных начал явлений, понятий и ценностей позволяет выявить их сущности и универсальное значение.

Для цитирования:

Малиновская Н. В. Обзор Третьей ежегодной осенней научной сессии «Правовые ценности в условиях многополярного мира» (Воронеж, 12 ноября – 10 декабря 2024 г.) (Часть I) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1(10). С. 141–156.

Recommended citation:

Malinovskaya N. V. Review of the Third Annual Autumn Scientific Session “Legal Values in a Multipolar World” (Voronezh, November 12 – December 10, 2024) (Part I) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 1(10). Pp. 141–156.

Сведения об авторе

Малиновская Наталья Владимировна – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: ilbas@mail.ru

Information about author

Malinovskaya Natalia Vladimirovna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Law, Associate Professor

E-mail: ilbas@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Требования к материалам, направляемым для публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. К публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» (далее – Журнал) принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций, круглых столов, форумов, семинаров.

1.2. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по почте или по электронной почте. В случае, если материал направляется в редакционную коллегию по почте, необходимо прилагать электронный носитель, содержащий файл со статьей автора.

1.3. Содержание присылаемых в редакционную коллегию Журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям. Присланные авторами материалы должны отличаться высокой степенью оригинальности. В случае явного несоответствия формальным требованиям (в части структуры, основных сведений, ссылок, библиографического списка) главный редактор, заместители главного редактора или ответственный секретарь Журнала могут направить поступившие материалы на доработку авторам.

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском и английском языках;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работают (или занимают соответствующие должности) на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию Журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;

- ключевые слова на русском и английском языках (6–15 слов);
- текст статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера (служебного, домашнего или мобильного) телефона, домашнего или служебного адресов, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо при-
слать в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сек-
тора, подразделения организации) о рекомендации присланного мате-
риала к опубликованию в журнале или подписанный научным руково-
дителем краткий отзыв о рекомендации статьи к опубликованию.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию,
и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редак-
тированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной кол-
легией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times
New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи должен составлять 15–20 страниц (1 п.л., или око-
ло 40 тыс. знаков). По согласованию с редакцией журнала к публикации
могут быть приняты статьи большего объема.

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная. Текст
сносок печатается шрифтом Times New Roman 12-го кегля (размера) че-
рез 1,5 интервала.

2.5. В конце статьи приводится библиографический список в алфа-
витном порядке. Библиографический список подлежит переводу на ан-
глийский язык по следующему образцу:

Библиографический список

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому по-
зитивизму) / Р. Алекси. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.

Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. – М. : Международные отно-
шения, 2004. – 238 с.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Haber-
mas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

References

Aleksi R. The concept and validity of law (the answer to legal positivism) / R. Aleksi. – M. : Infotropik Media, 2011. – 192 p. (In Rus)

Radbrukh G. Legal philosophy / G. Radbrukh. – M. : International relationships, 2004. – 238 p. (In Rus)

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

2.6. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.7. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.8. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.9. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

2.10. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.11. Наличие иллюстраций в публикациях приветствуется. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg. Для каждой иллюстрации в обязательном порядке должен быть указан источник ее получения.

3. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

3.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

3.2. В случае, если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

3.5. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на законодательство;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования идентичной статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

3.6. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

3.7. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
И КОНФЛИКТОЛОГИИ
2025. № 1(10)

Подписано в печать 19.06.2025. Формат 70×100/16.
Уч.-изд. л. 14,0. Усл. печ. л. 13,1. Тираж 25 экз. Заказ 113

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3